

К 84(2=411.2)6
П 53

ОРЛОВЩИНА
ЛИТЕРАТУРНАЯ—
СОВРЕМЕННОСТИ

Александр Польшин
О СЛЕДОВАТЕЛЕ ШНУРКОВЕ

Детективные истории

10

к 84(2=411, 2)6
1753

Александр Польшин

О СЛЕДОВАТЕЛЕ ШНУРКОВЕ

Детективные истории

A 300301
16 +

КР2024

Орёл - 2019

БУКОВА
Орловская областная
универсальная научная
библиотека им. И.А. Бунина»

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
П 49

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Орловской региональной общественной организации
«СОЮЗ ВОЕННЫХ ЛИТЕРАТОРОВ»

Оформление серии – Трудников А.В.

Александр Полынкин

П 49 О следователе Шнуркове/ Детективные истории – Орел:
Издательство «Картуш», 2019. – 212 с. (Серия «Орловщина
литературная – Современники»)

ISBN 978-5-9708-0726-2

Известный орловский краевед представляет публике свои художественные произведения – девять детективных рассказов и небольшую повесть. Все произведения объединены сквозным общим героем – следователем Шнурковым. В каждом из рассказов и в повести, написанных с изрядной долей юмора, тем не менее, обязательно есть тайны, интриги, которые будут держать читателя в напряжении до самого конца знакомства с этими легкими, но отнюдь не легковесными вещами.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-9708-0726-2

© А.М. Полынкин, 2019
© ООО ПФ «Картуш», 2019

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Я очень люблю детективы и когда-то читал их запоем. Последний из современных авторов, который мне был дорог (к сожалению, уже ушедший в мир иной) – Николай Леонов. Впрочем, и он, и многие другие детективщики стали злоупотреблять смертями и проливаемой в их произведениях кровью. В «отместку» этим профессионалам я попробовал сам написать детективное произведение, в котором слово «смерть» было бы не на первом месте, а главными являлись бы как раз тайна и ее разгадывание, сдобренные долей юмора.

Так появился на свет более 15 лет назад мой первый детективный рассказ под названием «Пропавший Веников». Он даже был опубликован издательством Александра Воробьева. Следом появилось еще несколько историй, и общее их число составило 10 штук. Все они были написаны в течение одного года. И вот прошло уже полтора десятилетия, вместо милиции у нас – полиция, но, как мне кажется, рассказы все еще представляют интерес, и потому предлагаю их на суд читателя.

Александр Польшинкин

Первая тройка.
Пропавшие

Рассказ первый. ПРОПАВШИЙ ВЕНИКОВ

В тот вечер Лидия Веникова вернулась домой, как обычно возвращалась с «тусовок» – в 3-ем часу то ли ночи, то ли утра. В общем-то, она не слишком любила все эти рауты, саммиты, приемы, презентации, как новомодно стали называть в их заштатном городишке обычные вечера встреч деловых людей. Не любила Лида их потому, что часа через два-три они превращались в заурядную пьянку (с вариациями), обязательно заканчивавшуюся локальными мордобитиями.

А на каждом втором из таких «сраутов» (прошу, читатель, прощения за Лидино словечко) к ней обязательно приставал очередной пьяный ухажер, требовавший внимания к своей персоне. Иногда Лиде хватало двух-трех энергичных слов, чтобы отбрызнуть не очень галантного кавалера, в другой раз и часа было недостаточно.

Раньше Веникова, как преуспевающая бизнес-леди, на такие встречи всегда ходила с мужем. Но потом убедилась, что ее Сергуня слово «прием» понимает только в гастрономическом смысле: как поглощение еды и питья. И к окончанию многих деловых встреч Лидия вынуждена была осуществлять прием на свою красивую грудь уже основательно растрепанную голову Сергуни.

Через полгода Лидии Марксэновне это надоело, и она как-то, собираясь на очередную презентацию, которая могла закончиться полной прострацией для мужа, решительно сказала – «Все, Сергуня! Ты никуда не поедешь! Сиди дома и смотри телевизор!»

Муж побушевал пару раз, а потом вдруг успокоился и даже оживлялся при очередных сборах Лиды на тусовку.

Она слегка заволновалась, занервничала и однажды устроила Сергуне проверку, вернувшись с какой-то встречи раньше обычного часа на два. Тихонько открыв дверь и

пройдя в недавно переоборудованную под евростандарты спальню, нашла мужа в компании – но не девиц легкого поведения, как ожидала, а разнокалиберных бутылок, выставленных по росту: от маленьких стограммовых коньяков до литровых водок – самых разных стран и народов.

Около каждой бутылки стояли рюмки и фужеры-тоже разных размеров, уже наполненные, а Сергуня, сидевший к двери спиной, брал эти посудины по очереди, чокался со своим изображением в зеркале и что-то говорил. Только потом Веникова поняла, что муж желает самому себе здоровья, причем не только на русском, английском и французском (как-никак, закончил иняз), но и на каких-то незнакомых Лиде языках.

Ошарашенная бизнес-леди минут 10 наблюдала за процессом, который скоро на ее глазах и закончился. Сергуня сказал «Бай-бай», обращаясь к бутылке виски, и рухнул в кровать, так и не заметив жены.

Недели через две Веникова проверку повторила. Результат был похожим, только на этот раз Лидия Марксэновна сидящим мужа уже не видела – он лежал, но еще протягивал руку к своему любимому виски.

После этого Лидия успокоилась и пару раз для приличия пыталась уговорить мужа закодироваться. Но когда Сергуня простодушно спросил ее: «А чем я тогда буду заниматься?», Веникова задумалась и после пятиминутных колебаний решила, что так будет даже лучше.

Мужа она еще где-то далеко-далеко в глубине души любила, детей у них не было, а к сексу, как удовольствию, всегда была равнодушна.

Процесс делания денег – все больших и больших – занимал все существо ее души. С 8 утра до 6 вечера – офис и родное предприятие, выпускавшее нижнее белье, по вечерам – деловые встречи, с одной из которых и возвращалась сейчас Лидия Веникова домой.

С наслаждением представляя, как станет под душ и отмоет свои руки от липких ладоней очередного приставалы, Лидия

Марксэновна достала из крокодиловой сумочки связку ключей (три замка новейших иностранных систем охраняли ее жилище) и только тогда взглянула на бронированную дверь.

Неприятный холодок потек у нее откуда-то от горла к грудной ложбинке, спускаясь все ниже и ниже, к животу, пока не зачесались отчаянно пятки на дне модных туфель-лодочек.

Дверь была открыта, а из дальней комнаты пробивалась узкая, как клинок, полоска бледного, скорее синего цвета.

Городок, где жили Вениковы, славился своей тишиной, даже затхлостью обстановки. И хотя тут всюю буйствовал в экономике капитализм, но был он какой-то свой, домашний. Об убийствах криминальных здесь знали только из сообщений по ТВ. И потому, хотя у Лидии Марксэновны имелся, как у всякой уважаемой в городке бизнес-леди, охранник, был он скорее для виду и форсу (двоюродная сестра просила своему неудачливому сыну, бывшему студенту, найти местечко «потеплее» – вот и подрабатывал парень за три сотни баксов у родной тетки).

Охранника-племянника Лидия отпустила еще на презентации (к девушке отпросился). И теперь, стоя у приоткрытой двери, уже приоткрыла рот, думая: кричать или не кричать.

Женщина она была волевая (в отличие от мужа, который и начал-то их общее дело, да потом с панталыку сбился) и жесткая.

Решила Веникова, что кричать не будет. Прислушалась. В квартире стояла тишина, в подъезде их единственного в городке элитного дома на 4 семьи-тоже (как-никак, – три часа утра).

Затаив дыхание, приоткрыла Веникова дверь и вошла в прихожую, света в которой не было. Щелкнула выключателем, осмотрелась – все, как обычно. Прошла на кухню – гора невымытой посуды (Машка – домработница по субботам всегда себе выходной делала – «стерва»), это тоже Лидию не удивило.

Свет, замеченный ею в коридоре, шел из спальни. Туда и прошла Лидия Марксэновна. Первое, что бросилось в глаза – обычное состояние барной стойки: батарея разнокалиберных бутылок, стаканов, фужеров, рюмок, причем, почти все – пустые.

А потом пришлось Вениковой вскричать от негодования и ужаснуться – ее всегда аккуратно стоявшие диванные подушки валялись в разных концах спальни, журнальный столик лежал на боку, рядом с разбитым овальным зеркалом, с которым всегда чокался ее муж.

Все стулья тоже не стояли на привычных местах, а торчали ножками в разные стороны. От негодования на такой беспорядок Лидия Марксэновна не сразу сообразила, чего в комнате не хватает. Через пять минут ее прошиб холодный пот: сейф, деньги!

Дрожащими руками отодвинула барную стойку, приложив для этого некоторое усилие, набрала код и облегченно вздохнула: ее «зеленые» лежали тесной кучкой в тех же позах.

Присев на диван, все еще трясущимися руками Веникова налила себе в рюмку из бутылки с французской надписью на этикетке (она знала, что это – «Наполеон»), мелкими глоточками выпила, успокаиваясь.

Взгляд ее побежал по всей спальне, и тут опять в голове сверкнуло: «А где же Сергуня?» Пятнадцать минут находясь в спальне, только сейчас Лидия вспомнила о самом главном содержимом этой комнаты.

В спальне мужа не было. Веникова прошла в зал, во вторую спальню (они с мужем давно спали раздельно), в гостиную – Сергуня отсутствовал всем своим стокилограммовым телом.

Уже сильно нервничая, как и до захода в квартиру, Лидия вернулась в спальню и обшарила ее всю, заглянув даже под кровать. Большой, всегда во сне храпевший, Веников не находился.

«Сергуня! – вначале ласково, – Сергуня! – требовательно, Сергуня!» – зло и громко, на всю спальню, начала звать Лидия мужа (был разок подобный случай с ним).

Сергуня молчал.

В третий или четвертый раз обшаривая спальню, в злости дернула Веникова одеяло, скомкано лежавшее на разобранной кровати, – и закричала от ужаса: кровавые пятна на простыне, как красные фонари, ударили ей в глаза.

Опрометью пробежав спальню, гостиную, прихожую, Веникова выскочила в коридор. Со страху она забыла, что в их четырехквартирном элитном доме каждый подъезд был предназначен только для одной семьи.

Сообразив это через некоторое время, забежала во второй подъезд, судорожно набирая код домофона (ее подруга по бизнесу, Вера Лапина, жила здесь, и они вместе вернулись полчаса назад с «тусовки»).

«Вера, Вера, открой» – забыв о дверном звонке – замолотила в дверь кулаками Веникова.

Открывшая дверь Вера, впустив Лидию в квартиру, минут десять пыталась ее успокоить, прежде чем что-то поняла.

Местная милиция приехала через полчаса. Входить в свою квартиру Веникова с милиционерами отказалась, и потому молоденький лейтенант – вместе с пожилым водителем – сержантом и Лапины (Вера и ее муж Игорь – в качестве понятых) зашли в пострадавшую квартиру без нее.

Когда осмотр был произведен, и стало окончательно ясно, что Веников пропал, а на кровати простыне – действительно кровь, лейтенант захотел побеседовать с хозяйкой квартиры.

Все еще находясь под влиянием случившегося, но чуть успокоившись, Веникова пыталась рассказать следователю о муже и о себе, но получалось это плохо.

Лейтенант что-то писал. Был он длинный и тощий, форма болталась на нем, как на пугале в огороде.

«Шнурок, настоящий шнурок», – с раздражением подумала Веникова. А когда, закончив опрос Лидии Марсэновны, милиционер спохватился и представился, назвав свою фамилию, бизнес-леди чуть не засмеялась, хотя ей было совсем не до смеха: «Следователь РОВД лейтенант Шнурков».

«И этот Шнурок что-то сумеет найти? Да никогда!».

Простынь Вениковскую отправили на экспертизу, а в спальне, все сфотографировав, навели порядок. Помогли Лидии в этом Лапины, к которым она и отправилась ночевать, категорически заявив, что пока мужа, живого или мертвого, не найдут – в свою квартиру она – ни ногой.

Шнурков, услышав это, заявил, что в таком случае квартиру придется опечатать, что он быстренько и проделал.

Лапины приютили Лидию Веникову у себя, и она была им за это очень благодарна.

Но переживать, сидя у них на квартире, бизнес-леди не могла, да и не умела. Наутро, как обычно, вызвав водителя, поехала в офис. Племяннику – охраннику объяснила, что зарплата его удваивается, но если только она услышит о том, что ему куда-то надо, немедленно отправит бывшего студента обратно к матери.

Шнурков же развернул бурную деятельность, а анализ крови на простыне из спальни Веникова показал: группа там – первая, как у незабвенного Сергуни.

Через сутки лейтенант на совещании у начальника РОВД, докладывая о первых результатах, сообщил, что основных версий – три: первая – убийство на почве ревности, вторая – месть конкурентов вениковской фирмы, и третья – бытовая (убийство после обильных возлияний).

К концу вторых суток проведенные Шнурковым опросы, допросы и поиски свидетелей и подозреваемых, как ни странно, привели к тому, что все три версии получили подтверждение.

Конфиденциальные допросы друзей Веникова выявили наличие у него двух постоянных любовниц, люто ненавидевших друг друга, но каждая из них (по уверениям тех же друзей), вместо того, чтобы уничтожить соперницу, могла и любимого пришить.

В тот злосчастный день, в пятницу, 13-го, одна из них часов в 10 вечера вошла в квартиру Вениковых, а вот как выходила – не видел никто. Правда, поскольку обе любовницы очень похожи, кто именно из них – Люба Ножкина или Лена Ухватова – посетили пропавшего – пока не выяснили.

В подтверждение второй версии говорил тот факт, что за последние полгода на местном рынке из-за рекламного слогана, придуманного Вениковым, разгорелся сыр-бор с конкурирующей фирмой «Телец». Щит с надписью над дверями

магазина Вениковых, гласивший: «Только наше бельё – самое нижнее, только наше бельё – самое нужное и ближнее», был заляпан краскою до неузнаваемости всей фразы.

Веников обратился тогда в суд с иском о возмещении морального и материального ущерба к главе «Тельца» Семёну Быбкину, отморозку из отморозков. «Вот и досудился!» – пошли на рынке разговоры шепотком, что Быбкин своих людей прислал, и они Веникова на прутики пустили.

И наконец, третья версия казалась тоже очень вероятной. Николай Столбов, собутыльник Веникова, вернулся домой в тот вечер с разбитой мордой и кровавыми следами на руках.

Когда Шнурков отработал версии по всем трем подозреваемым, то выяснил, что все они приблизительно в одно время (с 22.00 до 23.30) были в доме Веникова – и Люба Ножкина (или Лена Ухватова), и Семен Быбкин (собственной персоной), и Коля Столбов.

Первой допросили официально Ножкину. Вначале она все отрицала, но потом призналась, что в тот день, часов в 10 вечера, она действительно навестила своего хорошего знакомого Сергея Веникова. Никакой любовницей она ему не была – Сергей просто всегда угощал ее своим любимым виски – по старой дружбе (как-никак, одноклассник). А потом вдруг чего-то в нем произошло – потянулся к ней всем телом и обнял решительно. Люба лет десять борьбой занималась и хоть в последнее время переключилась на дела смежные, но навыки кое-какие у нее остались: бросок через бедро она сделала классически – да не рассчитала, наверное. Шмякнулся Сергуня о паркетный пол и затих сразу, а из-под головы кровь брызнула.

Пыталась Люба, перевернув его, в чувство привести, но, как ни билась, ничего не получалось. А потом и пульс пропал. Тут все разумные мысли из головы у Ножкиной вылетели, и она опрометью из квартиры выбежала, даже дверь не закрыв.

Шнурков решил, что главного подозреваемого он нашел. Правда, из рассказа Ножкиной не состыковывались две вещи: кровь была на полу, а оказалась почему-то на простыне, и второе – куда же делось тело Веникова?

Тем не менее, Шнурков задержал Ножкину – (с целью выяснения всех обстоятельств) на 36 часов – решив, что именно она, хоть и нечаянно («убийство по неосторожности») совершила преступление.

Но только отправил лейтенант подозреваемую в камеру, как вдруг в райотдел милиции явился самолично Быбкин и заявил: «Оформляйте явку с повинной! Сергея Веникова убил я!»

По его словам, он приехал к конкуренту в 22.30 для утряски возникших на почве бизнеса разногласий («забили стрелку» заранее). Дверь была открыта, и Быбкин вошел, не звоня, потому что услышал голос Веникова.

В спальне он обнаружил ругающегося матом в три этажа Сергуню, который, стоя на коленях, вытирал тряпкой кровь с пола. Когда Веников услышал шаги и поднял голову, Быбкин заметил, что кровь у него и на лице (текла из разбитого носа, капая на паркет).

«А, Семен! – вполне трезвым голосом сказал Веников. – Представляешь, что сделала, стерва, а ведь я только пошутить хотел. Чуть жизни не лишила – так шандарахнула, что сознание потерял. Не сбежала бы – убил бы, точно». «И кто эта стерва?» – с интересом спросил Быбкин. Веников подробно все рассказал, стер с пола начисто все оставшиеся пятна, бросил тряпку в ведро и вышел в ванную.

Вышел оттуда с полотенцем, вытирая руки и лицо. Крови на нем уже не было.

«Ну, ладно, разберусь с ней. Садись – побазарим».

Очень быстро уговорив бутылку водки «Немиров» (Быбкин не признавал коньяков и виски), конкуренты урегулировали разногласия, возникшие на почве нижнего белья, и решили открыть украинскую горилку с перцем (как выяснилось, оба ее уважали), да, видно, день этот совсем был неудачным для Веникова.

Горилка оказалась под замком в баре, а дверца его, прочная, дубовая (Лиде, жене, на заказ сделали) открываться без ключа никак не хотела. Веников пришел в ярость, бутылки внутри бара тряслись, но дверь не поддавалась. Быбкин захо-

тел помочь, благо, опыта с открыванием замков без помощи ключей у него было достаточно. Но, когда он, отжимая замок, с силой дернул дверь, придерживая сам бар, эта дверь с такой же силой ударила по лицу Веникова, который стоял, наблюдая за работой профессионала.

Сергуня отлетел к разобранной кровати и затих. Из разбитого во второй раз носа потекла кровь, обильно окрашивая простыню.

Быбкин был отморозок из отморозков, и на его совести лежала не одна загубленная душа, но чтоб так...

Веников в сознание не приходил – и Семен растерялся. Звонить в милицию – глупо! Стерев, по мере возможности, свои отпечатки и набросив одеяло на лежащего без движения Веникова, Быбкин квартиру покинул, оставив дверь открытой.

Однако на следующий день, поразмыслив, взвесив все «за» и «против», все-таки, пришел в РОВД.

Шнурков посадил в камеру и Быбкина. Однако этим задержанием дело Веникова не закончилось.

Допрос Николая Столбова в тот же день выявил совершенно невероятные факты. Постоянный собутыльник Веникова заявил, что он, уже хорошо поддав, явился к Сергуне где-то около 11 вечера.

Дверь была открыта, а в спальне раздавался чей-то громкий мат. Столбов, зайдя в спальню, застал там сидящего на кровати Веникова, прямо из горлышка что-то пьющего. Лицо его было все в крови. Судорожно отхлебав полбутылки, Сергуня с дрожью в голосе рассказал Столбову подробности несчастного для себя вечера.

«Представляешь, и оба меня бросили», – чуть не плача, закончил он.

«Да ладно, Сергунь, жив же, все-таки, давай выпьем». Они допили эти полбутылки, потом еще одну – водки, и спиртное вдруг в баре закончилось. Веников порыскал в спальне – пусто. Потом он сказал Столбову: «Ладно, Колюнь, не горюй! Сейчас достанем». И направился к кровати.

А 300301

Столбов уже с затуманенными глазами следил за ним – и минут через пять отключился, заснул, ударившись головой о стол.

Сколько времени прошло, он не помнил, но проснулся в той же позе и почти трезвый – с жаждой выпить.

«Сергуня, Сергуня!» – Веников молчал. Обойдя все комнаты, Столбов никого не обнаружил. Вернувшись в спальню, подошел к кровати и сдернул одеяло. Кровавые пятна ударили в глаза. Отшатнувшись, зачем-то потрогал Столбов пятна рукой и тут же отдернул ее обратно.

Забросив одеяло на кровать – так, чтобы пятна были закрыты, шатаясь от спиртного и переживаний, Столбов буквально выполз из квартиры Веникова. Как добрался до дома – Николай уже не помнил. По распоряжению Шнуркова его сразу же отправили в третью камеру.

Заканчивались третьи сутки расследования, а ясности у Шнуркова не было никакой. Заснул он в тревоге и в ожидании неприятностей, а на утро вдруг решил заехать в офис Вениковой:

– Лидия Марксэновна, Вы за эти трое суток домой заходили?

– Да Вы что? – отшатнулась бизнес-леди. – Собирайтесь, поедем к Вам.

– Зачем?

– Надо еще раз осмотреть квартиру вместе с Вами – вдруг обнаружатся дополнительные подробности?

Приехали к дому, подошли к квартире. Шнурков снял печати, Лидия Марксэновна открыла дверь своими ключами, и следователь решительно двинулся в спальню.

Здесь все было, как и трое суток назад, только присутствовал какой-то странный запах.

– У Вас что, туалет неисправен? – поинтересовался Шнурков.

– Какой туалет в спальне? – недоуменно ответила бизнес-леди, но и сама почувствовала действительно соответствующий запах.

Но это была единственная странность. Как ни пытался Шнурков найти что-то, имевшее отношение к пропавшему Веникову, никаких улик обнаружить не удалось.

Прошел почти час безрезультатных поисков, и лейтенант уже сказал Лидии:

– Ну что ж, уходим! – как вдруг они услышали какое-то журчание, и туалетный запах усилился.

Шнурков бросился к туалету – ничего, вернулся в спальню, заглянул в каждую щель – пусто.

Стал двигать мебель, и вдруг услышали они с Вениковой стук откуда-то с низу, потом все более громкий. Отодвинул лейтенант широкую кровать в сторону и обнаружил дверцу на полу, закрытую на хитроумную защелку.

Когда эту защелку Шнурков открыл, дверцу приподнял и наклонились они с Вениковой, чтобы вниз посмотреть, в нос им ударил такой специфический запах, что отшатнулись оба так, что чуть не упали.

А из подполья вдруг выполз отощавший за три дня, обросший и сильно пахнущий, но живой Веников.

– Сергуня! – бросилась было к нему Лида, да остановилась, не решившись обнять. – А ну-ка, марш в душ, Веников! А потом расскажешь, как ты здесь оказался.

Пока Сергуня отмывался, Веникова вызвала домработницу, Машу, которая три часа драила и чистила подполье, оказавшееся тайным баром Веникова.

Когда Сергуня стал злоупотреблять спиртным, и Лидия Марксэновна ограничила количество бутылок в баре, то Веников однажды, пока жена в офисе была, вызвал специалиста и объяснил ему задачу. Тот и сделал тогда подземный тайничок – с неплохим баром, хитроумно спрятанным прямо под его кроватью, стоило ее чуть отодвинуть.

В тот злополучный день, когда при посещении Столбова спиртное у них закончилось, решил Веников в свой тайник спуститься, да сил не рассчитал – упал вниз, а хитроумная защелка возьми, да закройся.

Упав вниз, отключился Сергуня на несколько часов. И когда очнулся, сначала не сразу понял, где он. А когда понял – кричать начал, громко, а потом все тише и тише. К концу третьего дня голос у него пропал совсем.

Еды в баре не было, туалета – тоже, силы поддерживал коньяком – к водке не прикасался. Так и готовился уже помирать – да Шнуркову спасибо, выручил!

После событий этих бар свой подземный заколотил Веников наглухо, пить совсем перестал – и к полноценному бизнесу вернулся.

Рассказ второй. ПРОПАВШИЙ СЕЙФ

Рабочий день генерального директора ОАО «Бугровская зарница» Виктора Федоровича Блинкова начинался обычно по двум вариантам. Он сам определял это в зависимости от того, в каком месте просыпался.

Если, открыв глаза, Блинков видел прямо перед собой широкую коричневую спинку супружеской кровати, которая была куплена тещей и подарена молодым в день свадьбы, то настроение Виктора Федоровича уже с момента просыпания становилось умиротворенным, поскольку открывшаяся глазу картина означала следующее: гендиректор позволил себе накануне не более 200-300 граммов, пришел домой на своих ногах, с подарком или даже с деньгами для жены, которая милостиво встретила мужа, помогла ему раздеться и лечь в общую постель. Наутро после такой встречи и тихого сна голова у Блинкова не болела, он был свеж, бодр и голоден, и поэтому на кухне (он знал – точно) его ждал сытный завтрак с минералкой и кофе.

Если же, с трудом разлепив опухшие веки, Виктор Федорович в полуметре над собой замечал грозно нависшие лыжные палки (остриями вниз), а ноги упирались во что-то податливое, но неприятное, значит, просыпался директор на заваленном старыми вещами, неблагоустроенном балконе (все никак у него не доходили руки до этого проклятувшего куска квартирной территории). Голова раскалывалась на несколько отдельных частей, живших самостоятельно, и это означало, что в день предыдущий перебрал Блинков больше своей средней нормы на бутылку-полторы. И пришел домой не сам, а занесли его в квартиру верные телоносцы - водитель Саша и Коля, начальник охраны, которые сразу же, даже не спрашивая грозной Вероники, пронесли его на балкон и аккуратно, не раздевая, уложили на раскладушку.

День нынешний, первый на новой неделе, начинался по второму варианту. Рядом с ухом оглушительно громко зазвонил старый будильник (жена, уходя на работу раньше, всегда оставляла такое напоминание о себе). Пытаясь нащупать его, чтобы избавиться от буквально впивавшегося в голову звука, угодил рукой Блинков во что-то липкое и отвратительное – и от этого окончательно проснулся.

Лежал он на раскладушке не как обычно, а почему-то поперек. Поясница, натертая алюминиевой боковиной его старого и верного друга, болела. Но эта боль не шла ни в какое сравнение с тем, что творилось в верхней части его массивного туловища.

Посмотрев на правую руку, никак не мог понять Блинков, почему пальцы на ней черного цвета. «Допился!» – мелькнула испуганная мыслишка. Но, поднеся руку поближе к глазам, выругался Виктор Федорович с облегчением, сообщив, в чем дело.

Его Вероника увлеклась в последнее время лечением с помощью мумие. Она экспериментировала с этим природным лекарством, и один из растворов, желеобразный, находился в тазике, как раз рядом с раскладушкой.

Встал Блинков с трудом, держась левой рукой за пульсирующий висок, и потащился в ванную. Отмывая мумие с пальцев, ненароком взглянул гендиректор в зеркало и вздрогнул от вида своей опухшей физиономии.

Позвонив водителю, приказал приехать через полтора часа – этого времени должно было хватить, чтобы полностью прийти в себя.

А для начала, бросив три таблетки в стакан с кипяченой водой, выпил Виктор Федорович залпом свое испытанное антиалкогольное средство.

Жену Блинков не звал – знал, что дома ее нет, и два ближайших дня не будет – после таких приносов мужа она обычно отсиживалась на «запасном аэродроме», на второй, недавно купленной для старшей дочери, квартире.

Когда Саша-водитель прибыл, генеральный был почти в полном порядке: вычищен, выглажен, побрит – только проклятые мешки под глазами да сохнувшие губы убрать никак не удалось.

Через 15 минут Блинков входил в свой кабинет, пригласив по ходу зама – «Зайди».

Первый заместитель гендиректора, хорошо изучивший своего шефа, пришел с небольшим портфельчиком, открыв который, достал бутылку коньяка, налил в стоящий рядом с бутылкой минералки стакан ровно половину посудыны.

Крупными глотками Блинков выцедил жидкость, закусив поданной заместителем лимонной долькой, вздохнул облегченно: «Теперь и работать можно. Докладывай, Костя!»

Константин Игнатьевич доложил, что «планерка» прошла успешно, уборочная в агрофирме идет полным ходом, но кончается «горючка» и механизаторы бунтуют – требуют зарплату, которую еще ни разу с начала уборочной не получали.

Насчет «горючего» Блинков зама успокоил – собственно, договариваясь с областным начальством на лоне природы об этих самых бензине и солярке, и перебрал Виктор Федорович вчера лишнего. Для дела, конечно – решил-то ведь все по «путью».

– И с зарплатой вопрос утрясли» – продолжил Виктор Федорович. – Вот тут лежат первые 100 тысяч для механизаторов, – и он, говоря – «тут», хотел постучать ладонью по верхней части небольшого кабинетного сейфа, приобретенного совсем недавно и по уверению фирмы-поставщика, абсолютно надежного.

Но ладонь гендиректора, пройдясь сверху вниз, больно ударилась о металлическую подставку, на которой должен был стоять сейф. Должен был! Но его – не было!

Блинков ошарашено посмотрел на подставку, потом на потолок, на окна, не веря своим глазам. Сейф-то, хоть и небольшой по размерам, но весил-то около 400 килограммов (титановый сплав, утяжеленная дверь), и его после приобретения зано-

силы в кабинет через окно подъемным краном (кабинет гендиректора находился на втором этаже). На все три окна поставили сразу же после установки сейфа тяжелые решетки, а дверь входную заменили на более прочную, металлическую.

Решетки были на месте, в кабинет Блинков вошел через дверь, открыв ее двумя ключами, а сейфа не было!

Когда к гендиректору вернулся дар речи, он позвонил начальнику РОВД, заикаясь от волнения.

– Илья, приезжай срочно, катастрофа у меня» (с начальником они были на «ты»: не одну охоту и рыбалку вместе провели и не одну бутылку вместе осушили).

Подполковник Томин прибыл через 10 минут.

– Илья, представляешь, что случилось, – начал Блинков, и его и без того круглое и красное лицо стало еще круглее и багровее.

– Да не волнуйся ты так, Витя! – остановил его Томин.

Подполковника он получил недавно, очень этим гордился и потому всюду ходил только в форме. Но, в отличие от киношного Томина вся деятельность начальника райотдела милиции уходила на старательную «показуху», правда, очень качественную. Результаты его отдела по области всегда были в первой десятке – но не за счет успешной работы по поиску преступников, а за счет умелых уговоров потерпевших не писать заявления. Блинков, выпив еще 100 граммов коньяка для успокоения, рассказал все по порядку.

– Заявление писать будем? – задал главный вопрос Томин.

– Да ты что, Илья! Какое заявление? Я эти 100 тысяч с трудом в банке выпросил – под зерно пошедшее – и, если управляющий узнает, он немедленно деньги назад потребует. Но это полбеды. А вот если в головной компании о происшествии узнают – головы мне не сносить – и так косятся все. Так что помоги без заявлений, ладно?

– Ну и замечательно! – вздохнул с облегчением Томин. – Я тебе своего лучшего следователя выделю – через полчаса приедет. – И, пожав Блинкову руку, начальник РОВД укатил.

Через 20 минут к зданию конторы ОАО «Бугровская зарница» подъехал задрипаный УАЗик, из которого, зацепившись ногой за дверь машины и чуть не упав, вылез такой же невзрачный лейтенант.

Поднявшись на второй этаж здания и найдя дверь с надписью «Генеральный директор», через пару минут он вошел к Блинкову.

– Следователь РОВД лейтенант Шнурков прибыл для расследования случая с кражей сейфа, – представился он.

– Неофициального расследования – испуганно поправил гендиректор...

– Да-да, не волнуйтесь Виктор Федорович, именно так, – успокоил его следователь.

– Ты меня по имени – отчеству знаешь? – удивился Блинков.

– Вы у нас личность известная, не удивляйтесь, – сказал лейтенант. – А теперь приступим к делу, – продолжил он.

На изучение кабинета генерального директора, окон, дверей и подходов к ним ушло у Шнуркова около часа, а потом началось то, что Блинкову очень не понравилось. Он назвал это «копанием в грязном белье», а лейтенант – «поиском истины»: Шнурков пытался выяснить фамилии всех, кто, так или иначе, имел отношение к кабинету Блинкова.

После первичного осмотра следователь решил, что такое дерзкое и рискованное предприятие, как кража сейфа без всяких видимых следов, могло быть осуществлено только при тщательной подготовке и с помощью работников, хорошо знавших кабинет генерального директора.

К концу вторых суток определил Шнурков и круг лиц, которые могли быть причастны к преступлению. Их оказалось семь человек, включая и самого Виктора Федоровича.

Конечно, через кабинет генерального директора ОАО проходило даже за день гораздо больше народа. Но постоянных и подозрительных, как определил их лейтенант, набралось именно такое число.

Каждого из семерых «темных» личностей предстояло Шнуркову вывести на белый свет, чтобы определить, кто из них преступник (или преступники, если их имелось несколько).

Жизнь в конторе агрофирмы замерла. Как мышкам в норке, боявшимся высунуть свои острые носики на поверхность из-за бродившего по-хозяйски по комнате кота, так и всей мелкой чиновничьей рати «Бугровской зарницы» было, чего опасаться в преддверии разговора со следователем.

Начал Шнурков с заместителя генерального директора Банка, потом опросил он главного бухгалтера Ирину Лисицкую, охранника Николая Бросова, водителя Александра Клюквина.

Через пару часов нудных тягомотных разговоров-расспросов с подчиненными Блинкова, лейтенант понял, что трое из четырех опрошенных – теплая и спаянная (вернее, споенная многолетними усилиями их шефа) компания, которая перемещалась вслед за своим начальником с одного места работы на другое. Банкин, Бросов и Клюквин верой и правдой помогали Виктору Федоровичу, когда он в течение трех лет настойчиво добивал крепкий до его прихода колхоз им. Фридриха Энгельса.

Когда Блинкова по совокупности всех деяний, в результате многочисленных жалоб колхозников, плавно пересадили в кресло главы сельской администрации, Виктор Федорович сумел в штатное расписание ввести несуществующие ранее должности, на которые и определил своих Санчесов (так он называл троицу – по имени известного Санчо Панса).

А после того, как новый глава районной администрации, неизвестно за какие заслуги (впрочем, злые языки говорили, что Блинков обладал недюжинным талантом лизать зады начальству – и делал это совсем не бескорыстно), поставил его генеральным директором только что образованной агрофирмы «Бугровская зарница», Виктор Федорович не забыл своих верных помощников.

Причем, Константина Банка, имевшего лишь не законченное среднее образование, из механиков перевел в первые

замы, сторожа Бросова сделал начальником личной охраны (хотя такой должности в фирме даже и не подразумевалось), а водителя Сашу Клюквина называл телохранителем (тут Блинков недалеко ушел от истины, поскольку Клюквин, действительно, тело своего шефа и возил, и носил, и хранил, и чистил время от времени).

Всем троим, как Шнурков выяснил, платил генеральный директор двойную оплату – но и ее хронически «святой троице» не хватало, поскольку широкие рты и обширные желудки каждого, приученные к деликатесным еде и питью, постоянно чего-то хотели.

От Банкина ушла жена, и на двоих детей он платил алименты, стараясь по мере возможности укрывать часть зарплаты (Блинков ему в этом способствовал), а Бросов и Клюквин, по причине тесного и долгого общения с шефом, женами так и не обзавелись.

Все трое постоянно – и по делу, и просто так, заходили в кабинет генерального директора, в том числе, и после установки в нем сейфа и новой двери.

Насчет дня, предшествовавшего краже (или исчезновению) сейфа, все трое показали (с небольшими вариациями), что генеральный директор до 16.00 находился на Александровском пруду (любимом месте отдыха бугровчан и приезжих гостей), где рыбалкой и шашлыками решал вопрос о дежурном кредите и горючем для уборочной.

К 17.00, вместе с главбухом Лисицкой и кассиром агрофирмы, получив в агробанке 100 тысяч рублей (впрочем, о деньгах, как уверяли Банкин, Бросов и Клюквин, они узнали лишь на следующий день – уже после пропажи сейфа), генеральный вернулся в контору.

Шеф пригласил их, как заявил, обмыть удачную сделку. Обмывали они ее долго, настойчиво, до песен и рвоты. А потом, как обычно, более крепкие и спиртоустойчивые, Коля и Саша развезли и разнесли шефа и зама по квартирам.

К сейфу, уверяли они, не подходили и ключей от него не видели, а вот входную дверь в кабинет закрывал Бро-

сов – как начальник охраны, он же эти ключи затем шефу в карман положил.

Уехали они из конторы агрофирмы в 12-м часу ночи – и все до этого времени было нормально и на месте.

Допрошенная как свидетель, главный бухгалтер Ирина Лисицкая показала, что в 16.00 ей позвонил генеральный и приказал вместе с кассиром ехать в банк за кредитом. К 17.00 они вернулись в контору, вместе с Блинковым открыли сейф, положили все деньги, закрыли двумя ключами («Один ключ у генерального, другой – у меня», – объяснила Ирина). В 6-ом часу вечера она, все это проделав, ушла с работы домой. Больше ничего сказать не может.

Шнуркову при допросе показалось, что главбух или скрывает что-то, или не договаривает, во всяком случае, следователь чувствовал явное недовольство Лисицкой, но чем – она так и не ответила.

Пытаясь выяснить какие-либо дополнительные сведения у работниц бухгалтерии, лейтенант узнал много интересного – и о генеральном директоре, и о главбухе, и даже о себе – но каждая из женщин, рассказывая, убедительно просила никому больше об этом не говорить, а в протокол ничего не заносить (они не знали, что Шнурков и так все делает без всяких протоколов).

Больше всего женщины говорили о Блинкове, и это большее касалось его как мужчины:

– Бабник заядлый, безудержный, бесовестный, кроме своих двух дочерей, у него по району за 15 лет еще пятеро детей родилось, – с осуждением говорили женщины. – За любой подходящей юбкой гоняется, а Ирина Лисицкая – тоже из их числа.

– Правда, с Лисицкой особый случай – Блинков и она из одной деревни, и он в свое время ухлестывал за ней, да без толку. Потом их пути разошлись, каждый судьбу сам решал, а два года назад, когда агрофирму создавали, требовался опытный главный бухгалтер. Тут-то и пришла Ирина, она как

раз без работы была. Блинков принял ее с радостью и без раздумий. И вот уже два года пытается разными путями ее завлечь, сколько денег потратил, жена ему уже морду била, а он все не успокаивается.

– А Ирина Лисицкая – что, не поддается? – с интересом спросил неженатый лейтенант.

– Нет, не поддается – твердо ответила одна из бухгалтерш, а вторая тут же возразила:

– А ты-то откуда знаешь? Помнишь, что было на Новый год?

Но что было на Новый год, Шнурков уже не узнал – женщины устроили такую перебранку с голосом, что следователь быстро завершил свой разговор с ними, тем более что было уже шесть часов вечера.

Данные, полученные при опросах конторских, никакой ясности не дали, а подозрения лейтенанта по поводу причастности работников агрофирмы к преступлению усилились.

Оставалось подробно расспросить самого Блинкова и двух работников фирмы «Защита», устанавливавших сейф, но в голове у Шнуркова уже все шумело и путалось (он так увлекся допросами, что не пил – не ел целый день), и следователь решил отложить разговор с ними до утра.

Лейтенант собрался уходить, когда Блинков, трезвый и оттого еще более измученный, поинтересовался у него результатами, и тот с энтузиазмом отозвался – «Уже есть».

Генеральный обрадовался, но его радость улетучилась, когда Шнурков назвал эти самые результаты. Узнав, что он – один из подозреваемых, Блинков сразу же позвонил начальнику РОВД.

Томин в это время как раз был очень занят – уговаривал генерального директора другого ОАО – «Бугровская грива» Игоря Пальцева не писать заявление по поводу кражи из складов его агрофирмы ядохимикатов на общую сумму около 2 миллионов рублей. Пальцев на уговоры не поддавался – сумма оказывалась слишком серьезной, и начальник РОВД был очень расстроен: намечалось «тухлое», бесперспективное дело. И тут вдруг позвонил Блинков со своим стотысячным сейфом.

– Да поищи ты этот сейф у себя в заднице, – не выдержал Томин.

И без того расстроенный, Блинков оторопело и молча положил трубку на место и тут же, не отходя от стола, смертельно напился.

Когда Саша-водитель и Коля-охранник внесли безжизненное тело шефа в квартиру, Вероника, вернувшаяся домой из-за случившегося несчастья раньше времени, даже обычных, саркастических слов: «Больной прибыл!», не произнесла.

Ушла, хлопнув дверью так, что одна из лыжных палок на балконе, наконец-то, свалилась, сильно оцарапав при падении пухлую щеку Блинкова, но он этого не почувствовал.

Утро третьего дня расследования началось у Шнуркова, как и до этого: в семь он проснулся, сделал зарядку, (следователь увлекался йогой и старательно дышал, закрывая по очереди ноздри и стоя на голове).

В 7.45 он вышел из своей скромной однокомнатной квартиры, которую снимал за половину следовательской зарплаты, и, закрывая дверь, заметил под нею, на площадке, сложенный листок.

Когда Шнурков его поднял и развернул, то увидел на этом листке из ученической тетради в клеточку четыре слова: «Сейф у Блинкова. Доброжелатель».

Прыгая через ступеньку, следователь бегом помчался в РОВД, забыв о всякой субординации, буквально ворвался в кабинет Томина, даже не постучав.

– Лейтенант, ты что, с ума сошел? – с утра начальник РОВД еще был настроен нейтрально и потому, хоть и спросил так, но больше для проформы – уж очень смешон был вид растрепанного и запыхавшегося Шнуркова.

– Товарищ подполковник, вот, – и лейтенант положил листок на стол начальника.

Томин давно уже ничему не удивлялся, не удивился он и сейчас, но огорчился чрезвычайно. Нужно было принимать конкретные меры, а он этого ох как не любил, тем более, в отношении человека, с которым много и тесно общался.

Шнурков стоял и ждал. Томин сидел, молчал и думал. Пауза затягивалась.

Прервал ее телефонный звонок. Звонил Блинков.

Утро третьего дня для него было самым ужасным из всех, случавшихся по второму варианту. Во-первых, сначала он никак не мог открыть глаза, пока не помог векам пальцами. Во-вторых, когда Блинков попытался встать, то не смог этого сделать, потому что не только ноги дрожали и руки тряслись, но весь организм вибрировал так, словно хотел рассыпаться.

Виктор Федорович испугался. Приказал себе сосредоточиться, напрягся и дернулся еще раз. Ноги, дрожавшие крупной лошадиной дрожью, опять подломились, и генеральный, пытаясь устоять, использовал для этого передние конечности. Но все вокруг было аморфно-неустойчивое, проваливавшееся, пока вдруг руки не нащупали что-то холодно-металлическое.

С помощью этой опоры Блинков наконец-то привстал, потом выпрямился. Приоткрывшиеся наполовину глазки уткнулись в то, с помощью чего он поднялся, и последние остатки вчерашнего мгновенно испарились: перед ним стоял исчезнувший из конторы ОАО сейф.

Не поверив глазам своим, Блинков продрал их как можно шире, ощупал подарок судьбы со всех сторон, наклонился над дверцей – нет, это не мираж!

Тогда-то и позвонил Блинков начальнику милиции.

– Илья, катастрофа, приезжай ко мне домой. Но обязательно один.

Когда Томин зашел в квартиру генерального, тот сразу провел подполковника на балкон.

Никогда не удивлявшийся, Томин все-таки немного удивился: «Вот это трюк!»

Посланный Блинковым водитель привез вскоре главбуха Лисицкую, и двумя ключами они открыли дверцу – деньги были на месте!

– Вот видишь, Витя, как все хорошо закончилось, – сказал Томин.

– Слушай, Илья, ты еще ни хрена не сделал, а так радуешься! Если не найдешь того, кто меня так подставил – я тебя обеспечу работой на ближайший год, – зло ответил Блинков.

– Ну-ну, не кипятись, Витя, сделаю как надо, – успокоил его Томин.

Наскипидаренный начальником РОВД лейтенант Шнурков, используя записку, найденную у своих дверей, нашел разгадку через два дня.

Как всегда, дело оказалось в женщине. Муж главного бухгалтера ОАО Лисицкой, ревновавший ее к генеральному директору давно и без особого повода, решил однажды воспользоваться подвернувшимся случаем.

Когда в контору «Бугровской зарницы» сейф привезли и решетки устанавливали, Иван Лисицкий, как мастер, сумел сделать так, чтобы одну из решеток можно было снаружи открыть и закрыть.

Ну а вытащить сейф тем же краном и поставить этот сейф на открытом балконе Блинкова помог его товарищ, виртуоз-крановщик.

Чтобы генеральный директор не сразу сюрприз на балконе увидел, Лисицкий тряпку какую-то балконную на него набросил.

Когда мужики-механизаторы узнали про эту «секретную историю», почти все сказали: «Ну и дурак, ты, Иван! Сколько лет тюрьмы ни за что мог себе заработать!»

Поскольку заявления о пропаже или краже Блинков не писал, наказать Лисицкого увольнением мог бы только руководитель его фирмы «Защита» Антон Гарин. Но он, пару лет назад разошедшийся с женой, вызвав Лисицкого, только сказал: «Молодец, Иван, да и приспособление сделал блестяще. Работай дальше!»

Ирина Лисицкая после всех событий с должности главбуха агрофирмы ушла. Впрочем, когда в городке узнали об этой не совсем обычной истории, новую работу ей тут же предложили представители сразу трех процветающих организаций.

Рассказ третий. ПРОПАВШИЙ БАТЮШКА

Начальник Бугровского РОВД подполковник Томин обычно прибывал на рабочее место к 8.30, спрашивал у дежурного сводку происшествий и заходил потом в свой кабинет.

В этот раз дежурный, капитан Солопов, сообщил, что двое выпускников местной школы, катаясь на мотоцикле, около двух часов ночи врезались на Богородицком повороте в незамеченную ими (по причине отсутствия освещения на их транспортном средстве) тракторную тележку, стоявшую на обочине. Оба подростка с тяжелыми переломами доставлены были в больницу проезжавшим мимо водителем.

Выяснив, что фамилии выпускников установлены, а информация о мотоцикле получена полная, Томин попросил дежурного пригласить капитана Догова, инспектора по делам несовершеннолетних, и направился к себе на второй этаж.

Но Солопов его остановил:

– Товарищ подполковник, вас уже полчаса матушка дожидается.

– Чья еще матушка? – недоуменно отреагировал Томин.

– Да ничья – попадья это – с улыбкой сказал Солопов.

– И что ей надо?

– Мне она ничего не объяснила, сказала, что будет Вас дожидаться. Здесь ей и присесть негде было, я проводил ее в приемную – там она вас и ждет, – капитан был исчерпывающе краток.

Такого рода посетители в местное отделение милиции еще не заходили.

Подполковник по дороге к кабинету пытался вспомнить, когда в их городок приехали, по направлению местной епархии, открывшей здесь новый приход, отец Алексей и матушка Мария, 5 или 6 лет назад?

Поселились священник с женой вначале на квартире, но потом епархия и местные власти помогли им со строительством дома в центре поселка, в тихом переулке.

Батюшка был средних лет, симпатичный, с короткой рыжеватой бородкой и такой же короткой стрижкой. Матушка же Мария оказалась моложе мужа лет на 7-8, видная, представительная, но неразговорчивая. Единственное, что соседей и жителей поселка удивило: у отца Алексея и его жены не было детей.

Храма в поселке за это время так и не построили, и все службы священник проводил в здании бывшей библиотеки, переоборудованной в молитвенный дом.

Уже через год характер и привычки новоявленного пастыря узнали многие прихожане (и не только они). Службами себя он особо не обременял, да и энтузиазма, молитвенного рвения не проявлял на них никогда. Даже отпевая очередного покойника, читал молитвы отец Алексей так, что не возникало желания поплакать или хотя бы слезу уронить.

Зато все в поселке узнали: любит батюшка быструю езду (у него имелись «Ауди» и мотоцикл «Хонда»), и уже неоднократно начальник местной дорожной – патрульной службы его останавливал и внушение делал.

Каждый раз после очередной остановки отец Алексей, слегка смущаясь, говорил: «Грешен, сын мой, грешен!»

После чего неделю-другую ездил без нарушений, а потом все повторялось сначала.

Когда начальник РОВД по этому поводу наводил справки в области, ему сказали, что в молодые годы батюшка был одним из лучших гонщиков Черноземья и посоветовали особо не придирайтесь к нему.

Второй страстью пастыря являлись рыбалка и грибная охота. Первые месяцы жители городка, видя отца Алексея в рыбацком наряде (штормовка, джинсы, резиновые сапоги выше колен, панама, 2-3 удочки) удивлялись и тарасились откровенно, потом привыкли.

Когда начинался грибной сезон, «Ауди» батюшки частенько видели у разных лесных массивов района. Причем, ездил он

почти всегда один – и без грибов не возвращался. И если некоторые, не менее заядлые грибники, могли иной раз вернуться домой с пустой корзиной, отец Алексей всегда возвращался с добычей. Особенно везло батюшке на боровики. «Не иначе персонально Лешке Бог помогает», – фамильярно переговаривались между собой менее удачливые бугровчане.

Имелась у батюшки и еще одна страстишка, о которой предпочитали в поселке не говорить, а так, в полнамека, пошушукать. Впрочем, никто точно ничего не знал, хотя молва ходила.

С кем-либо из поселкового начальства отец Алексей тоже близко не сошелся. В общем, общался с прихожанами, своей женой, машинами и природой. Ему этого было вполне достаточно.

Матушка вела домашнее хозяйство и помогала батюшке при подготовке служб. Дом – храм – магазины – от этого маршрута она практически не отклонялась за эти годы жизни в городке ни разу.

И вдруг – милиция! Должно было случиться нечто сверхнеобычное, чтобы заставить матушку Марию изменить привычный ход жизни.

Впрочем, какая она матушка, – ловил себя на грешной мысли начальник РОВД, иногда наблюдая ее, одетую не хуже поселковых модниц и идущую мимо милиции к молитвенному дому.

Когда подполковник вошел в свою приемную, матушка Мария встала, и Томина поразило ее скорбное лицо со слезами недавних слез.

– Илья Иванович, я к вам, – поздоровавшись, обратилась она к начальнику милиции.

– Конечно, конечно, – предупредительно вежливо ответил подполковник. – Проходите ко мне в кабинет.

Усадив попадью и предложив ей минеральной воды (Томина увидел, что никак она не может заговорить), главный милиционер района хотел этим успокоить ее, но матушка, отпив глоток, заплакала вдруг, как-то почти беззвучно, негромко. Слезы полились обильно из ее красивых, иконных, не накрашенных глаз.

– Матушка, Марья Михайловна, да что это с Вами? – Дебрикатностью Томин никогда не отличался, жена порой обзывала его чурбаном бесчувственным, деревяшкой, мужланом, но тут подполковник проявил максимум галантности – правда, в основном, по причине своего искреннего внимания к красоте молодой попадьи.

Минут пять продолжался горячий слезный поток, который матушка аккуратно (тем не менее) убирала ажурным носовым платочком, ставшим к моменту окончания дождя совсем мокрым.

Томин заставил матушку, все-таки, отпить из стакана несколько глотков минералки, и она, наконец-то, смогла заговорить.

Речь ее, прерываемая всхлипами, длилась недолго, но суть начальник РОВД уловил почти сразу.

Три дня назад отец Алексей уехал за грибами – и не вернулся до сих пор. Перед отъездом батюшка предупредил, что если с грибами он управится быстро, то заедет к брату (он живет в соседнем поселке) и, возможно, заночует у него. Когда Алексей не вернулся к вечеру первого дня, матушка не стала волноваться, к концу второго дня занервничала, но решила, что брат батюшку задержал (Алексий помогал ему в постройке гаража). Но утром, позвонив Виктору, узнала от него, что Алексей там и не появлялся.

День целый ушел у Марии Михайловны на звонки родне, знакомым и на ожидание – о батюшке никто ничего не знал.

Как назло, матушка на этот раз не спросила, в какой именно лес собирался муж за грибами (правда, обычно батюшка объезжал всегда несколько своих любимых мест – именно этим, а не только Божественным провидением объяснялась его удачливость).

Проплакав всю ночь, не заснув ни на минуту, едва дождавшись утра, но не отца Алексея, Мария пришла в милицию.

Пообещав матушке, что он сделает все для поисков отца Алексея и будет держать ее в курсе, Томин убедил посетительницу отправиться домой и ждать результатов.

Сменивший Солопова на дежурстве майор Молотков принес сводку происшествий по области за последние три дня. Неустановленных трупов за этот период обнаружено не было, да и убийств, как никогда, имелось всего 3, причем все – на бытовой почве, быстро раскрытые.

Томин дал информацию в область – но только после проверки одной версии. Говорили, что в соседнем поселке раза два-три видели батюшку у одной «разведенки» (молва оттуда возникла). Однако версия эта быстро отпала: Елена Викторовна Манилова, потерявшая в автокатастрофе два года тому назад мужа и воспитывавшая одна 5-летнего сына, оказалась двоюродной сестрой отца Алексея, он – по доброте души своей – помогал сестре и племяннику материально.

Пропажа отца Алексея (в миру – Алексея Ивановича Владимирова) вызвала в области большой резонанс. Пошли слухи, что его убили или последователи секты «белые братья», которые, якобы, обосновались в районе, или «сатанисты».

Начальник УВД области полковник Папашин вызвал к себе подполковника Томина через два дня:

– Докладывай, Илья, есть результаты?

– Отрабатываем три версии, Леонид Петрович – бодро начал Томин.

– Я тебя не о версиях, а о результатах, подполковник – уже строже и официальнее продолжил Папашин.

– Пока нет, – сразу сдулся Томин.

– Вот что, дело отца Алексея получило ненужную нам огласку, сам губернатор держит его под контролем. 10 дней тебе – живой или мертвый, но Алексей Владимиров должен быть явлен народу. Не хватало нам еще всяких «сатанистов» и «белых братьев» в области. Понял, Илья? – внушительно постучал согнутым указательным пальцем по массивному столу из красного дерева Папашин.

– Так точно, Леонид Петрович – быстро отрапортовал Томин, но выйдя из кабинета областного начальства, запечатлился. С кем он будет усиленно искать следы пропавшего попа? Из четырех штатных сотрудников один лежит с пере-

ломом ноги в больнице (решил бревно таскать по пьяному делу, да уронил его на себя), другой (с сельхозобразованием) сейчас защищает диплом на заочном отделении юридического института. А начальник следственного отдела, занимаясь бумаготворчеством (по приказу самого Томина рисует хорошую отчетность), от практической работы совсем отдалился.

Остается один лейтенант Шнурков, который и так уже трое суток «въезжал» в непопулярное для района дело.

Вернувшись в родимое учреждение, начальник РОВД вызвал следователя к себе.

– Товарищ подполковник, лейтенант Шнурков в лесу, – доложил дежурный капитан Солопов.

– В каком-таким лесу? – раздраженно поинтересовался Томин. – Или в Столбовском, или в Сунском – ответил капитан.

– И что он там делает? Грибы собирает? – еще раздраженнее продолжил Томин.

– Никак нет, сказал, что следы батюшки обнаружались.

– Что? – взвился начальник РОВД. – Какие следы?

– Не знаю, но лейтенант пообещал сразу, как вернется, обо всем доложить – ответил Солопов и вернулся к себе в дежурку.

Мобильным собственным Шнурков еще не обзавелся, а у милиции средств на покупку необходимых аппаратов не имелось, поэтому подполковник Томин извелся, прежде чем дождался возвращения следователя в райотдел.

Шнурков, измотанный, голодный и с головы до ног в саже и копоти, появился в 8 вечера. Солопов сразу направил его к Томину.

– Мне бы отмыться сейчас – заикнулся было лейтенант.

– Что-что, а баня тебе сейчас будет – это точно, – пообещал дежурный. – Иди – и не кочевряжься.

Когда Шнурков вошел в кабинет начальника милиции, тот, несмотря на долгое ожидание и с недавнее его нетерпение узнать новости о попе, увидев своего подчиненного, не выдержал:

– Ты что, Шнурков, печные трубы чистил – и прямо в милицейской форме?

– Никак нет, товарищ подполковник. Разрешите доложить?

– Докладывай, но вначале самую суть: кто, что, где, когда, понял? Да садись – не маячь, – автоматически добавил Томин, забыв о предыдущем.

– Стой, подожди, – спохватившись, вскричал подполковник, увидев, во что превращается один из недавно полученных кожаных стульев, но было уже поздно.

Черные и серые разводы копоти и сажи плавно переместились с формы Шнуркова на стул, на стол (лейтенант положил на него руки) и даже на штору, которая находилась за спиной следователя.

– Лейтенант, если твои новости гроша ломаного не стоят, все это сам будешь драить и жену пригласишь – показал Томин на испорченное имущество.

– Да я еще не женат, Илья Иванович, – робко сказал Шнурков.

– Тем хуже для тебя! Докладывай!

И лейтенант начал – подробный, с картинками и эмоциями, рассказ о событиях уходящего дня.

В 10.30 утра (Томин только-только укатил в областной центр к начальнику УВД) в дежурную часть позвонил руководитель ОАО «Бугровская зарница» Блинков и сказал, что один из его трактористов на краю Сунского леса, распахивая поле под пары, обнаружил обгоревший легковой автомобиль иностранного производства. Блинков лично побывал там, осмотрел место и машину и, по его мнению, это автомобиль пропавшего отца Алексея.

Начальник следственного отдела Буров, расписывавший в это время результаты работы отдела за полугодие, не нашел возможности съездить на место происшествия самому, а отправил туда немедленно Шнуркова.

Надо сказать, что тракторист Захаров, работавший на немецком тракторе «Фендт» немецкими же плугами, к работе

отнесся творчески – и все пути – дорожки, шедшие к Сунскому лесу от шоссе, перепахал полностью (объяснив – «чтобы браконьеры сюда не совались»).

Поэтому, пока Шнурков добрался до места находки автомобиля, и у него, и у шофера УАЗика после переезда через вспаханное поле тряслось все и в животе, и во рту. Блинков был уже тут (он звонил в милицию по сотовому) и встретил лейтенанта сочувственными словами:

– Зачем через поле-то ехал? Надо было с другой стороны леса – там неплохая дорога.

Но у Шнуркова в этот момент не хватило сил, чтобы даже сержанта-водителя отругать за незнание местности.

Правда, уже через пять минут он со вниманием слушал тракториста Захарова. Тот показал, что в течение двух дней по распоряжению начальства распахивал это поле общей площадью 20 гектаров – под пары. Вчера, уже под вечер, когда оставалось совсем немного, он на краю леса заметил автомобиль. Но в наступившей темноте, хотя при свете фар участок он «добил», показавшаяся ему машина куда-то исчезла.

Однако утром, переезжая на другое поле, Захаров решил все же проверить свои вчерашние видения и автомобиль нашел почти сразу: оказывается, он хорошо просматривался только с одной стороны.

На этом «Фендте» была рация – Захаров связался с начальством, которое сюда вскоре и прибыло. Гендиректор Блинков «Ауди» батюшки хорошо знал, поэтому, увидев сожженную машину, лично убедился, что это его автомобиль.

Фотоаппарат у Шнуркова всегда был с собой, и он, не торопясь, с разных позиций, отщелкал половину только что заряженной пленки. Потом, положив фотоаппарат и папку на переднее сиденье УАЗика, стал изучать сожженный автомобиль, применяя руки.

Кузов обгорел до черноты, стекла отсутствовали, сиденья выгорели – вообще-то, марку автомобиля в таком состоянии угадать было трудно, если бы не четыре переплетенных колесика – с передней стороны – фирменный знак немецкой

«Ауди». Металлическая пластинка с номерами выгнулась, покрылась копотью, но выдавленные цифры читались хорошо. Это была действительно машина отца Алексия.

Шнурков попытался открыть хотя бы одну из дверей, но, то ли замки были с секретом, то ли вследствие пожара, – их заклинило намертво. Лейтенант бросил свое бесполезное занятие и, просунув голову и плечи через открытое на месте одного из стекол пространство, попытался что-либо рассмотреть в салоне. Вымазав почти весь китель, ощупав пальцами даже пол автомобиля, следователь ничего не обнаружил. Ничего!

И лишь в багажнике, который хоть и с трудом, но все-таки открылся, лежали какие-то, обуглившиеся до неузнаваемости вещи.

Лейтенант их тоже попытался прощупать, даже забыв вначале про фотоаппарат, и лишь когда его вымазанные в копоти руки вдруг вытащили какую-то небольшую кость, Шнурков от неожиданности и испуга отбросил ее в сторону от машины.

Овладев собой и попытавшись хоть немного оттереть пальцы травой и листьями, следователь взял фотоаппарат и заснял содержимое багажника, аккуратно выковыривая одну за другой еще несколько таких же и чуть больше костей.

Анатомию Шнурков, как-никак, изучал когда-то и, уже более-менее хладнокровно рассматривая, их, понял, что кости явно не человеческие.

– А чьи же? – с нетерпением спросил Томин, выслушав всю эту историю.

– Посмотрите сами, товарищ подполковник, – и Шнурков, вытащив откуда-то из-за спины целлофановый пакет с черными костями, довольно резко и со стуком положил его на стол перед начальником РОВД так, что тот отшатнулся и побледнел.

– Лейтенант, ты в своем уме? – почти прокричал Томин.

Шнурков такой реакции не ожидал, растерялся и потому извинился с большим запозданием.

Когда начальник милиции полностью оклемался, следователь закончил свой рассказ о выезде на место происшествия, тем более, что осталось сказать-то ему буквально одно предложение: «Осмотр сгоревшего автомобиля и места вокруг него почти ничего не дал: ни следов, ни вещей пропавшего батюшки (кроме упомянутых костей) обнаружить не удалось».

Томин долго молчал, размышляя. По крайней мере, район возможного похищения или убийства отца Алексея был определен (сомневаться в этом почти не приходилось, а уж «белые братья» это сделали или «сатанисты» – еще предстояло выяснить).

Анализ отправленных на экспертизу костей показал, что принадлежат они молодому (трех-четырёх месячному) поросянку, которого везли в мешке из какой-то необычной ткани. Это заключение толкало милиционеров, опять-таки, на мысли о «сатанистах».

Начальник областного УВД Папашин, узнав от Томина о находке, приказал ему всеми имеющимися наличными силами прочесать Сунский лес, осмотрев каждый куст и дерево.

На утреннем совещании в райотделе начальник милиции, коротко охарактеризовав ситуацию, поставил перед личным составом задачу на начавшийся день: все, кроме дежурных, через полчаса выезжают в район Сунского леса и осуществляют тщательное его прочесывание с целью поиска отца Алексея.

Когда милиционеры, включая недавно принятого на работу кинолога, пока не имевшего собаки, прибыли на место, они поняли, что решение задачи будет нелегким.

Общая площадь Сунского массива – 8 000 гектаров смешанного леса с густым подлеском. К тому же, здесь проходят два глубоких оврага, по одному из которых течет ручей. Со стороны Бугровского района ближайший населенный пункт от леса находится километрах в шести, а вот на противоположной стороне одна из деревенок соседнего – Низовского – района – примостилась на самой окраине чащобы. Деревенька эта, правда, почти вымершая, – 6 дворов с семью старухами.

Томин, осмотрев сам сгоревшую машину и окрестности, подумал, что придется им тяжело: тридцати работникам райотдела предстояло проверить 8000 га леса (почти по 300 гектаров на человека), и помощи от местных жителей ждать не приходилось. Правда, каждая пятерка милиционеров была снабжена рацией для связи.

Сунский лес имеет форму неправильного прямоугольника, ширина которого около четырех километров, а длина почти двадцать. Милиционеры прочесывали его поперек узкой части, и когда, только пройдя лес в первый раз, они вышли на его противоположную сторону, все искатели представляли собой достаточно жалкое зрелище.

Двухметровой ширины лесной ручей оказался с такими топкими и неудобными для перехода берегами, что двадцать из тридцати милиционеров почувствовали на себе все прелести болота, выгваздавшись – кто по ступни, кто по колено, а некоторые и почти до пояса. Трое сержантов, продираясь в густом подлеске, потеряли пилотки, двое порвали брюки, у одного оторвался ремень вместе с кобурой и пистолетом, и его пришлось искать всем составом двадцать минут.

А на переход этот в одну сторону ушло два с половиной часа. Сам Томин, объехав лес, встретил подчиненных на другой стороне и, увидев их даже не выход, а выползание на довольно крутой подъем из второго оврага, понял, что приказ Папашина он выполнить ни за что не сможет.

Милиционеров хватило на три перехода. Последний они заканчивали уже с широко открытыми ртами, (что-что, а физически Томинская гвардия оказалась слабовата) дыша, как загнанные лошади перед пристреливанием. Чистеньким, в не порванной форме, остался только один подполковник, а его подчиненные сумели обследовать за это время менее трети объекта.

Когда в 8-м часу вечера, пытаясь хоть как-то отчистить свою, совсем уже не похожую на милицейскую, форму, расположились все следопыты у крайнего домика низовской деревни Пески, вышла к ним откуда-то старушка и долго, опираясь на палку, смотрела на них, не говоря ни слова.

Томин собрался уже отдать приказ садиться по машинам, как вдруг бабулька резво подошла к нему и спросила: «Сынок, а чавой-то вы в лесу-то искали? Видно, очень нужное, раз даже форму не пожалели?»

Подполковник уже так физически и морально выдохся, хоть и не совершал со своими подчиненными этих трех переходов, что ответил не раздраженно, а печально, предчувствуя разговор с начальником УВД: «Эх, бабушка, искали человека, а не нашли».

«Да если вы Лешку искали, то его вон там надо было, а не здесь», – и старушка показала рукой на кусок еще не обследованного леса.

Томин взвился:

– Прекратить погрузку! Офицеры, ко мне!

Узнав у старушки имя-отчество, подполковник сказал:

– Анастасия Петровна! Садитесь ко мне в машину, покажите, куда нам ехать!

– А обратно до дому довезете?

– Да конечно, не волнуйтесь.

С видимым удовольствием, безо всякой помощи, бабуля забралась в Томинский УАЗик, следом за которым двинулись и остальные милицейские машины.

Минут через семь Анастасия Петровна попросила остановиться. Выйдя из машины, она показала Томину на едва заметную тропинку, начинавшуюся у края оврага:

– По ней пойдете и километра через полтора Лешку и найдете.

– А кроме него, там кто-нибудь есть? – поинтересовался подполковник.

– Да кто с ним, непутевым, жить-то будет, – махнула рукой старушка. – Один он.

Томин приказал водителю отвезти Анастасию Петровну домой, а сам отдал распоряжения, волнуясь в предвкушении удачного окончания нервного для начальства дела.

По тропинке гуськом милиционеры тихо втянулись в Сунский лес и минут через 15 вышли снова к злополучному ручью. Но здесь через него был переброшен аккуратный мостик из четырех бревнышек.

Тропинка за мостиком вела наверх, где виднелось какое-то шалашеобразное строение.

Искатели батюшки перешли через мост, а потом по приказу Томина разделились на четыре группы, каждая из которых подобралась к хижине со своей стороны.

Все было тихо, и лишь когда милиционеры подкрались к жилищу совсем близко, они услышали какие-то заливистые звуки.

Заглянув внутрь дверного проема (двери в этой обители не было), Томин увидел лежащего на каком-то матрасе, обросшего неаккуратной бородой человека. Он крепко, с музыкальным храпом, спал.

Рядом – на нескольких березовых пнях – располагались остатки бывшего пиршества: несколько пустых и одна полупустая бутылка водки, пустые консервные банки, куски хлеба, покусанные соленые огурцы, пластмассовые и один граненый стакан.

Попытки разбудить спящего долго не удавались: он разворачивался в другую сторону и продолжал сладко поспывать.

И лишь когда выведенный из себя Томин приказал одному из милиционеров набрать воды в ручье и вылить ее на голову обитателю лесной хижины, тот, наконец, очнулся.

Присев, уставился непонимающими глазами на гостей:

– Менты? А почему это у вас другая форма? Поменяли? – говоря это, он протянул руку к той бутылке, где еще оставался «живительный» напиток, но подполковник ногой оттолкнул ее в сторону, вызвав бурное негодование хозяина шалаша:

– Ты кто такой? Это моя водка. А ну, выметайтесь.

Пришлось милиционерам принять меры, хотя Томин уже понял, что перед ними явно не тот Лешка.

Уроженец деревни Пески Алексей Глотов жил в областном центре, имел хорошую работу, жену, детей, но, когда, как русский человек с золотыми руками, он ударился в запой, жена его выгнала.

Вернулся Глотов в родную деревню, к одинокой матери. Но и той беспутный сын через полгода так надоел, что она ему указала на дверь. Вот тогда и поселился местный житель Лешка в лесу. В короткие часы трезвой жизни своими «золотыми» руками делал все необходимое по хозяйству у шести песковских старушек, но плату Глотов брал только едой и, конечно же, местной «валютой» – самогоном.

Милиционеры нашли его как раз в период после очередного хорошего заработка.

– И давно ты в лесу живешь? – поинтересовался Томин.

– С начала мая – уже три месяца скоро, – ответил вполне здраво Глотов.

– А отца Алексия ты в лесу не встречал? – с надеждой спросил Томин.

– Отцов тут никаких не видел, а одного Алексея из райцентра Бугровского знаю – он вроде как за грибами сюда приезжает, а сам к Машке Ворониной заглядывает, она в нашей деревне у тетки всегда летом гостит, – ответил горемыка-тезка.

У Томина перехватило горло – неужели, наконец-то, реальный след?

– Глотов – в машину, Шнурков – со мной, а остальные – домой. Виктор Павлович, – обратился он к заму, – давай, езжай, пусть отдохнут, отмоются, а завтра – к 8.30, как обычно.

Когда УАЗик Томина подъехал к дому Ворониных, все увидели на двери большой висячий замок. Соседка показала, что Мария Воронина, забрав тетку с собой, два дня назад уехала.

Попытки выяснить точный адрес племянницы ни к чему не привели, но соседи утверждали, что живет Машка Воронина где-то в Ленинграде.

Наутро, когда Томин доложил начальнику УВД эту информацию, запрос о Марии Ворониной ушел в Санкт-Петербург. К вечеру пришел ответ, что молодых женщин по фамилии Воронина и по имени Мария в Санкт-Петербурге 123 человека, и опрашивать персонально каждую у петербургских розыскников нет ни возможности, ни сил.

О пропаже отца Алексия объявили в областной прессе и по телевидению. Даже в центральной печати под рубрикой «Его ищут» и «Пропал» появилось фото священника.

Томин каждое утро спрашивал Шнуркова об успехах следствия, но каких-либо новых данных не было. Через три недели питерские опера умудрились проверить и всех Ворониных Марий – это также не принесло ожидаемых результатов.

Позже выяснилось, что искать Воронину было бессмысленно потому, что Мария, выйдя замуж, носила совсем другую фамилию.

Шнурков, и без того худой, превратился, при своем высоком росте, в подобие вечного вопросительного знака, а Томин, замотанный ежедневными докладами начальнику УВД, стал страдать бессонницей, а в редкие часы сна шептал (жена в тревоге сообщила ему однажды): «Батюшка, отзовись!» или кричал: «Поп, куда ты, сволочь, спрятался?»

Прошел месяц безрезультатных поисков. Проведя очередную беспокойную ночь, к 8.00, а не к 8.30, явился 2 октября подполковник Томин в райотдел.

Дежурный майор Молотков доложил, что его ждет посетитель. Не ожидая ничего хорошего, начальник милиции вошел в приемную.

Худой (чем-то похожий на Шнуркова) мужчина, с совершенно седыми волосами, связанными сзади в тугий пучок, с седой же аккуратной бородкой, поднялся ему навстречу:

– Илья Иванович, я к Вам.

– Я с Вами знаком? – поднял брови Томин.

– Конечно, Илья Иванович! – лицо говорившего страдальчески сморщилось, печальная улыбка тронула его губы,

и начальник милиции с изумлением понял, что перед ним стоит пропавший месяц назад отец Алексей, живой, но незнаваемо изменившийся.

– Вас что, в заложники брали, пытали, кто, где? – С нескрываемым недоумением подполковник один за другим задавал вопросы, предчувствуя окончание месячных мук, сопровождавших следствие.

– Пройдете в кабинет, Илья Иванович! Там я все расскажу, но Вы – больше никому, а мой поиск прекращайте, – спокойно начал отец Алексей.

Усевшись в кабинете Томина на новый стул (старые отмыть от копоти Шнуркова так полностью и не удалось), батюшка продолжил свой рассказ:

– Грешен я, Илья Иванович, сильно грешен!

До 25 лет Алексей Иванович Владимиров вел обычную светскую жизнь, был успешным, одним из лучших, автогонщиков Черноземья, брал призы, любил хорошую девушку Машу Воронину, которая отвечала ему взаимностью. Но однажды вдруг все сломалось в одно мгновение. Рассорился с невестой, умерли любимые отец и мать, погибла сестра.

Начал гонщик пить беспробудно, и дело дошло до белой горячки и видений.

Понял Алексей, что пропадает и круто изменил свою беспутную жизнь. Поступил в духовную семинарию, женился по ее окончании, получил приход и даже к жизни как будто вернулся: ездил, рыбачил, грибы собирал, только службы не от души вел – а по обязанности.

Грибы в Сунском лесу собирая, нос к носу столкнулся он со своей Марьей два месяца назад – она к тетке в деревню приехала и тоже за грибами в лес пришла.

Словно молния между ними сверкнула, забыли обо всем, что было до того и бросились друг другу в объятия.

– Эх, страсть бесовская и здесь уловила меня в свои сети, – батюшка медленно перекрестился и вытер платком капли пота, проступившие на лбу.

И потом почти месяц встречались они у Марьиной тетки, и она, хоть и не в восторге была, но короткому счастью их не противилась. В Песках не знали, что Владимиров – служитель Божий, они были уверены, что это жених Марии.

Забыл отец Алексей об одном из семи грехов смертных, да Бог о себе напомнил.

Свой автомобиль он обычно оставлял на краю леса, на Бугровской стороне, а потом пробирался 4 километра лесной тропинкой, приводившей прямо в деревню.

В этот раз местные трактористы Захаров и Петров, готовя поле к пахоте, подожгли стерню и остатки соломы, а ветер поднявшийся раздул настоящий пожар. Добрался он и до края леса, где стоял «Ауди» отца Алексея.

Батюшка возвратился к машине, когда она уже догорала, а тут еще сильнейший дождь с грозой и молнией начался. Одна молния ударила между машиной и отцом Алексием, пронзив все его существо, и понял он, что это предупреждение Божье и может еще серьезнее быть наказание за все его грехи блудные.

Упал на колени отец Алексей и громкий Богу обет дал, что месяц на хлебе и воде в скиту проживет, и каждый день и ночь о прощении Его молить будет.

В дождь и слякоть, не укрываясь, прошел за двое суток совершивший прелюбодеяние батюшка путь до скита Святого Тихона – там и жил месяц, выполняя обет.

Вернулся вчера домой тоже пешком, поведал обо всем матушке. Простила она отца Алексея, потому как любит.

– И Ты, Господи, прости нас, грешных! – Закончил свою речь священник.

Выслушал Томин батюшку, вздохнув первый раз за этот месяц с облегчением, и лишь один вопрос ему задал: «Как поросенок-то в багажнике машины оказался?»

Отец Алексей ответил, что живность, в благодарность ему, подарил один из прихожан – и даже не за службу, а за то, что помог как-то в ремонте автомобиля. И как ни отказы-

вался он, засунул прихожанин несчастного поросенка в багажник «Ауди», где и встретил тот смерть во время пожара.

Попроцался батюшка с начальником милиции, попросив сердечное прощение за причиненные им неудобства, и отправился домой, к матушке...

P.S. Вскоре увидели жители райцентра, как сильно изменился после возвращения их приходской священник.

Ездить почти совсем перестал, все больше ходил пешком, да и к старым увлечениям, грибам и рыбалке, значительно охладел. Жители поселка часто его видели теперь в огороде то с лопатой, то с тямкой. Службы же свои церковные наполнил отец Алексей сердечной теплотой, и редко какая старушка не всплакнула, слушая его молитву. А уж на похоронах о покойниках находил такие слова проникновенные, что плакали об умершем не только родственники, но и совсем посторонние люди.

Об отце Алексии как верном слуге Божием слух пошел по соседним приходам, крестить детей и венчаться к нему приезжали даже из областного центра. Бугровчане радовались своему пастырю, его обращению, да так, что и церковь помогли возвести вскоре своими руками.

А через девять месяцев после благополучного возвращения у отца Алексия и матушки Марии родился наконец-то сын, которого они так долго ждали.

Вторая тройка.
Шнурков и Ко

Рассказ первый. ШНУРКОВ И КОСТЯНАЯ НОГА

Бугровский рынок работал вовсю уже третий час, когда его основные действующие лица (продавцы, естественно) почувствовали какую-то неуютность. Вроде, все было, как всегда: на голубом, почти безоблачном, небе светило ласково-нежное солнышко; появились между палатками первые, еще не напуганные торговцами покупатели; пробежала Нюся с корзиной, в которой аппетитно пованивали чебуреки, беляши и лапша быстрого приготовления (незаменимая еда для тех, кто еще не успел испортить желудки); начала рекламную компанию у самого входа Валя Толстова.

– Покупайте свежий «Меридиан». Волнения на Центральном рынке! Одному из чиновников расцарапали его представительное лицо! В каменоломнях на берегу Оки прячется маньяк. Его жертвой стали пять бродячих собак! Крокодил, искушавший хозяйку и убежавший из домашнего бассейна, нападает уже на третью женщину. Не подходите близко к канализационным люкам – последнее появление аллигатора было как раз оттуда!

Все было почти, как всегда, когда вдруг до Коли – жестящика, торговавшего металлической мелочевкой, наконец-то, дошло, чего лично ему не хватает:

– Сосед! – обратился он к двухметровому Леше – продавцу обоев и сопутствующих товаров, – а где Палыч?

Леша- обойщик вздрогнул, недоуменно посмотрел по стономам и развел сажеными руками: «А я-то думаю, отчего сегодня на рынке, как на кладбище? Палыча нет!»

От Леши звуковая волна прошла по первому ряду палаток, а потом и по всему торжищу. Уже все продавцы ощутили нужность и незаменимость для Бугровского рынка Аркадия Павловича Трубникова, по кличке «Труба» (тут сошлись воедино фамилия и действительно зычный, трубной силы голос, с утра оживлявший торговые точки, заводивший и продавцов, и покупателей).

Сам он на кличку не обижался, а даже гордился ею. Но все-таки, чаще большинство обитателей площади называло Трубникова по отчеству – Палыч.

Когда-то Аркашку Трубникова из деревни Волчанка, что в пяти километрах от райцентра, знали все окрестные жители за удивительную, постоянную невезучесть в делах житейских, и по этой причине кто-то из местных учителей дал ему прозвище «Несчастливцев».

Он ломал и вывихивал руки и ноги, несколько раз сам пробивал голову и пару раз ему в этом помогали, тонул, горел, замерзал. В общем, Аркашка один имел несчастных случаев больше, чем всего его односельчане, вместе взятые.

Венцом несчастий стало последнее приключение с собственным мотоциклом, который однажды укатил без хозяина, когда тот чересчур долго и резко газовал. Случилось это на железнодорожном переезде, перед самым подходом поезда. Вырвавшийся мотоцикл почему-то развернулся вокруг своей оси, с силой зацепив правую ногу Трубникова, и помчался в обратную сторону. А Аркадий упал на дощатый помост переезда, потеряв сознание от пронзившей его острой боли.

Как он потом сумел все же отползти с рельсов, Трубников уже не помнил. Подобрали его подъезжавшие к переезду обходчики, – уже без правой ступни, в крови.

Очнувшись через сутки в больнице и узнав, что стал инвалидом, Аркашка целый месяц лежал пластом, процедуры принимал равнодушно, жевал, что давали, автоматически – решил, что ему, действительно, нет в жизни счастья.

Но однажды в районную больницу пришла посетительница – рыжеволосая и конопатая, курносая и круглолицая – полный солнечный весенний набор. С нею, с Катей, и убыл еще через месяц Аркашка на костылях, которые, казалось, весело приговаривали, постукивая: живу – люблю, живу – люблю.

Через пару лет у Трубниковых уже было двое детей, а Аркашка превратился в Аркадия – солидного торговца на местном рынке. Правда, специализацию он выбрал для себя несколько необычную: продажа нижнего женского белья. Пока свободно-

го капитала у Трубникова не было, он работал на местных олигархов Вениковых.

Торговая точка Аркадия стала пользоваться большой популярностью: он так умело, радушно и сочно предлагал покупательницам трусики и бюстгальтеры, делая это все без какой-либо пошлости, что женщины таяли на глазах: «Лапуля, посмотрите, это как раз для ваших нижних прелестей, а вот это для ваших несравненнейших верхних прелестей. Можете, конечно, примерить, но верьте моему глазу – третий номер как раз Ваш».

Когда из Москвы товар привозили на несколько торговых точек одинаковый, большинство бугровчанок шли за новинками к Палычу – такое имечко он вскоре заслужил среди разномастной торговой братии.

Зычный голос Палыча легко перекрывал голоса соседей и соседок, и вначале они злились чрезвычайно, а потом поняли, что из этого соседства есть прямая выгода: идя к Трубникову, волей – неволей, покупательницы проходили мимо них и частенько приобретали для себя какие-то сопутствующие товары.

Торговал Палыч, как султан, в окружении шести разнокалиберных соседок: от высокой и худой баскетболистки Клавды Линьковой до похожей на артистку Крачковскую Антонины Зеленовой.

Как ни странно, до них последних дошла волна об отсутствии Палыча, хотя за эти три рыночных часа ни одна из шести торговек не только не продала что-то, но даже и покупатели-то в их крайний ряд не зашли ни разу.

Рынок забурлил – зашумел. Последние четыре года, когда Трубников, выкупив свою торговую точку у Вениковых, сам стал хозяином, он ни разу не пропустил рыночного дня, и потому отсутствие его на привычном месте вызвало настоящий шквал недоуменных вопросов.

Все они разрешились примерно через час, когда на рынок заглянул за электрическим фонариком для себя лейтенант Шнурков.

– Слышь, следак, что случилось с Палычем, не знаешь? – спросил его Леша – обойщик.

– Знаю, конечно, – важно ответил лейтенант. – Ногу у него украли. – Какую такую ногу? Садисты, что ль напали на Палыча, выкуп вымогали?

– Да нет, что ты несешь! Я имею в виду протез, забыл, что у него одной ноги давно не имеется, вместо нее – искусственная? Вот ее-то сегодня ночью и украли!

Обойщик обалдел:

– Лейтенант, это не я несу, это ты чепуху городишь. Кому нужен чужой протез? Ведь он индивидуально подгоняется – по травме, и использовать его кто-то чужой не сможет!

Шнурков обиделся:

– В тебе хоть и два метра росту, а дурак – ты, Лешка. Я официальное лицо, и если я что-то говорю, то это уже проверенный факт, понял?

Обойных прилавков торговец дал задний ход:

– Ладно, ладно, извини, следователь. Расскажи, как все случилось-то?

– Нет, Леша, больше ничего не рассказать не могу, идет следствие, – о результатах узнаешь, когда поймем преступника, – и лейтенант, пощелкав выключателем фонарика, пытаясь по-армейски держать по спине, зашагал вдоль главной улицы городка.

Но чем дальше отходил Шнурков от торговых рядов, тем сильнее распирало его изнутри от желания бегом вернуться назад и рассказать и Леше – обойщику, и соседям его, и всем интересовавшимся судьбой Палыча о том, что же случилось – нет, вернее, что увидел следователь, приехавший в дом Трубникова вместе с экспертом криминалистом сегодня в десятом часу утра.

Шнурков за год работы в Бугровском райотделе узнал многих жителей райцентра. К тому же, одно время он выполнял обязанности участкового, и ему волей-неволей пришлось общаться с самыми популярными личностями поселка.

Одной из них, конечно же, был Палыч – вечно живой, заводной, шумный, в меру юморной и донельзя приветливый – как на своем рабочем рыночном месте, так и дома.

А тут Шнурков нашел его в такой ярости, что вначале никак не мог успокоить. Да и потом, когда Трубников начал рассказ о своем горе, его время от времени прорывало: «Ну, гады, ну, сволочи!», и это была самая мягкая часть его бурного, в основном, нецензурного выступления перед двумя милиционерами.

Когда лейтенанту спустя полчаса удалось-таки немного утихомирить размахивавшего руками и скрежетавшего зубами Палыча, тот поведал суть своего несчастья.

На эти выходные Трубников, пожалуй, впервые за несколько последних лет остался ночевать дома один. Уговорил он свою Катю с детьми съездить по двухнедельной путевке в Сочи, в настоящий санаторий, к настоящему морю, которого 8-летний Паша и 7-летняя Маша еще ни разу не видели.

Убедил Палыч жену и детей, что две недели он продержится – и если щей и супов варить не будет, то уж на вторые блюда Труба был мастак: гречневые и рисовые каши, пельмени, даже жареную картошку готовил так, что Катя не раз ему на полном серьезе предлагала устроиться шеф – поваром в местный ресторан «На семи буграх».

Проводил он свое семейство до вокзала, в поезд посадил, а вернувшись домой, что-то загрустил.

Достал из холодильника початую бутылку коньяка, которую держал для лечебных нужд, налил в стоявший на подоконнике стакан 100 граммов и медленно, задумчиво выпил, закусив одной из 14 шоколадных конфет, оставленных ему дочкой при расставании («Вот, пап, есть будешь вечером, по конфете в день, как все съешь, так мы и вернемся», – заявила Маша, всюю готовившаяся к школе и научившаяся недавно считать до 20).

После коньяка светлая печаль охватила все существо Палыча, он посидел с полчаса у телевизора, дожидаясь, пока сообщат, какая там погода в Сочи, удовлетворенно улыбнулся,

когда диктор сообщил о температуре моря в 25 градусов и начал готовиться ко сну.

Разобрав диван-кровать, постелил простыню, разделся до трусов и уже в последнюю очередь отсоединил протез. Новая искусственная нога Трубникова была из числа новейших модификаций – Катя, жена, первые появившиеся в доме большие деньги настояла потратить именно на это, когда увидела, как натирает культю Аркадия старый протез с кожаными ремнями. Новый крепился легко, быстро и также свободно снимался.

Палыч аккуратно положил протез на крепкий деревянный стул, стоявший у открытого окна (спал Труба всегда именно так, дыша свежим ночным воздухом), завел будильник на 6 часов утра и, измученный непривычными для него печальями, как будто провалился в крепчайший сон.

Проснулся утром по звонку будильника, сразу потянулся к протезу, но его на стуле не оказалось.

Удивился Палыч, но не испугался еще, подумал, что шкодливый кот Бергамот, прыгая со стула на подоконник, мог свалить искусственную ногу Трубникова на пол, но и там ее не было.

Пришлось, прыгая на одной ноге и опасаясь упасть, добраться до чулана-кладовки, в которой вот уже лет семь пылились без дела забытые старые костыли, и на них обследовать весь дом.

«Неужто 100 грамм коньяка память отшибли», – уже в панике метался Палыч второй, а потом третий раз из спальни в зал, из зала в прихожую, а оттуда – в обратную сторону.

Протез не находился! Да и не иголка ведь это, даже не деньги, которые могли куда-то завалиться.

Обессилев, присел Труба на тот самый стул, где должен был лежать его совершенный немецкий протез, и тут только обратил внимание на подоконник, на котором нечетко, но все таки отпечтался какой-то след.

Заглянул Палыч под окно, где от его, недавно сделанной, отмокши шла аккуратная асфальтовая дорожка, на которой если следы и были, то их смысл ночной ливень.

Вот тут и дал волю своим чувствам Аркадий Павлович Трубников, так дал, что сбежались на его зычный голос соседи из двух близлежащих соседних домов, находившихся в 100 метрах по обе стороны. Один из них и позвонил в милицию, потому что Палыч так разошелся, что не попадал пальцами даже на цифры 02 своего кнопочного телефона с автоматическим определителем номеров.

Ничего больше, кроме новых эпитетов нецензурного содержания по адресу воров, добавить Трубников не смог, как ни бился Шнурков, в надежде, получить какую-либо дополнительную информацию.

В доме, как выяснилось, пропал только протез. Все остальное, даже самые ценные вещи, осталось на месте. Такого рода кража вызвала полное недоумение ввиду ее полной бессмысленности. Впрочем, разговор о мотивах лейтенант оставил на потом, а пока же приказал эксперту попробовать найти «пальчики» посторонних лиц в доме.

Открыв чемоданчик с необходимым набором, еще более молодой, чем Шнурков, криминалист Васин важно сказал, что, кажется, у них есть шансы. К вечеру, когда результаты пальцеснятия стали известны, шансы быстро растаяли почти до нуля.

Ни в одной из комнат дома чужих отпечатков не оказалось, даже на стуле, где лежал протез, обнаружили только пальцы Трубникова (впрочем, не мудрено, поскольку он облапал стул сверху донизу, не понимая, где же его вторая нога).

Единственной зацепкой оставался след обуви на подоконнике. Однако 100%-но идентифицировать его не удалось. Экспертиза показала, что отпечаток сделан спортивной обувью типа «кроссовок» с достаточно распространенной подошвой, а размер ее – от 37 до 38.

Небольшое количество почвы, оставленное на доске подоконника, было скорее всего, из клумбы, в которую угодил в темноте похититель, пробираясь к окну (клумба находилась в 10 метрах, слева от него).

Васин объяснил Шнуркову, что отпечаток одной из рук прослеживался на краю подоконника, но хлеставший всю ночь дождь уничтожил всякую возможность снять этот отпечаток – «дождь смывает все следы», процитировал Васин название какого-то популярного иностранного фильма.

Следователь сразу же попробовал использовать недавно появившуюся в райотделе милиции собаку, но пес, которого кинолог Кошкин подвел к стулу, понюхав его, двинулся к холодильнику Трубникова, где стоял минут пять, преданно глядя на Палыча, пока тот, не выдержав, не достал из недр кусок колбасы и не скормил этому Рексу.

Не дождавшись от начавшего раскаляться Палыча второго куска, Рекс через распахнутое окно выпрыгнул на улицу, пометался вдоль клумб по дорожкам и потрусил вдоль улицы. Остановился пес у заброшенного дома, а потом также не спеша пробежал внутрь загородки и довел Кошкина и Шнуркова до каменного подвала, расположившегося сзади – сбоку от дома.

Дверь подвала была открыта, пахло оттуда сыростью и плесенью, и Рекс лезть в темноту не пожелал, как его Кошкин ни убеждал и ни грозил.

Он улегся рядом с дверью и водил мордой, глядя то на своего шефа, то на Шнуркова, то – хитровато – на зияющее подвальное отделение, как бы говоря: «Ну что же вы, я свое сделал, теперь ваша очередь!»

Когда лейтенанту это надоело, он, приказав Кошкину сторожить подвал, пошел на рынок – за фонариком, чтобы узнать – таки, что же там, в темной сырости, или, кто же там, в мрачной темноте, прячется?

Вернувшись через полчаса, следователь увидел, что Рекс мирно дремлет на припекающем вовсю солнце, а хозяин его пускает колечки дыма, наблюдая за ними внимательнее, чем за входом в подвал.

Разозленный Шнурков вскричал так, что пес подпрыгнул, а Кошкин поперхнулся дымом и лихорадочно попытался затушить сигарету, но никак не мог найти чем, пока, наконец, не втоптал ее каблуком ботинка в землю.

Оба – один с виноватой мордой, другой – с виноватым лицом – стали наблюдать, как следователь спускается в подвал.

Темнота началась уже с пятой ступеньки, и потому Шнурков включил фонарик, луч которого не смог охватить внутренность подземелья – таким оно оказалось большим.

Подвал старинной кладки – из тесаных, плотно пригнанных друг к другу известняковых плит – делился посередине стеной на два рукава, в каждом из которых виднелись какие-то вместительные бочки.

Следователь насчитал их около десятка, и каждую он старательно исследовал, высвечивая фонариком внутренность посудыны.

Когда Шнурков подошел к последней из бочек, которая стояла как-то боком, из нее с таким диким душераздирающим визгом выскочило какое-то существо, что лейтенант, откачнувшись в сторону, стукнулся лбом об известняковую плиту, а ногой угодил в противное жидкое месиво, видимо, вылитое из этой же бочки.

Исследовать подвал дальше следователь не стал, а осторожно вылез на белый свет, проклиная все на свете и держась за ушибленное место.

Едва только успел Шнурков разогнуться, и, шурясь, посмотреть вокруг, как сзади послышалось нарастающее шуршание, и кто-то метеором проскочил между ног лейтенанта, промчавшись за калитку, а далее на улицу.

Только тут Рекс, озадаченно наблюдавший за процессом, рванул следом за беглецом. Рванул так, что державший поводок пса Кошкин, пробежав по инерции за ним несколько шагов, темпа не выдержал и упал, успев-таки выпустить из рук связующую его с собакой нить – иначе пришлось бы ему плохо.

Когда Шнурков выбежал на улицу, то увидел, как далеко впереди несутся две маленьких тени, следом за которыми стремятся тень побольше.

Первой, как выяснилось, была тень трубниковского кота Бергамота, второй – его возлюбленной, соседской кошки Дуни. Добежав почти до конца улицы Ленина, словно по сигналу,

Бергамот и Дуня резко повернули в противоположные стороны и скрылись в каких-то закоулках.

Рекс остановился, повертел мордой влево-вправо, постоял, выражая величайшее презрение: «Больно вы мне и были нужны», развернулся и не спеша потрусил назад.

Так бесславно закончилась в Бугровском районе первая попытка использования собаки в розыскных целях. А Шнуркову и Кошкину пришлось наутро, при начале рабочего дня, прятать боевые травмы: следователь сдвинул пилотку на непривычную левую сторону, а кинолог правую руку все время старался держать в кармане.

Поскольку расследовать преступление по горячим следам не удалось, Шнуркову предстояло обдумать версии, причем, оперативно, иначе, как пригрозил Трубников в разговоре с начальником милиции Томиным: «Я подниму на ноги весь рынок, в области узнают, чья милиция даром хлеб ест».

Главный милиционер района вызвал следователя и, внимательно, без улыбки, глядя все время на темно-синюю шишку на его лбу, сказал:

– Сроку тебе, лейтенант – три дня. В пятницу Трубников должен стоять на рынке на своем протезе – понял? Иначе сам будешь на его месте бюстгальтеры продавать. – Иди!

Зашел Шнурков в свой кабинет и стал думать думать – с чего теперь начать. Мысли в голове лейтенанта, после вчерашнего приключения в подвале, ворочались с трудом, как несмазанные колеса в плохой телеге. И мыслей этих было немного.

Первая – следователь был уверен, что незнакомцы тут отпадают (гастролеры бы «почистили» все жилище – и основательно).

Вторая – из жителей Бугровска лейтенант сразу отгел женщин – все бугровчанки уважали и ценили Палыча и так зло шутить или мстить, рискуя остаться без очередных новинок для своих «нижних и верхних прелестей», они не могли.

Значит, оставались бугровчане-мужчины – 2325 человек, включая детей.

Кто из них имел какие-либо мотивы для совершения данного преступления? Как Шнурков ни изощрял свою фантазию, кроме коварных соседей и мстительных конкурентов по бизнесу, он никого придумать не смог. Оставалось еще злостное хулиганство – как крайний, малоубедительный вариант.

К концу первого дня, данного ему начальником, лейтенант пришел к твердому убеждению, что врагов на почве бизнеса у Трубникова, как это ни казалось парадоксальным, нет, поскольку продажей нижнего белья на Бугровском рынке занималось, кроме него, только пять женщин, которых даже потенциально Шнурков отмел как возможных преступников.

Оставались, правда, кое-какие вопросы по местным олигархам Вениковым, но, поговорив с Лидией и Сергеем, следовательно выяснил, что они не в обиде остались на Палыча, когда тот, поработав два года на них, ушел потом в самостоятельное плавание (он честно об этом предупредил).

Кроме того, Вениковы давно уже специализировались на нижнем белье элитного класса, предназначавшемся для богатых бугровчанок, а Трубников продавал трусики, бюстгальтеры, ночные рубашки для обычных, среднеобеспеченных женщин райцентра.

Да к тому же, по просьбе Палыча, Вениковы привозили ему оптовые партии белья. Так что они и не конкуренты вовсе, а скорее, партнеры.

Торговцы-соседи собранную Шнурковым информацию подтвердили. Вообще, для Бугровского рынка Палыч являлся своеобразным талисманом, залогом его успешности. Как в футболе идут на классного футболиста, а в результате видят всю команду, так и желавшие даже не купить что-то, а посмотреть на легендарного Палыча обеспечивали покупательную способность и выручку местного торжища.

Утром второго дня Шнурков решил посетить Трубникова, чтобы расспросить его о соседях. Нашел следователь Палыча угрюмым, раздраженным – но взявшим себя в руки. Сидя за столом, Труба чистил картошку и бросал потом ее в кастрюлю с водой:

– Как успехи, лейтенант?

– Извини, Палыч, результатов пока нет, ищем!

– У тебя два дня, Шнурков – два дня – и ни часом больше. Я не угрожаю, но ждать больше не смогу и не захочу. От меня что хочешь – я ж тебе все рассказал? – с недовольством сказал Трубников.

– Знаешь, Аркадий Павлович, похоже, это дель твоих соседей.

– Каких соседей?

– Тебе лучше знать, кто из них на тебя зуб имеет, – ответил лейтенант. – Давай вместе подумаем.

– Да ерунда это – соседи мои приличные люди. Не без недостатков, конечно, но общаемся мы с ними нормально, – с сомнением сказал Труба.

– Ну а все – таки, Аркадий Павлович, давай поподробнее охарактеризуем каждого. Сколько их, кстати? – спросил следователь.

– Улица наша новая, дома друг от дружки в ста метрах, потому два соседа – по нашей стороне улицы и еще трое – на другой – подсчитал Трубников.

– Итого – пятеро, – подытожил Шнурков.

– Да, пятеро – сейчас про каждого расскажу – только давай поедем сначала, – и Трубников подвинул сковороду к Шнуркову поближе.

С аппетитом поедая длинные, золотистые пластинки картошки, не успевший, как всегда, позавтракать, лейтенант по достоинству оценил кулинарные способности Палыча.

Сам Трубников, аккуратно жуя, успел о каждом из соседей рассказать главное.

Юрий Колосовников, капитан первого ранга в отставке, вернулся в родные места три года назад, поселился в доме так и не дождавшихся его из очередного многомесячного плавания родителей. Скромное отцовское жилище он реконструировал, и оно стало выглядеть если и не по-европейски, то вполне современному. Занимается отставной капитан ремонтом двигателей для знакомых, которые уже не раз предлагали ему если и

не создать свою станцию техобслуживания, то устроиться по профилю в какой-либо из фирм.

Колосовников от таких предложений не раз отказывался. («Мне достаточно того, что есть»). Жена его, Елена Викторовна, преподает химию и биологию в местной средней школе, учащиеся старших классов которой прозвали ее «Еленой Прекрасной» за соответствующие внешние данные и добрый характер.

Их сын, второклассник Миша, дружит с Пашей Трубниковым, часто бывает дома у Палыча, а Паша регулярно навещает Колосовниковых. На почве дружбы сыновей начали общаться и взрослые. Елена Колосовникова и Катя Трубникова стали настоящими подругами. Обе семьи регулярно вместе выезжают на природу (бывшего моряка и теперешнего торговца объединила страсть к рыбалке).

О других соседях Палыч поведал не так подробно.

Антон Коровина видел вообще только раз, когда тот, купив соседский дом 4 года тому назад, зашел к нему представиться. Молодой еще мужик лет 40, родом из Бугровского района и собирающийся вернуться сюда, он пока шахтерствует в Воркуте и в Бугровске бывает очень редко. Коровин просил Палыча присматривать за купленным домом и даже предложил оплату, которую Труба с негодованием отверг. Сейчас же в доме никто не живет, и бомжей тоже в нем нет – уж за это Палыч ручается.

На противоположной стороне улицы Заводской живут заместитель главы администрации района Путягин с женой и двумя маленькими детьми, председатель местного потребительского общества Одинокоев с женой (взрослый их сын работает в областном центре) и управляющий газовым трестом Малютин. У последнего двое детей – дочь Ольга, 14 лет, и сын Петр, 11 годов, жена Малютина работает в сбербанке. С этими тремя семьями Трубниковы общаются постольку – поскольку: здравствуйте – до свидания, как дела? – все-таки районная элита, и некоторое зазнайство у них, по словам Палыча, имеется. Но чтобы позариться на его ногу? Это было бы для них величайшим идиотизмом.

Попрошавшись с Аркадием Павловичем, Шнурков навещал Путягина, Одинокова и Малютина. Пришлось, правда, отвлечь их от суетных районных дел, поскольку разговор с замглавы администрации состоялся у него в рабочем кабинете, с председателем потребительского общества в цехе по производству макарон, которые никак не хотели иметь трубчатую форму, а с Малютиным – во время его матерной беседы с недисциплинированным бригадиром газосварщиков.

Все трое к визиту лейтенанта отнеслись с некоторым удивлением, но пониманием: Палыча, как выяснилось, они уважали за деловые качества и сочувствовали его несчастью. А Малютин даже поразмышлял вслух: «Неужели из Палыча он опять Несчастливцевым становится?» Однако по существу дела что-либо сказать не могли, и не верить им у следователя никаких оснований не было.

Заканчивался второй день, данный начальником милиции Томиным для того, чтобы Шнурков нашел проклятый протез, а у следователя не то что следов не было, но даже и версии все его рассыпались в прах.

Для очистки совести лейтенант прошел по всем заброшенным местам, подвалам и закоулкам, хотя было их на этой улице совсем немного (жили здесь люди состоятельные), и оптимизма ему это не прибавило.

Когда утром третьего, последнего дня, следователь докладывал начальнику райотдела о своих недостижениях, Томин раздраженно – философски подвел итог: «Ну что ж, лейтенант, завтра будешь новую профессию осваивать – иди! Жду для последнего рапорта – или грудь в крестах, или голова в кустах».

Первую половину дня следователь посвятил прекрасной половине человечества, хотя ему в эти минуты было совсем не до красот: разноцветные картинки, как он торгует бюстгальтерами и трусиками, мелькали перед глазами. И одна из картинок, самая яркая, засела в мозгу особенно прочно: торговец Шнурков убеждает от разъяренных женщин, которые, размахивая над головами всеми видами нижнего белья, бегут за ним с криками:

– Бей его, бабы, это ж все белье для «голубых».

С трудом избавившись от видений, лейтенант все же довел до конца свои опросы – разговоры с женщинами. Но ни работница сбербанка Виктория Малютина, ни начальница районного узла связи Вера Одинокова, ни домохозяйка Антонина Путягина, тоже сочувствовавшие пострадавшему Трубникову, не смогли пролить хоть какой-то дополнительный свет на случившееся.

К Колосовниковым, ближайшим соседям Палыча, Шнурков пришел в 6-м часу вечера, так и не успев пообедать, но чувствуя себя не голодным, а скорее предназначенным для съедения людоедом Томиным. Лейтенант, не надеясь уже ни на какие положительные результаты, позвонил в дверь, выкрашенную приятной бежевой краской.

Открыла ему Елена Викторовна, из-за спины которой выглядывал 8-летний Миша.

Елена Прекрасная (Шнурков убедился, насколько правы оказались старшеклассники Бугровской школы, назвав свою учительницу так) приветливо пригласила следователя в дом и сообщила, что мужа нет, поскольку он уехал в очередному знакомому ремонтировать очередной двигатель.

Расстроенный и так донельзя, лейтенант, от расстройства сев за стол, не стал отказываться от чая с домашним тортом и не заметил, как в течение 15 минут съел его полностью, отрезая кусок за куском. Когда он, в замешательстве, опомнился, Елена Викторовна с улыбкой сказала:

– Я рада, что мое изделие Вам понравилось. Хотите еще? Миша, – позвала она сына, – принеси второй торт.

Бойкий Миша принес еще более замечательное произведение – на большом блюде, украшенное кремовыми большими цветами.

Но лейтенант уже категорически отказался, попросив хозяйку рассказать все, что она знает возможных врагах, конкурентах Палыча или просто о местных хулиганах, которые могли быть способны на такую подлость.

Когда, печально улыбнувшись, Елена Прекрасная развела руками и тихонько вздохнула – Шнурков понял: последняя его надежда растаяла вместе с этим вздохом.

Извинившись, следователь поблагодарил за чай и торт и хотел было сказать «До свидания», когда вертевшийся тут же Миша вдруг спросил:

– Дядя Шнурков, а почему вы меня не допрашиваете?

– Чего-чего? – недоуменно ответил лейтенант, – О чем это я тебя не допрашиваю?

– Как о чем? О протезе, – важно произнес второклассник.

– А ты что, знаешь, где он? – иронически недоверчиво поинтересовался следователь.

– Нет, я не знаю, а вот Петька – газовщик хвастался, что знает.

– Петька-газовщик – это кто? – проявляя уже нараставшую заинтересованность, спросил Шнурков.

– Да Петр Малютин, сын управляющего газовым трестом, он в 5 классе учится – ответила за сына Елена Викторовна.

Лейтенант вылетел из дома Колосовниковых как на крыльях, но еще час у него ушел на поиски названного Пети.

Пятиклассник играл в футбол на самодельном стадионе, примостившемся у самой речки, а партнерами его были ребята постарше.

Появление милиционера для всех явилось полной неожиданностью и деморализовало их настолько, что никто и не попытался бежать.

Когда Шнурков, ухватив Петю за плечо, спросил:

– Где протез? – Пятиклассник от испуга потерял дар речи, и только указал рукой куда-то на речку.

– Ты что, утопил его в реке? – Возмущенно сказал лейтенант.

Петя покачал головой

– А где он?

Малютин опять показал на речку.

– Так все-таки протез в воде? – настойчиво продолжил Шнурков.

Пятиклассник, по-прежнему бледный и испуганный, снова покачал головой.

– Товарищ лейтенант, – к нему подошли другие футболисты, ребята лет 14-15, и один из них именно так, официально, обратился к следователю.

– Да, – ответил следователь.

– Петька не на речку показывает, а на остров, – сказал самый бойкий из ребят, Ключарев.

Только тут Шнурков заметил крохотный островок посреди речки.

– Там? – обратился он к Малютину.

– Ага, – к тому, наконец, вернулся дар речи, и он слегка позавел.

Лейтенант бросился было искать лодку, но футбольная компания предложила ему только снять ботинки и засучить брюки.

Через 10 минут все оказались на острове, который был изрыт вдоль и поперек свежевыкопанными канавами и ямами.

– Это что такое? – недоумевал Шнурков.

– Да мы тут клад искали.

– Какой клад?»

– Пиратский, капитана Флинта, – отвечали ребята вразнойбой.

– Протез где? – вернулся лейтенант к своим проблемам.

– Да в землянке – вот в той, – и ребята указали на малозаметное подземное сооружение. Через 5 минут, совсем уже успокоенный, держал Шнурков в руках несколько не пострадавший протез Палыча и слушал ребячью историю.

Одиннадцатилетний Петя Малютин очень хотел подружиться с компанией ребят с соседней улицы, но все они были старше его на год, а то, и на три, и никак не хотели принимать младшего для своих игр, одной из которых и любимой была «Пираты 20 века» (заводила, Витька Ключарев, прочел «Остров сокровищ», пересказал книгу ребятам, и каждый из них выбрал себе новое, разбойничье, имя).

Петя тоже мечтал быть пиратом, и когда ребята, с издевкой, спросили: «А кем именно?», он с жаром ответил: «Сильвером!»

– Петька, а Сильвер-то одноногий был, – насмешливо сказал Ключарев.

– А я буду одноногий – завтра же, вот увидите, – убежденно заявил Малютин.

От соседа-второклассника Пашки Трубникова Петя хорошо знал, что отец того, Аркадий Павлович, ходит на протезе и что скоро почти вся их семья уезжает на юг.

Целый вечер пятиклассник Малютин наблюдал за окном Палыча, которое, как обычно, осталось открытым. Лишь около 12 ночи рискнул Петька забраться в дом. Обмирая от страха, угодив в клумбу и чуть не свалившись с подоконника, он забрал со стула протез и той же ночью оттащил его на остров, где обычно играли ребята.

На другой день Петька изображал перед компанией одноногого Сильвера.

Выслушав всю эту пиратскую историю, лейтенант отвел любителя романтики домой, к маме и папе, а находку возвратил, сразу же, ожившему и повеселевшему Трубникову.

Когда на следующее утро, Шнурков гордо сообщил Томи-ну о найденном протезе, начальник милиции от души поблагодарил следователя:

– Ну что ж, лейтенант, не придется менять тебе профессию.

В тот же день на Бугровском рынке царило большое оживление, торговля шла бойче обычного в несколько раз: почти весь поселок пришел посмотреть на радостного Палыча, который сумел не только наверстать упущенную выгоду, но и продал все, что имел из запасов, на две недели вперед.

Не оплошали, воспользовавшись моментом, и его соседки.

А вечером Аркадий Павлович съел с чаем сразу четыре шоколадных конфеты, накопившиеся за дни переживаний. До возвращения семьи оставалось девять дней, но теперь это для Трубникова не было страшным.

Управляющий же газовым трестом Алексей Малютин, выдрав сына ремнем от души, потом успокоился и, наконец, решил на покупку компьютера, о котором Петька давно прожужжал ему все уши, а вот ведь как все вышло!

Рассказ второй. ШНУРКОВ И ГАЗ-53

Заместителя директора Бугровской средней школы (по хозяйственной части) Степана Курочкина технические служащие не любили за вьедливую придирчивость по мелочам, крикливость и всезнайство. Маленького роста, щуплый, с небольшими, монгольского типа, глазами, с утра до конца рабочего дня он на своих кавалерийских ногах сновал всюду, как ткацкий челнок, следя за тем, как бы чего не случилось без его участия.

Курочкин вникал во все. Вот рабочий начал было косить подростую на школьном дворе траву – да на его беду, не с той стороны, и уже через минуту слышится громкий голос: «Ты что делаешь, Борисов? Право – лево не отличаешь? А косу, косу-то как держишь? Пятка где? Это ж не грабли. И аккуратней! Сломаешь – из зарплаты вычту!»

Вот уборщица двигает шваброй в коридоре первого этажа, и снова раздаётся зычно, несмотря на идущие уроки: «Да что ж это такое, Степина! Плинтуса как были грязные, так и остались, а воду в ведре почему не меняешь? И подоконники, подоконники не забудь протереть – из зарплаты вычту!»

Выходит на учебно-опытный участок сажать цветы молоденькая учительница биологии с детьми. Степан Николаевич – опять рядом пристроился и советы подает: «Антонина Ивановна! Гладиолусы и георгины не годятся, хризантемы нужны. И клумбу побольше сделайте. А поливать кто будет? Ребята, за мной», – и уже он сам, а не «биологичка», начинает командовать процессом, не завершив который и наведя полную неразбериху, Курочкин удаляется, предупредив напоследок учительницу: «Если ребята хоть одну лопату сломают – из зарплаты вычту!»

Дважды доведенная до слез, Антонина Ивановна пожаловалась как-то директору, который по молодости лет не сразу решился на разговор со своим заместителем:

– Степан Николаевич! – начал он официально. – Я молчал, хотя несколько раз ко мне обращались «технички» по поводу ваших криков и оскорблений, но теперь вы уже и в учебные дела вмешиваетесь – учительница биологии говорит, что вы ей опыты проводить не даете.

Курочкин обиделся:

– Я ей, молокососке, помогаю, а она еще и жалуется!

– Выбирайте выражения, Степан Николаевич, – повысил тон директор. – И криков, криков поменьше!

– Так я с вас пример беру», – уже смиренно возразил заместитель, и руководитель школы, по причине молодости, неопытности и горячности частенько и сам разрешавший ситуацию горлом, быстренько свернул назидательную беседу, все-таки взяв слово с Курочкина в учительские дела не вмешиваться.

Узнали об этом разговоре мастера производственного обучения Маликов и Костиков, которые давно не ладили с завхозом (именно так, а не иначе, именовали в обиходе должность Курочкина все работники школы). Обучая старшеклассников практической езде на автомобиле ГАЗ-53, они считали своим начальником непосредственно директора, а не его заместителя по хозяйственной части.

Этого пренебрежения собой Курочкин допустить никак не мог и всячески пытался поставить зарвавшихся мастеров на место, тем более, что именно они стали авторами прозвища, которое Степана Николаевича бесило до чрезвычайности.

– Вот бежит, как насадка за чужими цыплятами, – сказал как-то Костиков, увидев Курочкина, спешащего к подвалам со связкой ключей.

И с этого времени сами мастера и уборщицы между собой иначе как Наседкой Степана Николаевича не называли.

Скоро завхоз узнал о подрыве своего авторитета, но справиться с обидчиками оказалось труднее, чем он думал (и Маликов, и Костиков мужики были простые и потому при случае могли просто морду набить – это случалось не раз с теми, кто пытался на них «наезжать»).

Курочкин рисковать не хотел и, подначив молодого директора разговорами о падении исполнительской дисциплины у мастеров производственного обучения, добился Степан Николаевич приказа по школе о правилах эксплуатации техники.

С этого дня оба грузовых автомобиля должны были находиться в ночное время не по домам у мастеров, как раньше, а на школьной территории.

Лишенные возможности привезти сена или зерна для своих хозяйств, Маликов и Костиков зароптали, но терпели, хотя и материли «проклятую Наседку» последними словами (они знали, кто инициатор приказа о технике).

А Курочкин продолжил наступление и однажды, исходя из правил пожарной безопасности, потребовал, чтобы мастера, уходя с работы, ключи от машин и гаража отдавали ему.

Этого унижения, продержавшись неделю, первым не выдержал Маликов, который, бросив ключи на стол директору, написал заявление об увольнении и занялся частным извозом на своем персональном автомобиле.

Директора школы уход опытного, с 15-летним стажем работы, мастера ничуть не огорчил – он давно хотел пристроить на это место сидевшего без работы родственника, а тут открылась такая возможность.

Через месяц покинул рабочее место и Костиков, которого Курочкин достал многократными придирками по поводу присвоения каких-то списанных запчастей и угрозами довести это дело до милиции.

Теперь Степан Николаевич мог вздохнуть спокойно: новые кадры с Курочкиным старались не ссориться, беспрекословно отдавали ему ключи не только к концу работы, но и в течение дня. И летом, во время капитального ремонта сторожа не раз видели, как завхоз, лично управляя самосвалом, выезжает со школьного двора груженный, а возвращается пустой, однако доложить директору об этом не рискнули: Наседка крепко держал их за часто употреблявшие горячительные напитки горла.

Справившись с непокорными мастерами, Курочкин ходить по школьной территории стал еще увереннее, тем более, что директор передоверился ему в делах хозяйственных полностью, предпочитая, как Ленин на субботниках, таскать с учениками бревна, орудовать лопатой, тяпкой или граблями, находя в этом эстетическое, моральное и педагогическое удовольствие.

18 апреля школа готовилась к очередному экологическому субботнику, на котором учащимся предстояло высадить тысячу деревьев на одном поселковом пустыре. Но вначале надо было эти деревья накопать там, где их росло много.

Эту работу директор поручил Курочкину, и тот, взяв с собой нового мастера производственного обучения Наждакова, отправился к сараю, в одном из отсеков которого находились автомобили: на них нужно было поехать в самосевную рощу и накопать в ней необходимые березки, липы и рябины.

Полный важности от предстоявшего, порученного лично ему, дела, завхоз и семенивший рядышком мастер подошли к большому, деревянно – металлическим, настоящим гаражным дверям, открывавшимся на обе стороны.

Отомкнув два замка ключами, которые с недавних пор имелись только у него, и, предоставив Наждакову возможность самому открыть тяжелые ворота, Курочкин отправился к секретарю – выписывать путевку для предстоявшего ответственного рейса.

Пройти завхоз успел метров 50, как догнал его мастер с громким криком:

– Степан Николаевич! Степан Николаевич!

– Что орешь, Наждаков? – оборвал его резко Курочкин.

– Машины нет, – немного тише, но по-прежнему взволнованно, продолжил мастер.

– Какой машины? – не понял сразу завхоз.

– Моей – машины – нет – на месте, – четко отделяя одно слово от другого, повторил Наждаков.

Пятьдесят метров до сарая Степан Николаевич преодолел, как заправский спринтер, и если бы школьный физрук

стоял рядом с секундомером, наверняка был бы зафиксирован новый рекорд школы в беге на эту дистанцию.

Ворота гаражного отсека стояли широко открытые, и ГА3-53, который обычно занимал все свободное пространство небольшого сарая, на своем привычном месте отсутствовал.

Курочкин вначале побледнел, потом, спустя минуту, начал медленно краснеть, и, когда цвет его лица дошел до свекольно – багрового, Наждаков, взглянувший в этот момент на завхоза, испугался, что того хватит удар:

– Степан Николаевич, Степан Николаевич! – потряс он его за плечо.

От физического воздействия к Курочкину вернулся, наконец, дар речи:

– Коля, мы с тобой вместе его сюда ставили, да? – обычно мягко, почти задушевно, обратился завхоз к мастеру, впервые за совместные полгода работы назвав его по имени.

– Конечно, Степан Николаевич, вчера в шесть вечера, когда цемент привезли и выгрузили, я загнал автомобиль в гараж, а вы сарай при мне закрыли. Вы ключи не теряли вчера нигде? – участливо поинтересовался Наждаков.

Заместитель директора по хозяйственной части хотел было привычно и громко отчитать мастера за подобное неуважение к начальству, но успел лишь приоткрыть рот: а действительно?

Однако, перебрав в памяти буквально по минутам день предыдущий – твердо уверился: ключи все время были с ним.

Оставив Наждакова у дверей гаражей и велел ему никого не то что в сарай, но и близко к нему не подпускать, Курочкин побежал к начальству.

Но найти директора школы удалось завхозу лишь через полчаса: тот на стадионе азартно играл в футбол со старшеклассниками, причем, успел уже пару раз упасть при столкновениях со здоровяками из 11«а» и прилично вымазать о зеленую траву свои 300-рублевые «адидасовские» спортивные штаны.

– Виктор Андреевич! – замахал руками Курочкин. Однако, увлекшийся игрой, директор заметил завхоза минут через десять, когда команды менялись воротами:

– Что случилось, Степан Николаевич? – еще тяжело дыша и вытирая рукавом майки пот со лба, спросил он, увидев не совсем привычный облик заместителя.

– Машину у нас украли из гаража, Виктор Андреевич, – вторично за последние полчаса бледнея и краснея, ответил Курочкин.

– Что-что? – и директор помчался к школе, забыв на стадионе часть своей одежды.

Едва успевая за ним, завхоз сумел все же остановить Виктора Андреевича и предупредить, чтобы не заходил в сарай.

Директор кинулся было к телефону – звонить в милицию, но Курочкин снова остановил его:

– Сейчас опять шишки на нас посыплются.

– Какие еще шишки? – недоуменно спросил директор.

– Да года три назад у нас с трактора запчасти снимали. Мы в милицию обратились, так они ничего из украденного не нашли, да еще в роно и в газету написали, что дисциплины у нас среди сторожей нет. Так и сейчас получится. Может быть, не надо обращаться в милицию? Сами попробуем поискать, – предложил Курочкин.

– Степан Николаевич, если уж не устерегли ваши подчиненные машину – с вас и спрос, – неожиданно жестко отреагировал директор.

Через пять минут он уже звонил в РОВД, приказав завхозу немедленно вызвать дежурившего этой ночью сторожа Будкова.

Минут через 30 в школу позвонил начальник милиции Томин:

– Виктор Андреевич, может быть, не надо официальности? – обратился он к директору.

– Что вы имеете в виду? – не понял тот.

– Да машине вашей уже 10 лет, на учете в ГАИ она не числится, техосмотр последние два года не проходила, даже если она вдруг найдется – ездить на ней вы не сможете – это я вам точно говорю. Спишите ее по возрасту – да и Бог с ней. Никто не спохватится и не пострадает. Так как? – закончил подполковник свою мысль.

– Да вы что, Илья Иванович! – возмутился директор, – это ж самосвал. Мы на нем и песок, и щебенку, и картошку возим. Пусть ему и 10 лет – он совсем не плох и еще послужит. Найти его надо.

– А где же Ваш сторож был той ночью? – иронически поинтересовался Томин.

– Со сторожем я разберусь, а Вы уж свое проделайте! Присылайте следователя. Пожалуйста, – снизил накал своей речи Виктор Андреевич.

– Ну что ж, жаль, – с огорчением сказал начальник милиции и повесил трубку.

Следователь Шнурков и эксперт-криминалист Васин на задрипанном УАЗике прибыли в школу через час.

Директор и завхоз все это время просидели на лавочке неподалеку от сараев, зорко охраняя подходы к ним. За этот промежуток успел подойти и дежуривший ночью сторож Будков. Он горячо уверил школьное начальство, что ни одна муха мимо гаражей не пролетала, и если автомобиль пропал, то это могло быть или до или после его дежурства (до 19.00 или после 8.00).

Так же уверенно Будков доказывал свою трезвость в эту ночь, а шедший от него сейчас запах объяснил 100 граммами, которые выпил, вернувшись с ночной смены («для аппетита и сна» – добавил он).

Завхоз очень опасался, что милиционеры начнут расспросы о количестве цемента в этих же сараях (пару мешков Степан Николаевич успел отвезти домой – на заливку отмостки вокруг собственного сарая), но Шнурков лишь коротко поинтересовался – пропало ли что-либо, кроме ГАЗ-53, и, услышав ответ, что нет, ничего, к этому вопросу не возвращался.

Внимательно изучив подходы к сараю, лейтенант ничего подозрительного или необычного не заметил. Да и трудно было заметить что-то, ведь выехал автомобиль из гаража так же, как делал это десятки раз.

Услышав от Курочкина, что замки открывал он лично, Шнурков еще раз убедился, что никаких взломов не было. Допрос сторожа ничего не дал – и так совершенно ясно, что он ночью просто проспал такое большое школьное имущество.

Как ни старался эксперт Петр Васин найти в гараже какие-либо улики, так и ничего не обнаружил.

Ночью прошел небольшой дождь, и отпечатки протекторов, хорошо видные на грунте сразу возле гаража, исчезали, дойдя до асфальта, начинавшегося в 150 метрах отсюда.

Шнуркову удалось проследить эти отпечатки до поворота к основному шоссе, приходившему по райцентру – но и только.

Грузовому автомобилю, не прошедшему техосмотра, сойти куда-либо в соседние края, бессмысленно: на первом же посту ГАИ его остановят. Да и запросы в Низовский, Воробьевский, Долбнянский, Виленский райотделы это подтвердили – не появлялся там ГАЗ – САС с номером 37-51.

А раз так, сделал вывод Шнурков, автомобиль, несомненно, находится где-то в укромном месте Бугровского района, и еще есть шансы найти этот ГАЗончик.

Докладывая о первых выводах по делу подполковнику Томину, лейтенант сказал, что единственная разумная версия, возникающая по этой краже – разборка автомобиля на запчасти для собственных нужд вора или для продажи.

– А как насчет подозреваемых? – поинтересовался начальник милиции.

– Я убежден, что искать вора надо среди своих-то есть среди работников школы, – твердо сказал Шнурков.

– И какие для этого основания? – спросил Томин.

– Понимаете, товарищ подполковник. На воротах два обычных наружных, висячих замка, но не из самых простых. Эксперт наш твердо убежден, что открыли их ключами – без

применения отмычек, а раз так, эти ключи были подобраны заранее. А для этого нужно время, которого достаточно имелось только у работников школы, так или иначе связанных с этими ключами, – витиевато и длинно следовательно изложил свою мысль, и подполковника она убедила.

– Так сколько их, таких работников? – продолжал Томин углубляться в тему.

– Шестеро, включая директора школы, – отвечивал лейтенант.

– Ну, дружок, ты загнул – директора исключи, я даже просил его сам не писать заявление, а списать автомобиль по возрасту – так он отказался – значит, что? – как ученика, подвел подполковник Шнуркова к правильному ответу.

– Понял, Илья Иванович, тогда пятеро: завхоз, два теперешних мастера производственного обучения и два недавно уволенных.

– Ну что ж, работай с ними, но и розыск автомобиля веди, пока его на запчасти не разобрали, – благословил начальник милиции подчиненного.

К поиску украденного автомобиля подключили всех участковых милиционеров и глав сельских администраций, с чьей помощью были опрошены многие жители 150 сел и деревень района, обследованы подозрительные дома и объекты, даже рощи и балки, куда могла бы заехать пропавшая машина.

Однако не малейшей зацепки не обнаружилось. Шнуркову оставалось лишь максимально быстро раскрутить подозреваемых. Двое недавно принятых на работу мастеров производственного обучения отпали почти сразу: Наждаков работал только месяц, Уткин и того меньше, с ключами от сараев они дела не имели, поскольку после принятия обоих на работу «ключевой» вопрос решался Курочкиным единолично.

Завхозу, который для Шнуркова казался главным подозреваемым, инсценировавшим все театральное действо с кражей автомобиля, вообще повезло: у него имелось стопроцентное алиби. Трое свидетелей подтвердили, что в 17.30 18 апреля вме-

сте с ним они отправились в областной центр на его легковом автомобиле, а вернулись в 8.30 на следующее утро.

Остались в числе подозреваемых двое уволившихся из школы мастеров. Опрошенный Курочкин показал, что оба они раньше открывали замки в сарае сами (у каждого имелось по паре ключей). Ключи при увольнении Маликов и Костиков вернули, но вдруг они успели снять слепки или подобрали похожие?

К Костикову, жившему на самой окраине поселка, Шнурков приехал под вечер. Хозяин был занят в одном из своих подсобных помещений – кормил последнего из шести боровков. Кроме них, у него оказалось еще две коровы, три бычка, 10 овец и огромное стадо гусей. Рядом с домом стоял почти новый бортовой УАЗ («головастик»).

– Зачем мне старый ГАЗон без техосмотра? – удивился Костиков. – Да вы гляньте на мое хозяйство – сам какую захочу машину куплю. Вот этот УАЗ год назад для своих нужд и приобрел – мне достаточно, еще и «Нива» имеется, – он провел лейтенанта в гараж.

Понимая, что ловить тут точно некого, для проформы следователь поинтересовался, где был Костиков с вечера 18 на 19 апреля.

– Когда-когда? – уточнил хозяин. – Да я в тот вечер трех поросят зарезал и всю ночь их разделывал, к сдаче готовил – утром их Маликов забрал и в Москву повез, – уверенно ответил Костиков.

– Жду его завтра с деньгами, обещал сразу же после возвращения рассчитаться, – добавил он.

– Маликов – это ваш бывший напарник? – уточнил лейтенант.

– Ну да, он занимается извозом, картошку – мясо в столицу возит! – сказал Костиков.

– А на чем возит? – мягко поинтересовался следователь.

– На «Жигулях» своих с прицепом. Да, жаловался как-то, что маловат у него транспорт. Кстати, интересовался ГАЗоном, а что? – остановился Костиков, что-то заподозрив.

– Нет, ничего, нам поговорить с ним обязательно нужно.

– А вы ему на сотовый позвоните, – посоветовал Кости-ков и назвал номер.

Дома, как стало понятно, Маликова не оказалось, а жена тоже с ним в Москву, взяв отгулы, уехала. Сын же гостил на выходных у бабушки в деревне.

На сотовом Маликова женский голос регулярно сообщал, что абонент временно недоступен.

Прошло два дня, а Маликов домой так и не вернулся. Когда Шнурков сообщил все подробности Томину, тот связался с областным начальством, которое обещало подключить к поискам Москву.

В половине восьмого утра третьего дня поисков не вернувшегося торговца мясом дома у начальника милиции позвонил телефон:

– Илья Иванович, Вы меня искали?

– Это кто? – не сразу сообразил Томин.

– Петр я, Маликов, – голос на том конце был тверд и уверен, никакой вины в нем не чувствовалось.

– Раз вы сами, Петр Яковлевич, позвонили, явитесь к 9.00 в РОВД, к следователю Шнуркову, – вежливо сказал подполковник.

Лейтенант Шнурков допрашивал бывшего мастера производственного обучения долго, подробно – и безрезультатно. Во-первых, выяснились причины его задержки в Москве: застучал «движок» у «Жигулей» и пришлось обратиться на станцию техобслуживания, хорошо, что мясо к этому времени успел реализовать, а то подвел бы товарища, да и сам в убытке бы оказался. А так – даже с ремонтом двигателя все равно в плюсе.

Ключи же от школьных сараев как отдал он Курочкину, так больше их и не видел, а насчет алиби, что ж, если жена, как свидетель, не подойдет, спросите соседа и соседку – всю ночь у меня в гараже (да он еще и открыт был) свет горел, я пытался «движок» наладить.

– Вообще-то хотел было отложить поездку, боялся, по дороге с мясом застряну, тогда уж точно прогорю, но пообещал Костикову – он сразу трех поросят зарезал: куда бы он мясо дел? – так объяснил все неясное в предыдущих днях своих Петр Маликов.

Соседи – Иван Дмитриевич и Вера Васильевна Черпаковы, подтвердили рассказ Петра Яковлевича, и Шнурков понял, что его поиски зашли в тупик – подозреваемых не осталось, автомобиль не найден.

Правда, в отличие от случая с пропавшим протезом, здесь на милицию особо никто не давил, и начальник РОВД надеялся, в конце концов, уговорить директора школы забрать заявление о краже. Потому Томин и не угрожал Шнуркову сменой профессии, тем более что до этого следователь как-то умудрился раскрыть несколько запутанных дел.

Однако сам лейтенант чувствовал себя препаршиво, ощущение профнепригодности возникло у него и никак не проходило, пока эксперт Васин ему не сказал однажды:

– Слушай, Шнурков, что ты самоедством занимаешься? У тебя-то пока первое нераскрытое дело, а у других по 5-10 имеется – не переживай понапрасну.

Следователь почти успокоился, но украденный автомобиль все равно не давал ему покоя.

Однажды, набегавшись за день по очередному заданию начальника милиции (шла компания по выявлению незаконных иммигрантов), Шнурков крепко заснул, успев снять только ботинки и пилотку.

И приснился ему сон, странный до чрезвычайности: пропавший ГАЗ-53, сам голубого цвета, стоял в каком-то золотистом помещении и разговаривал с находившимся там же лейтенантом.

«ГАЗон» упрекал следователя: «Что ж ты, Шнурков, я здесь, а ты никак меня не найдешь. Дождешься, пока меня на запчасти разберут!» Потом раздался долгий протяжный гудок, от которого сзади от автомобиля шмыгнула в сторо-

ну какая-то черная, мрачная тень, а лейтенант проснулся в холодном поту.

В сны следователь никогда не верил, но этот был как бы продолжением его дневных тревог, и на работу Шнурков явился больше обычного озабоченный. Заметили это многие, и на «планерке», завершая ее, Томин даже решил пошутить:

– Что, лейтенант, сон плохой приснился?

И Шнурков, неожиданно сказал:

– Да, Илья Иванович, очень плохой, – и пересказал подполковнику его содержание.

Томин задумался на минуту.

– Жаль, что у нас в области ни одного приличного экстрасенса нет. Думаю, Шнурков, вещей твой сон. Но в другую область я тебя не направлю: денег нет – ищи сам доставший тебя «ГАЗон». Да, знаешь, а помещение из твоего сна здорово ангар напоминает – сам недавно такой в соседнем районе для будущей фермы приобрел.

Все в райотделе знали, что начальнику остался год до пенсии, и ему намекали: надо уходить. Томин потому заранее готовился стать фермером (первое его образование – как раз агрономическое): приобрел землицы на паи, комбайн, трактор, прицепной инвентарь, а теперь вот и ангар для их хранения.

Замечание подполковника запало в душу Шнуркову, и он решил выяснить, есть ли в Бугровском районе ангара и сколько их. Ответ он получил уже через час из управления сельского хозяйства – три металлических разборных ангара за последние два года появились в фермерских хозяйствах «Искра», «Пламя» и «Рассвет».

В течение двух суток, как будто выполняя просьбу Томина, лейтенант изучил содержимое этих помещений достаточно внимательно и дотошно. Голубого «ГАЗона» – самовала со знакомыми номерами здесь не было.

«Ну что ж, я сделал все, что мог – и даже больше» – сказал себе Шнурков, хотя настроения это ему не прибавило: вещий сон не сбывся.

На следующий день следователь собирался доложить о результатах начальнику милиции, который уже почти дожал директора школы (тот пообещал через день забрать заявление, поскольку вроде бы в роно ему разрешили списать автомобиль).

Замотанный поисками, Шнурков с вечера забыл купить хлеба, и пришлось утренний чай пить просто так, даже без сахара (он тоже закончился).

Торопясь, лейтенант вышел из своей квартиры и направился к РОВД, как вдруг, откуда-то из переулка выскочил настоящий «байкерский» мотоцикл с настоящим «байкером» за рулем. Он резко затормозил перед носом у Шнуркова.

Напугать лейтенанта таким путем не удалось, а вот разозлился он по-настоящему:

– Ты что же, Иван, совсем обнаглел, думаешь, сыну начальника милиции все можно, – начал он отчитывать мотоциклиста, когда тот еще и шлем-то снять не успел.

– Шнурков, а как ты меня узнал? – удивился 17-летний Иван Томин.

– Да, трудная задача, особенно, если «Хонда» такая в райцентре у нас одна, да и одежка твоя в глаза бросается, – раздраженно-иронически отозвался следователь и спросил сразу:

– Что тебе надо? – Спешу я.

– Знаю, куда спешишь, лейтенант – с докладом о том, что «ГАЗончика» не нашел, – насмешливо заметил «байкер».

– А тебе-то что – или помочь хочешь? – такой же насмешкой отозвался Шнурков.

– А вдруг? – загадочно продолжил парень. – Жалко мне тебя стало – весь район оббегал, отоцал, поесть не успеваешь.

– Слушай, Иван, брось трепаться, есть дело – говори, нет – я ухожу, – уже спокойно, но нетерпеливо заметил следователь.

– Хорошо, но ты должен пообещать, что подробности, которые я тебе расскажу, не дойдут ни до одной живой души.

– А если я не соглашусь – тогда как? – поинтересовался лейтенант.

– Тогда не узнаешь о пропавшем автомобиле ничего и никогда, – твердо и решительно заявил Иван Томин.

У парня было много недостатков, и проблем своим родителям доставлял он немало, но мужской характер у него присутствовал: если обещал – всегда держал слово, друга выручал в любой беде, даже если самому грозили неприятности. Кроме всего прочего, помешан был Иван на технике, и к 17 годам знал в совершенстве устройство любого мотоцикла в Бугровске, да и водилой был лучше других пацанов.

– Ладно, Иван, обещаю: никому, даже твоему отцу, ни слова лишнего не скажу, – пообещал лейтенант.

– Ну, тогда пойдем, присядем на лавочку, а то, не дай Бог, упадешь от неожиданности, – начал «байкер».

– Лейтенант, не знаю как, но по следу автомобиля ты шел правильно, только вот до последнего ангара не добрался, – продолжил Иван.

– Как это – я все три обследовал и очень внимательно, – возразил Шнурков.

«Три – да, а четвертый, наш – нет, правда, формально он находится в соседнем Низовском районе, в деревне Пески, – сказал младший Томин.

– Ты хочешь сказать, что машина сейчас в Вашем ангаре? – изумился следователь.

– Именно так, – подтвердил Иван.

– Как же «ГАЗ-53» там оказался? – недоверчиво продолжил вопросы Шнурков.

– А ты не забыл, что обещал, лейтенант?

– Не волнуйся, я свои обещания держу! – твердо сказал следователь.

– Вот и хорошо. Тебе все рассказываю, а не отцу – не так поймет, а уж ты постарайся сделать получше, – и «байкер» начал свою не длинную, но и не короткую историю.

Три года назад, тогда еще 14-летний сын начальника Бугровского РОВД познакомился, а потом и крепко подружился с сыном мастера производственного обучения Дмитрием Мали-

ковым. Объединила ребят любовь к технике: пока не было своей, ковырялись в чужой и отцов просили на ней покататься.

Дима прилично уже ездил на школьном ГАЗ-53, да и Ивану Томину старший Маликов тоже разрешал за рулем посидеть, пока автомобиль на ночь у них оставался.

А потом, как известно, завхоз школы заставил мастеров технику в гараж ставить. Пару раз Дмитрий и Иван, принося бутылку самогона, угощали ею сторожа Будкова, а когда тот засыпал, открывали гараж, выгоняли машину и катались по окраинам райцентра (ключи от сарая и автомобиля, пока еще они у старшего Маликова дома находились, тайком Дима, уходя гулять, забирал, и так же возвращал).

А однажды – ненароком – Иван Томин, знакомый с криминалистикой, для чего-то слепки этих ключей сделал. Про слепки ребята вспомнили, когда старший Маликов с работы уволился. Тогда, придя домой, бывший мастер сильно напился и на чем свет клял завхоза «Наседку» за его сволочный характер.

Тогда-то и решили ребята Курочкину отомстить и целую неделю готовились. Ключи со слепков сделал Иван, когда в областном центре с отцом по делам был, а остальное стало делом техники: сторож бутылке, якобы за доброту его, обрадовался слезно и заснул через час, высосав все.

Дождик помог следы прикрыть, а где прятать ГАЗ-53, друзья решили заранее – в недавно купленном подполковником Томиным ангаре, в котором хранилась вся Томинская техника и ключи от которого Илья Иванович доверял сыну Ивану: тот помогал отцу эту технику настраивать и до ума доводить. Сам же начальник милиции пока еще бывал в своем приобретении редко – точнее, всего один раз, когда по купку сделал...

На планерку Шнурков опоздал, и когда подполковник уже открыл было рот, опередил его:

– Илья Иванович, я обследовал три ангара – автомобиля там нет, но у меня на примете еще один – в деревне Пески Низовского района.

– лейтенант, ты не объелся белены часом – ведь я ж тебе говорил – это мой ангар, – взъерошился Томин.

– Я знаю, товарищ подполковник, но давайте проверим до конца мой вещий сон, – горячо произнес Шнурков.

После некоторых раздумий подполковник все же согласился, и спустя полчаса, вместе со Шнурковым, он во второй раз посетил свою собственность.

...ГАЗ-53 стоял в дальнем конце ангара – чистенький, вымытый и даже заправленный по горловину бака бензином.

Когда изумление Томина чуть уменьшилось, он, развернувшись к лейтенанту, глядя ему в глаза, сказал:

– Вот что, экстрасенс, ты – нашел автомобиль на поляне в Сунском лесу, понял?

– Так точно, товарищ подполковник, – ответил Шнурков так радостно, что начальник милиции посмотрел на него с большим подозрением: а все ли тут чисто?

Но следователь смотрел на Томина такими чистыми, невинными карими глазами, что подполковник успокоился.

Р.С. В тот же день найденный автомобиль возвратили в школу. Директор очень обрадовался и все-таки не отменил строгий выговор, объявленный им своему заместителю по хозяйственной части за крупные недостатки в работе с подчиненными, которые вскоре заметили большие перемены в характере Курочкина. Степан Николаевич стал вежлив, тих и внимателен, а любимую ранее поговорку «Из зарплаты вычту!» заменили у него слова: «Будьте так добры!»

Дружба Дмитрия Маликова и Ивана Томина с тех пор упрочилась, и парни иногда на своих мотоциклах подбрасывали лейтенанта туда, куда иной раз он не успевал.

В Бугровском же райотделе внутренних дел следователя Шнуркова отныне начали звать «Экстрасенс», и это прозвище вскоре совсем вытеснило предыдущую ироническую кличку «Шнурок».

Рассказ третий. ШНУРКОВ И ВЕНЕРА

Петра Зотова в деревне Волчанка все односельчане считали если уж не дураком, то чудиком. Закончив в свое время физико-математический факультет престижного столичного вуза, удачно женившись на коренной москвичке и почти закончив аспирантуру, он вдруг резко поменял свою жизнь. Отслужив год в армии, в Москву не вернулся, а приехал в хотя и добротный, но старой постройки дом в родной деревне, где жила мать-пенсионерка.

Вся Волчанка почти год перемывала ему кости:

– Петька-то пил безбожно – вот его и выгнали из аспирантуры, а потом и жена с ним развелась. Да и детей у них за 4 года так и не появилось – водка проклятущая на способности его мужские повлияла.

Через полгода, когда стало ясно, что Зотов не пьет совершенно, а от запаха сивушного его такое отвращение охватывает, что он пару раз у матери родной, гнавшей иногда самогон для нужд деревенских, фляги с брагой на помойку выливал, другой слух по деревне пополз: «В секретной лаборатории работал Петька, облучали там мозги – вот и сдвинулся рассудком».

Эта версия волчанцев оказалась более устойчивой, тем паче, что с течением времени Петр Зотов, как будто, ее подтверждал: любимым занятием его, как убедились вскоре соседи, стало дело зряшное, пустое, бесполезное: он по ночам влезал на свой чердак и изучал с помощью телескопа звездное небо.

Труба телескопа, внушительной длины, пугала первое время односельчан, особенно пожилых: казалось, что вот-вот Зотов из нее артиллерийскую стрельбу откроет – сначала по звездам, а потом уж по деревенским хатам. Но через пару месяцев Петькино орудие стало неотъемлемой частью деревенского пейзажа, и волчанцы даже перед гостями иногда при-

хвастьвали: «Да астроном у нас тут живет, в Москву о своих наблюдениях сообщает».

Зотов, когда узнал нечаянно о том, что он, якобы, для столицы работает, усмехнулся лишь, но не сказал ничего.

Любовь к астрономии никак не сказалась на других сторонах деятельности бывшего москвича: с руками у него все было в порядке (росли оттуда, откуда надо). Петр безо всякой помощи отремонтировал родительский дом, а потом и сарайчик новый соорудил, чему мать его несказанно обрадовалась: старый-то вот-вот грозился упасть и единственного поросенка придавить.

Места для живности в новом, прочно – бревенчатом сооружении, оказалось много больше, и Прасковья Ивановна сказала однажды сыну: «Петя, давай корову заведем» (прежнюю, Милку, лет 15 назад, когда еще поступал Петр Зотов в институт, пришлось продать – чтобы выйти из финансовых затруднений, а потом отец умер, так и не было коровы в доме эти годы).

Петр согласился сразу, и мать собралась купить телочку у кого-либо из соседей, но сын не согласился: «Нет, мама, сам выберу».

Поскреб Зотов по своим московским сусекам, зачатки последние достал и уехал куда-то на целую неделю. Заволновалась было Прасковья Ивановна, но однажды утром засигналила на улице машина, а вскоре в дом Петр зашел: «Выходи, мам, посмотри, кого я привез».

Посмотрела Прасковья Ивановна и ахнула: черно-пестрая телочка, с тонкой, почти прозрачной кожей, худая и с трудом на тонких ножках держится – что ж тут хорошего? А когда узнала мать, за какую цену приобрел сын это тощее чудо – за сердце взялась: «Петя, да как же ты? Ведь мы за такие деньги корову взрослую купили бы и пару поросят хороших в придачу!»

Долго и горячо убеждал Петр маму, что телочка эта – голландской породы, высокопродуктивная, молочная, но осталась Прасковья Ивановна в большой печали: неужто ее

сын и вправду умом тронулся, как многие деревенские шепотком друг другу передавали?

Телочке было около месяца, и Петя первое время ухаживал за ней, как за ребенком – так неважно она себя чувствовала. Пару раз и ветеринара с дорогими лекарствами приглашать пришлось.

Но уже к маю выправилась подопечная, кожа ее приобрела шелковистый блеск, а в стаде деревенском, куда Зотов ее сам отгонял, она выделялась уверенной статью – как горожанка среди деревенских, даже траву щипала несколько в стороне.

Прасковья Ивановна полюбила «голландку» месяца через три – и уже среди остальных отличала ее издалека. Хотела Зотова назвать телочку, как прежнюю корову, – Милкой, но сын воспротивился:

– Нет, мам, она будет Венерой!

Ошарашенная мамаша удивленно спросила:

– Это ж как – есть у нас Зорьки, Красавки, Пеструшки, Розы – но чтоб Венера?

Рассказал тогда Петр матери о знаменитой Венере Милосской, а потом и о планете, которую ценил Зотов больше других за красоту и таинственность. Деревенские бабы поудивлялись некоторое время имени такому, а потом привыкли – как ни назови, лишь бы молоко корова давала, а в молочные способности Венеры они не верили.

Но уже после первого отела зотовская «голландка» стала по полтора ведра молока в день давать, а после второго – по два и даже больше, и женщины Волчанки завидовать Прасковье стали, когда с трудом несла она очередное полное ведро с обеденной дойки.

Хватало Зотовым молока и на еду, и на то, чтобы сдавать его, получая какие-то деньги, но дело даже не в том – уж очень необычно вела себя Венера по сравнению с другими коровами: степенно, с достоинством, увидев хозяйку, подходила, брала губами кусок хлеба с солью, который всегда при-

носила ей Прасковья Ивановна, а, съев его, несколько раз кивала головой, благодаря: «Спасибо, мол!»

Когда Зотова заканчивала дойку, Венера провожала хозяйку метров 100 или 200, идя рядом, а потом неспешно возвращалась на пастбище. Дома корову иногда доил и Петр, причем, обычно в такие моменты он молока приносил больше, чем мать, чему та всегда удивлялась.

За телочками и бычками от Венеры заранее в деревне выстраивалась очередь, и семейный бюджет Зотовых потихоньку стал пополняться. Венериних детенышей пустить на мясо ни разу у Петра даже мысль не возникла. Но зато Зотов через год после приобретения Венеры занялся еще и свиноводством: его крупные белые стали тоже предметом зависти в деревне. А когда к животным прибавилась и птица - гуси, утки, куры, то новый сарай Петра как раз оказался полон.

С раннего утра до вечера он занимался своими «братьями меньшими» – то корм им готовил, то закуты чистил, то на пастбище или с него шел и лишь поздно вечером взбирался на любимый чердак и начинал изучать небесные тела.

Увидев в телескоп Венеру, Петр не мог обычно сдержать улыбки: кроме небесной, светящей, у него была теперь земная, молочная.

Года четыре или пять прошло с момента возвращения Зотова в Волчанку, жители которой привыкли к чудачествам Петра и даже заужавали его, правда, не за увлечение астрономией, а за проявившуюся хозяйственную жилку. Местный фермер Колупаев не раз предлагал Зотову продать ему Венеру, давал большие деньги, но Зотов каждый раз говорил ему одно и то же: «Ты бы продал члена своей семьи? Нет? Так и мы. Венера у нас – третий член семьи – и не приставай больше».

Приезжали к Зотову из соседнего племенного хозяйства, где подсчитали, что средний годовой удой Венеры – 7 000 литров, и тоже сделку предложили: обменять ее на две их «симменталки». Петр опять категорически сказал: «нет».

С тех пор отстали от него все просители, поняли – «бесполезно»: для Зотовых Венера стала действительно больше, чем коровой.

В ту осень Бугровский район потрясла серия довольно дерзких краж домашнего скота. Пока еще коровы паслись в ночное время, три-четыре раза, или дождавшись дремоты пастухов, или напоив их до мертвецкого состояния, неизвестные лица, подъезжая на большом грузовике, увозили с собой сразу по две-три лучших, упитанных коровы. Следов разделки коровьих туш поблизости вызванная милиция не обнаруживала, а следы грузовика со стандартными ЗИЛовскими шинами доходили до республиканского шоссе и растворялись на нем бесследно. План «Перехват», использованный Бугровским и соседними РОВД, ни разу не сработал.

Как только скот поставили на стойловое содержание, произошло, почти подряд, еще несколько, не менее наглых, краж. Большой тентованный грузовик с заляпанными номерами подъезжал к очередной молочно-товарной ферме, которую обычно охранял пьяненький сторож без ружья. Сторожа били по голове, связывали ему руки и аккуратно укладывали рядом с воротами, через которые выводили три-четыре молодых мясистых коровы, – и быстро уезжали.

Весь октябрь участковые инспектора и значительная часть Бугровского РОВД буквально «стояли на ушах», но результаты были даже не нулевыми, а минусовыми: при усиленном режиме поиска похитителей коров те умудрились совершить еще три преступления, увезя восемь животных.

Главы сельхозпредприятий решились пойти на беспрецедентные меры – к каждой ферме выставили представителей вневедомственной охраны.

И недели две преступная группа себя никак не проявляла, затихла, как будто узнала, что предприняли органы в попытке схватить их.

Всю ночь со 2-е на 3-е ноября шел сильный дождь – даже с грозой, что было совсем необычно для этого времени года.

Утром, как всегда, в 6 часов Петр Зотов отправился в сарай – поить, кормить своих питомцев. Показалось ему, что большой замок, который он совсем недавно, узнав о кражах, повесил, как-то не так смотрится. Но открылся он нормально. Прошел Петр к своей большой белой свинье – опоросилась она в осень, и беспокойство этим вызвала: 12 хорошеньких свинок и боровков требовали тепла и ухода. Свинья тихо, мирно похрюкивая, лежала на левом боку, а ко всем ее соскам прилепились белые симпатичные пятачки.

Открыл Зотов дверь во вторую половину сарая и на ясли посмотрел – хватило ли на ночь сена Венере. Удивился: его было почти столько же, сколько он туда его с вечера положил. «Заболела, что ли, звездочка моя?», – так, про себя, не признаваясь никому, называл Петр свою любимицу Венеру.

Он перевел взгляд на удобную, вместительную закуску, где всегда в 6 утра уже на ногах встречала его «голландка», и не увидел никого. Зотов наклонился вниз – «Заболела все-таки, надо ветеринара звать», – но и на полу Венеры не нашел.

Петр бросился к двери и понял, что не так в замке: его не открывали ключом, а с силой, вместе с пробоем, вытащили из бревна, а потом, уходя, с силой же, но не до конца, вставили обратно.

Кинулся Зотов в дом:

– Мама! Корову нашу, Венеру, украли!

– Ах ты, батюшки, – запричитала Прасковья Ивановна. – Что ж делать-то? Беги к соседям, в милицию звони.

Легко сказать – к соседям: до ближних, Кулькиных, метров 500, и когда Зотов с раскрытым ртом добежал до них, оказалось, что телефон их вот уже неделю не работает.

У других, Рулевых, отключили аппарат за неуплату. Пока бегал Зотов по деревне, выяснилось, что коров ночью увели

еще у двоих волчанцев – Алексея Петрова и Николая Бухарина, с которыми и решил Петр в райцентр добираться.

После проливного дождя стояла в деревне грязь непролазная, и три километра до трассы не мотоцикл Петрова вез их, а они сами буквально на себе тащили эту трехколесную транспортную уродину. Правда, потом оставшиеся до Бугровска два километра мотоцикл, разбрасывая грязь по сторонам, промчался за пять минут и, резко затормозив у здания РОВД, плюнул остатками жирного волчанского чернозема на двух зазевавшихся сержантов-милиционеров, которые от возмущения даже не нашлись, что сказать и сделать.

Дежурный, капитан Солопов, минут десять пытался понять, что же у потерпевших украли: перебивая друг друга, Зотов, Петров и Бухарин говорили громко и взволнованно, постоянно упоминая Венеру, Клаву и Розу. Только когда Солопов заставил каждого говорить по очереди, ему стало ясно – речь идет о коровах, снова о коровах, упоминание о которых и так уже вызывало нервную дрожь у начальника милиции и его подчиненных.

Если у каждой молочно-товарной фермы (а их в районе осталось 25) можно было, хотя и с натугой, поставить охранника, то у дома каждого хозяина коровы это не сделаешь – подполковник Томин знал данную аксиому с давних пор своей службы милицейской.

На оперативном совещании начальник милиции предложил высказаться всем присутствовавшим в порядке старшинства, но три майора, четыре капитана, шесть старших лейтенантов дружно уткнулись в блокноты, делая вид, что записывают мудрые указания руководителя.

– Товарищ подполковник, разрешите? – те же майоры, капитаны и старлеи удивленно приподняли головы от своих, якобы, записей: еще ни разу следователь Шнурков не выступал на «оперативках», хотя и числилось за ним несколько успешно

раскрытых дел («новичкам везет», – говорили более старые и опытные, но с большим количеством неудач, работники).

– Пожалуйста, лейтенант, – недоверчиво обрадованный Томин предоставил следователю слово.

Суть выступления Шнуркова свелась к анализу преступлений коровьих бандитов. Всех краж общественного скота оказалось семь плюс последняя, в которой пострадали уже частники. Каждое из восьми преступлений было совершено в 2-3-х, максимум 4-х километрах от республиканского шоссе, по которому уходили затем в неизвестность преступники, но в соседних районах краж за последнее время не происходило.

Вывод, который лейтенант сделал: работает преступная, хорошо организованная группа, отлично знающая местность и имеющая законспирированное укрытие, где, по всей видимости, украденных животных забивают, разделявая на мясо, а уж его вывозят на чем-то другом.

– Да, лейтенант, выводы у тебя глубокие, осталось только решить, что с ними делать, – раздраженно-иронически заметил начальник РОВД.

– Как что, товарищ подполковник, надо организовать несколько групп слежения и попытаться выйти на воров, – горячо сказал Шнурков.

– Как ты это себе представляешь, лейтенант, длина шоссе в районе – 55 километров, вдоль него расположено 15 сел и деревень, нам нужно не менее трех десятков человек, чтобы держать их в поле зрения. Утопия твой план – никаких наших наличных сил не хватит, чтобы его выполнить, предложи что-нибудь пореальнее, – так же раздраженно закончил свою необычно длинную речь подполковник, не отличавшийся красноречием.

– Так давайте привлечем к этому владельцев коров в населенных пунктах, которые могут подвергнуться нападению, – я думаю, они согласятся, – предложил следователь.

– Есть другие предложения? – спросил Томин все еще молчавших, но с интересом слушавших диалог начальника РОВД и лейтенанта Шнуркова трех майоров, четырех капитанов и всех старших лейтенантов, которые, услышав вопрос подполковника, снова дружно уткнулись в свои конспекты.

Наутро участковые инспекторы получили задание создать инициативные группы из местных жителей, заинтересованных в спасении своих коров от неуловимых воров.

В деревне Волчанка в эту группу, кроме других, вошли уже пострадавшие от грабителей Зотов, Бухарин и Петров, причем, первый предложил использовать для наблюдения свою доморощенную обсерваторию с мощным самодельным телескопом.

Лейтенант Шнурков к инициативе Зотова отнесся вначале с большим недоверием, но, когда Петр предложил ему забраться на чердак и проверить возможности его орудия на деле, убедился, как далеко простирается человеческий взгляд отсюда.

Недаром Зотов говаривал односельчанам, что с его чердака небо ближе: Волчанка и так находилась на самом высоком (из всех окрестных сел) месте, а дом любителя – астронома занимал вершину этой высоты, с которой из телескопа шоссе Воробьевка – Воронеж просматривалась в обе стороны километров на 20-25.

Впрочем, двухнедельные вечерне-ночные бдения добровольцев из 15 сел и деревень ни к чему не привели – преступная группа прекратила свою деятельность на некоторое время, словно зная, что за ней охотятся такие силы.

Заканчивалась уже и третья неделя поисков и наблюдений, энтузиазм добровольцев сравнялся с отсутствием его у милиционеров, и почти все группы перестали регулярно следить за республиканским шоссе.

Упорствовал только Зотов: злоба на тех, кто похитил его красавицу Венеру, питала его силы, энергию и настойчивость.

В тот субботний вечер, безрезультатно пронаблюдав за шоссе с 8 до 11 вечера, Петр перевел трубу телескопа на вызвавшееся ясное небо и, забывшись, изучал небесные тела около получаса. Когда, спохватившись, Зотов снова вернулся к основательно изученному до мельчайших подробностей шоссе, оно уже не было пустынным: большой грузовой автомобиль с приличной скоростью несся по нему со стороны соседнего райцентра Маевки.

Телескоп – это не прибор ночного видения и что за машина, Зотов сначала не мог понять, но потом, в течение 5 минут ведя его, определил – это большегрузный «КамАЗ».

Скоростная езда грузовика закончилась у поворота на деревню Медвежку, расположившуюся в трех километрах от трассы.

Хорошо заметные огни «КамАЗа» через пару минут вдруг погасли, и как Петр ни старался разглядеть, что происходит в семи километрах от его наблюдательного пункта, он не смог ничего увидеть.

Но, спустя минут сорок с уже зажженными фарами, автомобиль возвратился на шоссе, проследовав в направлении на Маевку. Зотов следил за ним, пока «КамАЗ» не спустился в глубокую шоссеиную ложбину, прикрытую, к тому же, росшим здесь небольшим, но густым лесом.

Дальше, на подъеме, автомобиль ни через полчаса, ни через час так и не появился.

Когда в три часа ночи в дежурной части Бугровского РОВД раздался телефонный звонок, и задремавший дежурный капитан Солопов, подняв трубку, услышал: «Не было ли краж в эту ночь в деревне Медвежка?», он, не сразу очнувшись и недовольный прерыванием намечавшейся приятной дремоты, ответил резко – «Здесь не справочное бюро, а милиция».

Через секунду, спохватившись, спросил звонившего, что конкретно тот имеет в виду. Зотов (а это был он) сказал, что звонит от соседа и с полчаса назад закончил наблюдение за подозрительным автомобилем, который что-то делал в Медвежке.

Посоветовав астроному лучше наблюдать за своими звездами, а не за машинами, Солопов снова устроился на небольшой диванчик и через 10 минут уже сладко посапывал.

Правда, завершить дежурство без происшествий капитану не дали: около семи утра в дверь РОВД забарабанили кулаками, не найдя, очевидно, звонка (впрочем, его и не было).

Ранними посетителями здания милиции оказались двое пожилых жителей Медвежки, сообщившие капитану, что этой ночью неизвестные украли у них коров, причем, сделали это незаметно и бесшумно, несмотря на то, что у обоих мужиков имелись на дворах довольно злобные и брехливые псы, которые почему-то проспали все воровство.

Тут капитана словно током прошибло, и он рискнул позвонить подполковнику Томину. Вообще-то, начальник милиции очень не любил, когда ему звонили домой по делам, да еще так рано. Но когда Солопов коротко и взволнованно объявил причину своего звонка, Томин, даже не успев побриться, примчался в отделение пешком (жил он в квартире в семи минутах хода от учреждения, хотя пешком добирался на работу исключительно редко – это как раз и было одно из немногих исключений).

Через полчаса в Медвежку выехали следователь Шнурков и эксперт Васин – вместе с пострадавшими Мироновым и Красновым.

У обоих мужиков в сараях, как и в Волчанке, замки были выдернуты сильной рукой – вместе с пробоем, но вот почему не забрехали псы – не ясно: приехавших милиционеров собаки встретили таким хриплым злобным лаем, что буквально захлебнулись через минуту, подавившись цепью и слюной.

В полукилометре от деревни Шнурков обнаружил следы стоянки и разворота большегрузного автомобиля, который еще и съезжал в кювет.

Сфотографировав отпечатки протекторов, место разворота, следователь и эксперт поехали в Волчанку – к Зотову, узнать, что же он видел в эту ночь.

Они застали Петра в момент кормления свиньи. Он выливал в большое корыто наведенную массу, и белая хрюшка с аппетитом чавкала это месиво.

Отвлечшись от дел насущных и еще раз вспомнив добрым словом незабвенную Венеру, Зотов подробно рассказал Шнуркову, что он видел этой ночью, а завершая рассказ, предположил, что укрытие похитителей находится где-то на границе двух районов – Бугровского и Маевского.

Следователь – уже по своей инициативе – проехал до самой почти окраины родного района и убедился, что населенных пунктов здесь в настоящее время нет, да и местность открытая – без лесов, перелесков и рощ, лишь небольшая речка, как раз и отделяющая Бугровский район от Маевского.

Во второй половине дня по приказу Томина три оперативных группы прибыли сюда и прочесали всю местность вдоль и поперек по еле заметным, уже замерзшим «грунтовкам» – никаких укрытий, схронов, убежищ найти не удалось. Единственной находкой стала заброшенная, вымершая деревня, в которой еще сохранилось два домика с забитыми окнами и дверьми.

Милиционеров, впервые оказавшихся здесь, удивило, что деревню пересекала, уходя в сторону соседнего района, очень приличная, мощеная дорога. Старожилы соседских населенных пунктов объяснили – здесь проходил старинный почтовый тракт, который долгое время оставался единственной транспортной артерией, соединявшей раньше райцентры, пока новое шоссе не прошло в десятке километров южнее. Тогда о старинной дороге забыли, по этой же причине вымерла и деревня Каменка, стоявшая на ней.

Исторические изыскания мало что дали оперативникам – в заброшенной деревне, на забытом людьми и Богом тракте, никаких посторонних следов обнаружить не удалось, впрочем, на мощеной камнем трассе их просто не было видно.

Опергруппы возвратились в Бугровск, а их руководители доложили начальнику РОВД о результатах поиска. Томин

был раздосадован и огорчен – в глубине души он все-таки надеялся на какой-то положительный исход – ведь полтора десятка милиционеров потратили целый день, пытаясь обнаружить неуловимых воров.

Шнурков в состав опергрупп не входил, а потому на следующее утро, узнав на совещании об итогах предыдущего дня, решил проехать по той самой, обнаруженной милиционерами, мощеной дороге. Она привела следователя в еще одну заброшенную деревеньку – но уже находившуюся в соседнем Маевском районе, а через пять километров Шнурков выехал на современное шоссе, соединявшее крупное село Никитовку с райцентром Маевка.

Какие-то мысли крутились в голове следователя, но никак не мог он довести эти мысли до логических выводов, связанных с преступниками.

Возвращаясь обратно, Шнурков притормозил у одного из заброшенных домиков в той, маевской деревне, – по малой нужде ему захотелось. Справляя ее, лейтенант увидел вдруг нечто, удивившее его несказанно – почти свежую коровью «лепешку» на замерзшей земле.

В душе следователя что-то запело, но Шнурков остановил себя – рано предвкушать разгадку сразу нескольких преступлений! Ведь если это были те самые воры, зачем они сделали остановку – по коровьей нужде, что ли, а для удобства еще и с машины животное спустили?

«Неувязочка», – подумал лейтенант, но зуд действия уже овладел им, и Шнурков целенаправленно начал обследовать заброшенную деревню – по большому радиусу от коровьей «лепешки».

Минут через 15 он наткнулся на еле заметную в густой, полегшей от мороза траве, тропинку, спускавшуюся куда-то книзу. На дернистой поверхности были хорошо заметны отпечатки коровьих копыт и какой-то обуви, скорее всего, сапог.

С гулко забившимся сердцем, вытащив из кобуры пистолет, лейтенант двинулся по тропинке, которая, все так же спускаясь, скоро привела его к заросшей тростником речке, а на самом берегу ее увидел Шнурков симпатичный деревянный домик, выкрашенный голубой краской. Неподалеку расположился обмазанный глиной вместительный сарай.

Над домом и сараем низко склонилось сразу несколько старых раскидистых ракушек с полностью облетевшими листьями. Не успел еще следователь и приблизиться к замеченным им строениям, как выскочили откуда-то из-за них сразу три небольших лохматых собачонки, встретившие лейтенанта негромким приветственным лаем.

Следом за ними вышла и хозяйка – невысокого роста, сухонькая, но очень живая старушка, державшая в руках белое алюминиевое ведро.

– Сынок, аль бандиты какие тут объявились, что ты с пистолетом шастаешь? – вместо приветствия поинтересовалась она.

Шнурков смутился на такую прямоту старушки и спрятал пистолет в кобуру. Чтобы скрыть смущение и неудобство, попросил попить.

– Воды – она у нас хорошая, вкусная – сейчас вынесу, а то, может, молочка, сынок? – предложила старушка.

– А Вы и корову держите? – притворно удивился лейтенант.

– Да вот-только подоила, сейчас парного тебе налью.

– И давно у вас корова? – продолжал вопросы как бы ненароком Шнурков.

– Милка-то? Да лет 10 же – как прежняя наша, Зорька, объелась однажды кукурузы и прирезать ее пришлось – так мы Милку и завели, – словоохотливо рассказывала старушка.

– Извините, а как вас зовут? – спросил лейтенант.

– Шура – Александра Павловна то есть, – поправилась бойкая пенсионерка.

– И что ж, сил хватает за коровой ухаживать? А с сеном на зиму как? – все расспрашивал следователь.

– Тяжело – правда, в последнее время стало, как муж умер – да сынок помогает, спасибо ему. Он у меня хозяйственный. Хотела было уж продавать в этом году корову, да он просил потерпеть немного, а летом и сена еще привез, тогового, – все подробно объяснила Александра Павловна.

– А зачем Вы с коровой по такой погоде в соседнюю деревню, на дорогу, выходили? – задал последний свой вопрос Шнурков.

– Да ты что, милок! Зачем я туда? Это сынок мой, Витя – он корову себе в Маевском районе купил, собирается с весны сарай себе сделать, там и будет держать, а пока у меня она зиму побудет – здесь места хватит и для двух коровок.

– А кем ваш Виктор работает? – задавая этот не планировавшийся ранее вопрос, следователь никак не ожидал последовавшего ответа:

– Да главный ветврач он в Бугровском районе – Виктор Тихонович Мостов.

Когда Шнурков через два часа привез к Александре Павловне Мостовой Петра Зотова, тот, с разрешения хозяйки осмотрев ее коров, не смог сдержать слез радости – одна из них была его, пропавшая месяц назад Венера.

– Звездочка ты моя, Звездочка, – умильно повторял Зотов одно и то же, не находя от волнения других слов. А старушка растерянно смотрела на него, ничего не понимая.

...Задержанный, Виктор Мостов, главный ветеринарный врач Бугровского района, запирался недолго – слишком неожиданным для него было появление сотрудников милиции.

После его рассказа стало понятна долгая удачливость преступной группы, промышлявшей кражами крупного рогатого скота.

Уроженцы соседних деревень, выпускники одного года Бугровской школы, встретились они однажды на вечере

встречи выпускников – ветврач Мостов, милиционер Кротов, работник мясокомбината Кровопусков и водитель грузовика Редькин. Когда выпили уже больше, чем по бутылке, и степень откровения спустилась до нижних частей туловища, выяснилось, что всех четверых снедает до икоты общая боль – острая нехватка презренного металла, «капустки», как любовно выразился участковый инспектор Кротов.

Виктор Мостов, разведаясь с женой, собирался жениться во второй раз, милиционер мечтал о хорошей квартире в областном центре, водитель Редькин очень хотел поездить на личном «Мерседесе», а работник мясокомбината подумывал о дальних странах.

И всем четверым не хватало их – сердечных, желанных, необходимых – денежных единиц со многими нулями.

Инициатором и вдохновителем преступного бизнеса стал Мостов – не только как главный районный ветврач, но и как главный в новом «деле», продумывавший даже такие мелочи, как усыпление собак с помощью портативного духового ружья. Воровская связка несколько месяцев действовала безупречно и безнаказанно: ветврач наводил и усыплял, милиционер выводил и прикрывал, водитель доставлял, а Кровопусков принимал и разделявал доставленных к нему коров, обеспеченных липовыми справками.

О мощеной старинной дороге хорошо знал сам Мостов, чья мать жила в деревне неподалеку от нее.

И ведь собирались воры, совершив последнюю кражу и получив приличный куш, залечь в «зимнюю спячку», да первый и единственный за все время прокол совершил главарь: его ветеринарная душа победила душу грабителя-живодера, и не решился Виктор Мостов рекордсменку – «голландку» сдать на мясо.

Венера осталась жить, и, благодаря ей и, конечно же, Шнуркову, «коровьи» бандиты оказались в тюрьме.

P.S. Через полгода, вечером майского дня, в холостяцкой квартире следователя Шнуркова раздался телефонный звонок.

«Лейтенант, это Зотов, помнишь такого? Выгляни во двор – подарок там для тебя. И не отговаривайся, что на втором этаже живешь. Это тебе от чистого сердца».

Выглянул следователь в окно и обомлел: прямо на него – снизу вверх – внимательно смотрела симпатичная телочка с большой белой звездочкой на черной морде.

Шнурков хотел сначала возмутиться, потом собрался огорчиться, но, спустившись во двор и увидев поближе черно-пестрое чудо с гладкой атласной кожей, которое приветливо ткнулось ему в колени, растаял: деревенская душа лейтенанта, воспитанная на парном молоке, не выдержала влажных коричневых глаз и мокрого носа – «Ах ты, звездочка моя!» – повторил он слова Зотова.

На следующей неделе в родной деревне Шнуркова все знали, что у его матери, Валентины Михайловны, появилась, наконец-то, после долгого перерыва новая будущая корова под именем «Звездочка» – дочка знаменитой «голландки» Венеры.

Третья тройка.
Шнурков
и мошенники

Рассказ первый. АРТИСТ

Инспектор дорожно-патрульной службы Бугровского райотдела внутренних дел лейтенант Пуцин, известный среди местных водителей под кличками «Ваня-дояр» и «Ванька – доильный аппарат», стоял в то утро на своем привычном и самом любимом в последние годы, после введения объездной дороги, месте – у перекрестка двух шоссе-ских трасс (республиканской и областного значения). Патрульную машину, уже основательно потрепанную за несколько лет в погонях за автонарушителями бело-голубую «шестерку», инспектор аккуратно замаскировал за одним из пролетов большого моста, а сам, время от времени вытягивая длинную худую руку в сторону главной трассы, проверял радаром дисциплину у шоферов, терявших обычно бдительность после двухкилометрового ровного участка и не замечавших знака ограничения скорости и сплошной белой линии.

Тут-то, как сказочный джинн из кувшина, являлся перед очередным нарушителем лейтенант Пуцин. Неторопливо подходя к водителю и вежливо козыряя, он представлялся и минут через десять душевспасительной беседы о правах и обязанностях владельцев транспортных средств раскаявшийся шофер без сожаления прощался с двумя-тремя сотнями рублей (этими суммами всегда ограничивался инспектор, не выдавая, правда, никогда квитанций).

Именно за умение неназойливо вытянуть из кармана нарушителя денежные знаки, не вызывая чувства протеста с его стороны, и получил когда-то свои прозвища инспектор Пуцин. Подавляющее большинство бугровских водителей давно и хорошо изучило характер и привычки Вани-дояра и передавало информацию о нем молодым шоферам.

Впрочем, знал обо всем этом и сам лейтенант ГИБДД, и потому, выезжая к любимому месту наблюдения и пополнения своего еженедельного бюджета, Пуцин почти всегда останавливал только иногородних нарушителей.

Шел уже третий час напряженного дежурства, и худая сильная рука инспектора устала от ежеминутных скрытых вытягиваний в сторону республиканского шоссе, а результатов все не было.

То ли проезжавшие водители оказались вдруг сплошь законопослушными гражданами, то ли они откуда-то узнали о сидевшем в засаде «партизане» Пущине, но никто из мчавшихся в этот день по новенькой объездной трассе автолюбителей и профессионалов не хотел нарушать правил дорожного движения.

Ближе к полудню начало основательно припекать. Лейтенант, не выспавшийся по причине вызова на ночное дорожно-транспортное происшествие, стал позевывать, а потом уже и зевать так, что сводило челюсти. Чтобы взбодриться и прогнать сон, Пущин снял китель и, изменив своей привычке, вышел с жезлом на обочину дороги, оставив радар в машине.

Шоссе в этот момент как будто вымерло, и инспектор, пройдясь по его краешку, окинул взглядом чистые, вымытые ночным дождем нежно-зеленые окрестности. Где-то в вышине громко и радостно заливался жаворонок и, пытаясь рассмотреть его в небесной сини, Пущин на некоторое время забыл о своих насущных проблемах, но пронесшийся совсем рядом автомобиль напомнил о них, обдав лейтенанта чистой дождевой водой из шоссеиной лужи.

Выругавшись от испуга и неожиданности, инспектор успел лишь увидеть темный зад уносящегося вдаль «иностранца».

Разглядывая крупные водяные пятна на своих брюках и форменной рубашке, Пущин, не стесняясь, ругал умчавшегося водителя самыми отборными, не цензурными выражениями, позаимствованными в лексиконе задерживаемых нарушителей и так увлекся, что даже вздрогнул от шуршания шин автомобиля, который подъехал к нему почему-то задом – с той стороны, куда и умчался обидевший Пущина водитель.

– Лейтенант, ради бога, извини, лужу не заметил, да и тебя лишь в последний момент увидел, – с этими словами из новенького «Форда» вышел, нежно хлопнув дверцей, упитанный господин лет сорока, с бритой по последней моде головой и столь же модными усами и бородой рыжеватого цвета.

– Извиняешь, лейтенант? А вот тебе за моральный и материальный ущерб, – и «боров» (так определил его для себя инспектор) фамильярно сунул в нагрудный карман лейтенантский рубашки стодолларовую купюру.

Пущина это покорило, и хотя «баксы» вполне компенсировали и нанесенную ему обиду, и трехчасовое безрезультатное стояние на жаркой трассе, он собрался было дать надлежащий отпор самоуверенному москвичу (номер региона на автомобиле бросался в глаза сразу же), но господин из столицы опередил лейтенанта.

– Раз уж так вышло, помоги, инспектор, у меня проблемы – и серьезные, – начал снова «боров».

Инспектор решил дождаться окончания речи владельца «Форда», который говорил взволнованно и горячо.

– Понимаешь, лейтенант, на юг еду, спешу – там меня ждут. В круиз по Средиземному уходим – а я в Москве по делам задержался. Вроде все рассчитал по времени, но с машиной последние километры 20 что-то неладное творится, боюсь, мотор запорю. Знаю, что неполадка не очень серьезная, но требует часа два-три. Сам-то я автомеханик по образованию, сейчас три Станции обслуживания автомобилей держу, в том числе одна «иностранцами» занимается.

В соседнем областном центре у нас филиал, я позвонил туда и машину мне там уже подготовили, но 100 километров, чувствую, на этом «Форде» не дотяну. Выручи, лейтенант.

Москвич говорил нервно, убедительно, его озабоченность и 100 долларов оказали благотворное воздействие на Пущина – он проникся:

– А чем я могу помочь-то?

– Как чем? – удивился лысый бородач – Транспортom, конечно!

– Это как? – опять-таки не въехал в проблему инспектор.

– Ты мне одолжишь свои «Жигули» – я еду на них до Курска, там пересеживаюсь в подготовленную мне машину, а мои ребята твою пригонят обратно – «Форд»-то отремонтировать надо. Понял?

Теперь до Пущина наконец-то дошло. Но отдавать служебный, хотя и не новый «Жигуленок» совершенно постороннему, незнакомому человеку? В голове «Вани-дояра» шла лихорадочная работа: отдать – не отдать, помочь – не помочь. Он только приоткрыл было рот:

– А...?

– Да не переживай, инспектор! Вот моя визитка, держи. А это – плата за аренду твоей техники, – и москвич протянул Пущину три сто долларовые купюры.

Заблестевшие глаза лейтенанта лучше любых слов показали владельцу «Форда», что соглашение достигнуто.

– Лейтенант, чтобы сомнений не было, держи ключи от моей машины, документы – и не волнуйся, уже через два с половиной – три часа получишь свои «Жигули» обратно.

Взяв у Пущина ключи от милицейского автомобиля, крепко пожав инспектору руку и с чувством сказав:

– Спасибо, лейтенант, при таком отношении к людям ты скоро капитаном станешь. Удачи тебе, – владелец трех станций технического обслуживания укатил.

Проводив свой автомобиль взглядом до горизонта, инспектор открыл переднюю дверцу «Форда» и с удовольствием окунулся в мягкое сиденье водителя, а через 10 минут улегся на заднее и даже вздремнул часа на полтора в прохладной, кондиционированной тишине «фордовского» уютного салона.

Проснулся Пушин от возникшего почему-то чувства смутного беспокойства. Пытаясь разобраться в причинах, обошел красавец-автомобиль со всех сторон, погладив его теплые бока и капот, наклонился к переднему номеру.

И тут холодный пот выступил на лбу инспектора. Работник со стажем, видевший десятки угнанных автомобилей и

хорошо знавший множество ухищрений угонщиков, лейтенант на близком расстоянии увидел, что номер автомобиля – липовый: это была искусно сделанная пленка-наклейка, изменившая первоначальные буквы и цифры на «Форде».

Сев за руль и включив зажигание, Пушин прослушал работу двигателя в течение 10 минут – никаких отклонений и стуков его тренированное ухо не заметило.

Надеясь на чудо, лейтенант ждал возвращения родных «Жигулей» до упора – до 8 вечера, но, естественно, результат оказался предсказуемым.

В 20.30 Пушин, стараясь не пылить, подъехал на «Форде» к зданию Бугровского РОВД. Он очень хотел оттянуть неприятные объяснения с начальником милиции до утра, безо всяких оснований рассчитывая все же на что-то, но только он вышел из машины, как нос к носу столкнулся с подполковником Томиным.

– Лейтенант, у тебя, никак, обновка? – удивленно спросил Томин, но, увидев землисто-серое лицо Пушина, почувствовал неладное.

Когда, запинаясь, облизывая пересохшие губы и с трудом ворочая пудовым языком, инспектор пересказал ход событий (опустив эпизоды с долларами), наступила очередь начальника милиции бледнеть, краснеть и заикаться.

В районном отделе у «гаишников» был единственный приличный автомобиль – уехавший в Курск (или еще куда) «Жигуль», и Томин вот уже полтора года добивался пополнения служебного гаража новым транспортом. Дело только только начало наклеиваться (губернатор обещал 10 автомобилей районным отделением милиции сельских районов из своих фондов), а тут такое!

Приказ о строгом выговоре инспектору Пушину наутро красовался на доске объявлений, а подполковник Томин свою порцию получил от начальника УВД через два дня – вместе с нелিপцприятными словами о неполном служебном соответствии.

– Распустил отдел, подполковник! Хочешь работать дальше – заставляй работать подчиненных, а то они у тебя

только дань с водителей собирать успевают, – кричал полковник Папашин на опустившего повинную голову Томина.

Начальник райотдела, возвратившись в Бугровск, вызвал Пущина и, не стесняясь секретарши, которая занималась с документами, долго орал на инспектора, перебирая всех его близких и дальних родственников, а выпустив пар, обессилено плюхнулся в кресло.

– Если за неделю «Жигули» не найдешь, лейтенант – подавай рапорт об увольнении.

День близился к окончанию, и инспектор ГИБДД, выйдя из кабинета Томина, немедленно направился в ближайший гастроном: он чувствовал, что если сейчас не выпьет граммов 200-300 водки, то просто не выдержит напряжения и взорвется, как осколочная граната, – брызгами во все стороны.

В гастронOME «Радуга» у Пущина был постоянный продавец, его хороший знакомый – Семен Волосов, который всегда оказывался в нужное время в нужном месте, стоило только инспектору свистнуть.

– Сень – пару бутылок «Немирова» и закусить, побыстрее только и пойдем к тебе в подсобку, – лейтенант подал Волосову сто долларов.

Продавец быстро растворился в глубине гастронома и вернулся минут через 10 – с пунцовыми щеками и взволнованный:

– Иван, что это ты меня подставляешь, я этого не заслужил.

– Что-что? – не понял Пушин.

– Твои сто «баксов» – фальшивые. Или ты меня проверить решил? – с горечью сказал Волосов.

– Сень, да ты что? А вот эти сходи-ка, проверь, – и лейтенант подал продавцу оставшиеся у него три стодолларовые купюры.

– Да я тебе и так скажу – фальшивка, – едва взглянув на бумажки, промолвил Волосов.

– Вот сволочь! Мало того, что он угнанную машину мне всучил, а мою угнал, так он еще и фальшивые доллары подсунул, – в ярости вскричал инспектор.

– Сень, тащи бутылку, займы. Отдам, и закуски не надо.

Семен вместе с бутылкой и стаканами принес-таки несколько кусочков хлеба, селедку, сыр, помидоры, огурцы, и, выпив почти подряд два раза по сто пятьдесят, Пуцин наконец-то расслабился и рассказал товарищу всю историю от начала до конца.

– Да, Иван, не повезло тебе. И что будешь делать? – с сочувствием спросил Волосов.

– Не знаю – придется увольняться – ведь «Жигули» я не найду точно – их угоняли не для продажи – или сожгут, или утопят, кто-то поиздеваться надо мной решил – не знаю только, за что?

– Да, знаешь, и «Форд», и визитка, которую он мне дал – принадлежат одному известному преступному авторитету (он сейчас в легальном бизнесе), Павлу Козлову по кличке «Кузя». Когда мы ему сообщили об автомобиле, он заявил, что угонщика найдет и вместе с нашим автомобилем его в землю закопает.

Женой и детьми Иван Пуцин еще не обзавелся, дома переживать за него было некому, и поэтому пришлось инспектору изливать душу Семену Волосову до конца, причем, изливать буквально, поскольку к концу вечера в гастрономской подсобке лейтенант плакал горячими злыми слезами, угроя не известному преступнику пистолетом Макарова.

На следующее утро голова у Пуцина болела, но не столько от выпитого накануне, сколько от предстоящих забот и будущей безработицы. Иван не сразу понял, идя к себе в кабинет, что к нему обращаются – «Товарищ лейтенант, Иван Николаевич!»

Следователь РОВД Шнурков объяснил инспектору ГИБДД, что начальник милиции поручил ему, по мере возможности, оказать помощь в поиске лжемосквича, угнавшего патрульную машину Бугровского РОВД.

– И что ты предлагаешь, Шнурков? – пессимистически поинтересовался Пуцин.

– Для начала, с твоей помощью – составим фоторобот и объявим его в розыск, – оптимистически ответил следователь.

Портрет неизвестного мошенника был готов через два часа, а еще через час его передали во все соседние области. Оставалось ждать.

Пока Шнурков с Пуциным составляли фоторобот лже-Козлова, в это время в Бугровске происходили другие, ставшие известными чуть позже события.

И в центре их оказался участковый милиционер Леонид Потапов. Старший лейтенант, он закончил когда-то сельхозакадемию, но агрономом так и не стал – подался в милицию, которая представлялась ему более подходящей для карьерного роста.

Правда, работа участкового предстала перед Потаповым в неприглядном виде: мелкие кражи, ссоры соседей, трудные семьи и дети, алкаши в подворотнях. Пару раз новоиспеченный инспектор заикнулся было перед начальником РОВД о переводе его в уголовный розыск или в ОБЭП (отдел борьбы с экономическими преступлениями), но Томин так на него посмотрел, что Потапов больше не стал рисковать.

Три раза в неделю заглядывал участковый на рынок – так, для проформы, за общим порядком смотрел, потому что все, касавшееся продажи товаров, было за лейтенантом Семеновым. Он-то, как раз, возглавлял отдел борьбы с экономическими преступлениями. И поскольку в дела агрофирм и крупных предприятий ему вмешиваться не позволяло начальство, Семенов с большим удовольствием проводил вторник, четверг и субботу на рынке, доставая заезжих продавцов придирами по поводу отсутствия нужных бумаг.

Иногда Семенов вместе с Потаповым (на пару) прогуливались по рыночным рядам, и тут большинству торговцев приходилось несладко. В эти моменты слух о «сладкой парочке», шествовавшей от одной палатки к другой, распространялся быстрее скорости света. А «сладкой» пару Семенов плюс Потапов прозвали за их равнодушие к шоколаду и жевательным резинкам: если в рыночные дни им не удавалось получить пару-тройку любимых продуктов, оба считали день неудачным и были мрачны всю вторую его половину.

Шествовал, как обычно по четвергам, – к 10.00, Потапов по направлению к рынку, но, не доходя до центрального входа, увидел своего компаньона Семенова, который беседовал с каким-то незнакомцем.

– А, Леня, – приветственно сказал обэповец, – познакомься – Борис Гусев из областного УВД, из отдела борьбы с экономическими преступлениями.

– Извините, Борис Иванович – обратился Семенов к Гусеву, – мне надо пару слов товарищу сказать, – и он отвел Потапова в сторону.

– Слушай, Леня, – горячо и быстро заговорил куратор рынка – ты ведь хотел, куда получше, устроиться? Хотел?

– Да, а что? Есть предложения? – с надеждой поинтересовался Потапов.

– Вот твоя надежда, рядом, – еле заметно кивнул головой Семенов в сторону областного начальства.

– Борис ищет приличного и преданного парня в свой отдел. Он там, правда, не начальник, но зам и все кадровые вопросы может утрясти. Недавно работает, а проходимист до ужаса. Но – сам понимаешь – надо дать. И не столько ему, сколько верхним. Ну, ты как?

– И сколько? – нервно спросил Потапов.

– Вообще-то у них такса на такие должности – не меньше тысячи «баксов», но со знакомых – ровно половина от этой суммы. Я ему назвал тебя. Но надо решать оперативно, он сегодня уезжает – и так три дня пробыл, мою работу проверял. Пришлось, конечно, дважды в ресторан сводить. Но чего для дела не пожалеешь. Решайся!

У Потапова в бумажнике – как раз к случаю – лежали 15 тысяч рублей: шел на рынок за новым двухкамерным холодильником (жена полгода зудела – «Купи, да купи!»).

Приятная картинка возникла перед глазами Леонида Ивановича: он, в новом кабинете, в капитанской, с иголки, форме, небрежно положив ноги, как шериф в американских вестернах, на стол, дымя длиннющей и толстой, как сосиска,

сигарой, допрашивает испуганного директора областного центрального рынка, который то и дело вытирает постоянно выступающий на лбу пот огромным носовым платком.

Тряхнув головой и отогнав видение, Потапов с дрожью в голосе и все еще с некоторым недоверием прошептал:

– А гарантия есть?

– Леня, ты меня уже три года знаешь. Я тебя когда-то подводил? – обиженно отозвался Семенов.

– А когда я результат узнаю? – уже с большим энтузиазмом возопил участковый.

– Боря говорит, что в течение двух недель приказ начальника УВД о твоём переводе будет решен.

– Ну ладно, – тяжело вздохнув, Потапов достал бумажник, пересчитал «пятисотки» и отдал их Семенову.

Уговор-договор, как и положено, обмыли в ресторане, благо начальник РОВД находился в командировке, и ежевечернего совещания не планировалось.

Уже выпивая-закусывая, Леонид Иванович присмотрелся к Гусеву. Одет тот был, как столичная «штучка»: пиджак, рубашка, галстук, брюки, ботинки, – явно от какой-то дорогой фирмы. Лицо круглое, но не толстое, пижонские усики и уложенные на пробор волосы – темные, как у южан.

Прощаясь, Гусев крепко пожал Потапову руку и сказал – «Жду, верю, что сработаемся». Когда в 10 вечера Вера, жена участкового, открыла дверь и увидела поддатого, глупо улыбавшегося мужа, объявившего, что денег у него нет, а холодильника он не купил, то отреагировала мгновенно – подвернувшись под руку грязным веником прошлась по влажному лицу Потапова, оставив на нем три глубоких красных полосы.

– Ты что ж, наделала, Верка, – кричал спустя пять минут Потапов, хмель из головы которого выветрился почти полностью, – и от удара, и от вида в зеркале своей исполосованной физиономии. – Как я завтра на работе покажусь, что скажу?

– Ох, и дурак ты, Леня, почему начал не с рассказа о новой работе, а с денег и холодильника – не умеешь ты главное

сказать вначале – вот и достается за это. По делу, – уже виновато, замазывая царапины мужа йодом, резюмировала Вера.

На следующий день на планерке подполковник Томин сообщил, что на совещании в УВД, где он вчера был, внимание начальников райотделов милиции активизировали на появившейся в Центральном Федеральном округе группе опытных и наглых мошенников, возможно, один-двое действуют уже и в области.

– И еще, – заканчивая короткое совещание, сказал Томин – завтра у нас будет проверяющий из Орла, заместитель начальника отдела по борьбе с экономическими преступлениями. Слышишь, Семенов, это по твою душу. У тебя все нормально? – с тревогой спросил начальник милиции.

– Конечно, Илья Иванович, – гордо ответил обэповец. – Я с этим Гусевым три дня контакты наводил – так что не сомневайтесь, все будет в ажуре.

– С каким таким Гусевым? – удивился Томин.

– С замом начальника отдела УВД, – уже не так уверенно продолжил Семенов.

– Ты что, не в себе, его фамилия Медведев, и он из числа новых назначенцев – не берет. Пока!

Семенов побледнел:

– Как же так, товарищ подполковник? Я сам документы видел – наши, УВДэшные, Гусев Борис Иванович, майор, зам. начальника.

– Почему об этом Гусеве ничего не знаю, почему не доложил? – от ярости у Томина сел голос, и эти слова он почти прошипел.

– Он сказал, что его командировка неофициальная – для знакомства с обстановкой и людьми, а официально он чуть позже прибывает, – у Семенова голос дрожал и вибрировал, и о 15 тысячах, отданных самозванцу, главный борец района с экономическими преступлениями так и не решился Томину рассказать.

А вот Потапову спустя полчаса довелось узнать, что его будущая работа в областном УВД и 15 тысяч накрылись медным тазом. Какими словами участковый охарактеризовал

Семенова – не трудно представить – лишь 10 из 100 этих слов были цензурными.

Осторожный звонок Томина в отдел кадров областного УВД дал результат – Гусевы там были, целых два, но ни одного Бориса, тем более борца с преступлениями в сфере экономики, среди них не оказалось.

Чуть успокоившись, начальник милиции вызвал к себе следователя Шнуркова.

– Лейтенант, я тебе поручение давал – как обстоят дела с его выполнением?

– Товарищ подполковник, да ведь и суток еще не прошло? – стараясь не показывать возмущения голосом, удивленно сказал следователь.

– Я тебя не спрашиваю, сколько ты времени этим занимаешься – что сделано? – повысил тон Томин.

– Составлен фоторабот мошенника и отправлен во все соседние области, ждем теперь результатов. О пропавшей машине уже получены ответы на наши запросы – все отрицательные, – четко доложил Шнурков.

– По всей видимости, это те самые мошенники, по которым нам дали ориентировку, – внушительно сказал подполковник.

– Так у нас один вроде, – удивление следователя было полным и искренним.

– Нет, лейтенант, их уже двое, а может, и больше. Ты начал поиск – ты и продолжишь. Побеседуй с Потаповым и Семеновым, они тебе много интересного расскажут. И поактивней. Этого лжекапитана и наши видели, и многие рыночные работники.

Беседа Шнуркова с коллегами дала немного. Как ни странно, рыночник Семенов, общавшийся с якобы Гусевым целых три дня, информации дал меньше, чем Потапов, который наблюдал мошенника несколько часов.

Выяснилось, что документов самозванца Семенов в руки не брал, видел только «корочку» удостоверения, оружия тоже не заметил.

Внешний вид «Гусева» оба оценили похоже – «Пижон, форсун». Заметил Потапов у мошенника дорогой нательный крест, золотые наручные часы и – своеобразную наколку на левой руке, когда тот часами хвастался. Такого рода рисунок участковый видел впервые: голова черта – с острыми рожками, острой бородкой, такими же остроконечными ушами и открытым ртом, из которого торчал язык.

«Ошибки юности», – спокойно отреагировал «Гусев» на любопытный взгляд» – с другом поспорили в свое время, кто татуировку не побоится нанести. Он – амура наколол, а я вот – черта (любил я тогда песенку Булата Окуджавы – «И кларнетист красив, как черт» – нравилось мне такое сравнение)».

Разговор с торговцами на рынке вначале не клеился, но, когда они узнали, что их проверяющий просто мошенник, а на рынок пожалует совсем другой контролер, разговорились на полную катушку.

Правда, к описанию внешнего вида и примет из их рассказа добавить почти ничего не удалось. Зато Шнурков определил точную сумму, на которую «Гусев» нагрел продавцов – 14 200 рублей за три дня.

Выяснилось и еще одна любопытная деталь – никто, включая двух пострадавших милиционеров, не видел, на чем приезжал и уезжал мошенник. Где он ночевал (если ночевал) в городке – следователю тоже установить не удалось.

К 17.00 объединенными усилиями двух милиционеров и двух десятков торговцев был составлен фоторабот «Гусева» и немедленно отправлен в соседние райотделы и УВД.

К сожалению, как ни старался Шнурков что-то придумать еще в плане оперативных действий, сделать ничего не смог: мошенники-то уехали, а куда – ищи ветра в поле.

Прошло три дня, из соседних районов были получены отрицательные ответы. Ни одного, ни другого жулика нигде не видели, и ни один из фотороботов не проявился.

Иван Пущин, инспектор ГИБДД, уже подыскал себе новое место работы – охранником на одной из частных автосто-

янок – и ждал только приказа – или чуда (вдруг начальство простит его халатность и величайшую глупость, возникшую на почве жадности).

Разъяренный же Потапов требовал от бывшего товарища Семенова (разошлись они после этого случая сразу же) половину от 15 тысяч, а тот, после проверки областным начальством, получивший приказ о неполном служебном соответствии, старался собрать свой долг чести с помощью продавцов на рынке.

А еще через день в Бугровском райотделе сверкали молнии и гремел гром. Пострадал уже сам начальник милиции.

Подполковник в местной газете прочел объявление о продаже комбайна «Дон – 1500 А». Позвонил по указанному телефону, расспросил продавца о состоянии уборочной техники, цене – последняя оказалась такой, что Томин бросился немедленно искать наличные (свои у него были, но двадцати тысяч не хватало). Через полгода наступал срок ухода на выслугу, и начальник милиции, собиравшийся фермерствовать, такой возможности упустить не мог.

Взяв с собой опытного комбайнера (из соседнего коллективного хозяйства, соседа по дому) и все деньги, Томин поехал по указанному адресу – в райцентр Низовский.

Приехал – увидел – обследовал – купил – и пригнал с помощью соседа в свой ангар. И сам «Дон», и документы – все было в полном порядке, а 300 тысяч за проработавшую лишь два года технику показались подполковнику смешной ценой (500 тысяч даже за более старые комбайны просили предыдущие продавцы).

Радовался удачной покупке Томин двое суток – пока не получил из областного УВД очередную информацию об угнанном и разыскиваемом транспорте.

Среди десятка «Жигулей» и «Волг», двух «Ауди» и одного «Форда» значился там комбайн «Дон – 1500 А» Ростовского комбайнового завода, принадлежавший фермеру Иванову из деревни Собачевка Низовского района.

Пришлось начальнику РОВД делать хорошую мину – возвращать комбайн владельцу, представив это так, что угнанная техника была найдена в Сунском лесу в результате блестяще проведенной оперативниками Бугровского РОВД операции.

Фермер Иванов, обрадованный и счастливый, подарил райотделу 10 тысяч рублей («Знаю, что у Вас вечно денег на бензин не хватает, спасибо Вам за хорошую работу»).

Но сам-то подполковник не только не возвратил свои деньги, он даже не мог сообщить о своей потере в соседние райотделы («Ай-я-яй, профессионал, а так лопухнулся, и это уже третий подряд случай с твоими работниками» – предвидел Томин реакцию коллег-начальников. «А уж Папашин точно проводит досрочно с должности, не дав и до «выслуги» доработать»).

Потому и гроыхало по всем кабинетам Бугровского РОВД, все наличные силы были брошены на поиск третьего мошенника, посмевшего лишить подполковника Томина 300 тысяч кровных рубликов.

Зрительная память начальника милиции никогда не подводила, и фоторабот преступника составил Шнурков довольно быстро: средних лет, крепкий мужчина, с неопрятными отросшими волосами и длинными (странно – это не модно!) бакенбардами.

Изображения этого мошенника появились через пару часов во всех людных местах Бугровска.

Заканчивалась очередная рабочая неделя, но выходных у работников РОВД не предвиделось – они работали по усиленному варианту: 12 часов на работе, 12 – дома, а потом процесс повторялся.

В пятницу в 7-ом часу вечера следователь Шнурков, измотанный поисками ловких и наглых мошенников и не успевший перекусить как следует, вернувшись в свой кабинет, достал из сейфа стеклянную пол-литровую банку и налил в нее из термоса холодной воды. Опустил кипятильник – и, ожидая, пока закипит вода (бутерброды и пакетики чая лежа-

ли тут же), разложил рядом на столе портреты разыскиваемых злоумышленников.

«Кто ж Вы такие, сволочи негодные? И где ж Вы прячетесь? Хоть бы деньги подполковнику вернули – а то от него никому житья теперь не будет!» – горестно размышлял Шнурков, переводя глаза с первого портрета на второй, со второго на третий – и обратно.

Вода в банке закипела, и Шнурков, выдернув шнур кипяильника из розетки, взял, было, пакетик с чаем, чтобы утолить, наконец, снедавший его голод, но рука его вдруг замерла на полдороге.

Почему он раньше не обратил внимания на это? Почему?

Схватив портреты разыскиваемых мошенников, Шнурков бегом поднялся на второй этаж и через несколько секунд, тяжело дыша, ворвался в кабинет начальника милиции.

– Что случилось? – даже вздрогнул он от неожиданности Томин.

– Посмотрите, товарищ подполковник, – и следователь положил на стол начальника РОВД все три фоторобота.

– Куда смотреть? Ты что, Шнурков, перетрудился, что ли? Мне одна из этих рож по ночам снится, да и другие в печенках сидят, а ты под нос мне их суешь, – разозлился Томин.

– Илья Иванович, да это ж один жулик, а не три вовсе, посмотрите вот так, – следователь, придвинув снимки вплотную друг к другу, прикрыл ладонью верхнюю их часть.

Хотел подполковник спихнуть со стола опостылевшие физиономии – вместе с рукой лейтенанта, но, невольно взглянув на них в таком ракурсе, ахнул – да ведь это ж, действительно, один мошенник, причем, удивительно знакомый.

– Лейтенант, а ну-ка – включай компьютер, посмотрим архив по нашим осужденным за последние 5-6 лет.

Через несколько минут на экране монитора Томин и Шнурков увидели то же знакомое, только гораздо более молодое и худое лицо – это был осужденный на 3 года за угон автомобиля житель села Федоровка Бугровского района Дмитрий Волков, по прозвищу «Артист». Ловкий мошенник,

зарабатывавший, в основном, «разводкой лохов» в областном центре, он был пойман в родном районе на краже автомобиля – и не чьего-то, а заместителя главы администрации.

Вину свою он так и не признал, на суде кричал, что его подставили и обещал отомстить тем, кто это сделал.

– Товарищ подполковник, помните татуировку его – черт на левой руке, так я выяснил, что это – знак мести работникам правоохранительных органов – заметил Шнурков, прочтя короткую «информашку» о преступнике.

– Получается, что он – и Пущину, и Потапову, и мне, таким образом, отомстил за свою якобы невиновность. Ну да, Пущин тогда обнаружил угнанную «Волгу» у дома Волкова, Потапов нашел свидетелей, видевших, как, где и когда был угнан автомобиль, а я – как давший окончательный ход всему делу-тогда понятно, почему мы все трое пострадали, – задумчиво сказал Томин.

Но тут же, встряхнувшись, скомандовал:

– Шнурков, в дежурку, вызывай опергруппу – и в Федоровку, в гости к этому Зорро!

Милицейский «Уазик» у дома Волковых встретила женщина средних лет: «Вам кого?» Узнав, что милиция ищет «Артиста», Вера Васильевна (она оказалась матерью мошенника) сказала: «Нет Димы, можете, конечно, обыскать дом, ваше право – он меня предупредил. Гостил он у меня неделю, помог с домом (ремонт сделал) и уехал. Перед отъездом сказал, что милиция обязательно приедет и просил передать милиционерам письмо».

Вера Васильевна вручила Шнуркову обычное письмо в обычном конверте – без адреса, но с адресатом – «Начальнику Бугровского РОВД подполковнику Томину».

Письмо и стало единственным результатом поездки опергруппы в Федоровку.

Томин прочел его в тот же вечер, внимательно читал, попеременно покрываясь бордовыми пятнами и бледнея от злости.

«Неуважаемый мною господин Томин!

Когда Вы прочтете текст этого письма, я буду очень далеко от родных мест. Захотите меня найти – что ж, попробуйте, но лучше прочтите нижеследующее.

Вы упекли меня на 3 года за преступление, которое я не совершал. Я же и на следствии, и на суде говорил и писал, что не виноват. Сын того самого заместителя главы Андрюха Путягин, втайне от папаша, взял отцовскую «Волгу» и поехал со своими девочками кататься, разбил ее по пьяному делу и уговорил своего друга Пущина свалить все на меня – вот они машину к моему дому и подогнали.

Ну а участковый Потапов помог им свидетелей этого дела организовать – не задаром, конечно.

Я не ангел был, но все ж-таки, господин Томин, лично с Вами беседуя, просил разобраться в моем деле. А что Вы сказали – виноват, будь мужиком – сиди!

Пообещал я тогда себе – сам накажу виноватых. На «мокроту» я идти не хотел, да, думаю, для таких, как Пущин и Потапов, потеря денег и денежных мест тоже будет наказанием.

Свое обещание я сдержал. Теперь буду жить со спокойной душой (да, кстати, я сейчас в честном и хорошем бизнесе – но не советую выяснять, где и в каком).

Машину гаишную можете найти, если Пущина уволите (он – главное дерьмо). Получите сообщение по Вашему личному сотовому, в каком месте искать.

Что касается денег Потапова и Ваших – будем считать, что это возмещение морального ущерба, который Вы оба мне нанесли (триста пятнадцать тысяч, разделенных на три года – всего 105 тысяч за год тюрьмы, не такая уж большая сумма).

С неуважением к Вам, бывший ЗЭК Дмитрий Волков, по прозвищу «Артист».

P.S. Признайтесь, ловко я Бугровскую милицию развел – кличку свою недаром ношу?»

Томин никому о содержании письма не сообщил, но, вызвав наутро Пущина и Потапова в кабинет, вежливо сказал:

– Ребята, если не хотите, чтобы против вас было возбуждено уголовное дело, пишите рапорты об увольнении. Объяснить, почему?

Оба лейтенанта покачали головами.

– Ну и ладненько, тем более, что Пущин уже работу себе нашел? Так, Ваня?

Бледный Пущин опять кивнул головой.

– И не дай бог, если Вы где-нибудь на новом месте отличитесь. Укатаю вас за подставу по полной программе! Марш отсюда, щенки! – уже в полный голос закончил Томин.

Лейтенанты выбежали из кабинета, как ошпаренные.

На следующий день подполковник на свой сотовый получил SMS-сообщение:

«Господин Томин, я рад очищению рядов Бугровской милиции. Может быть, Вы еще не потеряны для России?

Ваши «Жигули» находятся...» И дальше шло указание точного места нахождения машины в одной из брошенных колхозных ферм исчезнувшей три года тому назад деревни.

P.S. Пару месяцев спустя начальник УВД полковник Папашин на очередном совещании привел в качестве положительного примера работу Бугровского РОВД и его начальника: «Процент раскрываемости краж вырос на 30% , работа с кадрами – на высоте (если профессионализма у сотрудников нет – освобождают ряды)».

Подполковник Томин смущенно улыбался: до возвращения потерянных 300 тысяч нужно было работать еще более года, а до пенсии оставалось – лишь 4 месяца.

Рассказ второй. ЦЫГАНСКОЕ СЧАСТЬЕ

Генеральный директор открытого акционерного общества «Броское» Иван Карманов к конторе, расположившийся в центре деревни Горячевка, подъехал, как обычно в осеннее время – в семь тридцать утра. Солидно и неторопливо выпустив свое, начавшееся сильно округляться в последнее время, тело из машины, Иван Дмитриевич нежно хлопнул дверцей новейшей модели «Нивы» и направился в кабинет.

В конторе, кроме сторожа – трезвого и, несмотря на раннее утро, свежевыбритого (гендиректор двух сторожей уже выгнал с работы за, как он сказал, «несоответствие их внешнего вида виду процветающего ОАО»), никого еще не было.

– Доброе утречко, Иван Дмитриевич! Все в порядке, за ночь никаких происшествий не произошло, – доложил, как всегда, аккуратный и дисциплинированный Петр Войтенко.

Карманов, еле кивнув сторожу своей уже основательно полысевшей головой на короткой, мощной шее бывшего борца – «вольника», неторопливо открыл толстую, лакированную, дубовую дверь кабинета и так же неторопливо опустил массивное тело в недавно купленное кожаное кресло с удобным подголовником.

Бросив короткий взгляд на большие напольные часы, Иван Дмитриевич нажал кнопку звонка, вделанную в нижнюю часть крышки массивного овального стола, за которым всегда проходили утренние «планерки».

Секретарша вошла спустя 10 секунд.

– Все готово, все на месте, Иван Дмитриевич, – чуть кокетливо сказала она чуть подкрашенными губами.

– Приглашай, Людмила Николаевна, – скомандовал Карманов.

И сразу за вышедшей длинноногой Людмилой (гендиректор, будучи сам невысокого роста, до боли сердечной лю-

бил все длинноногое, но в меру покрашенное и в меру упитанное) в кабинет внесли себя главные специалисты кармановского хозяйства. Равняясь на руководителя, главный агроном, главный зоотехник, главный механик, начальники участков ходили, копируя походку Карманова. Правда, почти у всех получалось это вальяжно-самодовольно. Сами они этого не замечали, а Ивану Дмитриевичу нравилось, что замы ему подражают, нравилось, что над этим подражанием тихонько подсмеиваются в фирме. Но – не более того! Превращение ситуации в гротесковую гендиректор не допускал, время от времени сам подшучивая над плагиаторами.

– Людмила Николаевна! Почему на столе нет папки с бумагами? – собравшийся начать «планерку» Карманов тут только обратил внимание на то, что его любимейшая черная кожаная папка с «молнией» и двумя кнопками (привез из-за границы, когда ездил в командировку в Швецию) отсутствовала на привычном месте.

– Иван Дмитриевич! Да вы вчера с ней работали здесь, в кабинете, а потом кто-то вам позвонил. Вы эту папку с собой и забрали, уезжая. Так спешили, что кабинет я вам помогла закрыть. Вы по «сотовому» звонили, и папка в руках у вас была, – растерявшаяся, было, вначале секретарша протараторила это на одном дыхании, без пауз, точек и запятых.

Готовый уже взглядом испепелить покорную и верную Людмилу, Карманов вдруг вспомнил, что вчера ему, действительно, звонил гендиректор другой агрофирмы – «Наша воля», и они теплой компанией провели незабываемый вечер в районном ресторане «Блесна». До бумаг в папке руки у Карманова уже так и не дошли. Он чуть было не забыл ее на столике, куда по «горячке» положил, да спасибо другу Сереже – напомнил.

Как добрался Карманов до дому – он помнил плохо. Но в голове четко стояли слова водителя – «Иван Дмитриевич, папка вот она – на столике в Вашем кабинете».

– Анатолий Петрович, – веди планерку, реши все вопросы по комбайнам, а я срочно отъеду, – обратился Карманов к первому заместителю Акимову.

– Хорошо, Иван Дмитриевич, не волнуйтесь, все будет в порядке, – радостно – решительно сказал Акимов, которому нечасто выпадало такое счастье – покомандовать, показав свою значимость.

В «Ниву» гендиректор сел так резко, что зацепился головой за дверцу, которую захлопнул с резким стуком-хлопком. Будь папка не дома – Карманов отправил бы за ней шофера, но в свой недавно построенный, обнесенный двухметровым бетонным забором двухэтажный особнячок на восемь комнат Карманов приглашал только очень нужных для себя гостей.

Шофер, хоть и был почти сосед директору, в число избранных никак не вписывался. И потому Ивану Дмитриевичу пришлось за папкой возвращаться самому.

Семикилометровое расстояние «Нива» промчалась за три минуты – благо, шоссе здесь построили недавно отменное (губернатор помог – по симпатии к гендиректору ОАО).

Уже сворачивая на родную, с детства знакомую, заасфальтированную (правда, только до своего дома) улицу, заметил Карманов странную процессию. Во главе ее двигалась крытая телега-двуколка. Лошадей под уздцы вел черноволосый, бородатый цыган, одетый в подпоясанную широким кушаком красную рубаху.

За телегой шли еще двое цыган – мужчин и трое молодых цыганок в длинных юбках, в цветных головных платках, с длиннейшими монистами на шеях.

Когда Карманов осторожно (улица была достаточно узкой) проезжал мимо цыганской бригады, показалось ему, что первый из мужчин как-то странно на него посмотрел и даже хитро улыбнулся.

Что-то защемило на сердце у гендиректора – больно странно выглядели эти цыгане. Но спешил Карманов, не до копаний в непонятных сомнениях было ему в это время.

Притормозив «Ниву» у своих ворот (в Броском их уже прозвали «Триумфальной аркой»), выбрался Иван Дмитриевич из машины, быстро прошел до двери и, сдвинув в сторону жесткий пластиковый коврик, наклонился, чтобы взять

ключ. Тут его кольнуло во второй раз – ключ лежал не совсем так, как он его положил сорок минут назад.

С бьющимся сердцем, трясущимися руками Карманов с трудом открыл дверь и почти бегом ворвался в прихожую.

Осмотрелся. Никаких подозрительных следов не увидел: все чинно-благородно, как всегда. Жена, уезжая на курсы повышения квалификации, сказала ему с сыном: «Если будет беспорядок к моему возвращению – лишу прогрессивки». Сын под этим понимал еженедельное денежное пособие в 300 рублей, которым очень дорожил, а сам Иван Дмитриевич ценил супружеские возможности – у жены их имелось достаточно.

Поднялся Карманов на второй этаж, заглянул в спальню к сыну. Тот еще спал (вернулся с дискотеки поздно, но предупредил отца – «Мне к третьему уроку, не буди»).

Забрав папку, которая тихонько лежала на кабинетном столе, начал было спускаться гендиректор вниз, но решил (чисто автоматически) зайти и в собственную спальню.

И только открыл Карманов дверь туда, как уже не холодок, не дрожь пробежали по телу, а сверкнула молния – от затылка вдоль позвоночника, спустившись к ногам. Разряд, казалось, прошел гендиректора насквозь, повысив температуру его тела на несколько градусов. Шкатулка с секретом, ранее стоявшая на старинном комодe, теперь лежала на супружеской кровати. Крышка шкатулки была открыта, а внутри зияла пустота.

Взглядом, а потом и руками обшарил Карманов всю спальню – ни одну из «цацек» жены он не увидел. А были здесь колье, три золотых цепочки, две броши и дорогой браслет – всего на сумму примерно в 20 тысяч «зеленых».

Позвонив в милицию, сел в изнеможении Иван Дмитриевич на кровать, пытаясь собрать разбегавшиеся мысли. Потом встал и направился к бару, достал бутылку водки (коньяк у него тоже имелся, но Карманов предпочитал простую русскую водку, желательно, – «Московскую»).

Плеснув почти полстакана, гендиректор поднес его почти ко рту, как вдруг рука его дрогнула, посуда выскользнула, и водка из упавшего стакана вылилась на ковер.

Карманов только сейчас обратил внимание на второе ценностное достояние своей спальни – замаскированный копия картины Ильи Репина семейный сейф.

Картина висела полу-боком и из-под нее торчала дверца, которой обычно не было видно. Отбросив репинское произведение в сторону, открыл Карманов сейф полностью и застонал – ни одной пачки, ни одной банкноты долларов и евро в хранилище не было (для страховки всю валюту Иван Дмитриевич собирал в равных пропорциях – один к одному).

Правда, в дальнем углу сейфа что-то виднелось. Протянув руку, вытащил Карманов оттуда картонку с отпечатанным текстом: «Не журись, Ваня! Были деньги – теперь их нет. Еще у фирмы наворуешь!»

Копи, может, еще навестим.

P.S. Следи за сердцем, Ваня! Выпей коньяку. Коньяк у тебя классный, пару бутылок мы взяли.

Дом закроем опять на ключ – вор сюда не заберется.

Прощай. Твои «хорошие друзья!»

Пару минут Карманов, не отдавая себе отчета, изучал текст побуквенно, словно пытался в этих (он подсчитал) восьми коротких строчках найти фамилии злоумышленников, совершивших чудовищное преступление и лишивших Ивана Дмитриевича целых ста тысяч «зеленых» и «евро», которые, «пачечка к пачечке», вот уже три года его руководства агрофирмой накапливались здесь, в надежнейшем из сейфов, недоступном взорам даже родной жены, как она ни пыталась туда заглянуть.

Сбросив, наконец, оцепенение, рванулся генеральный директор по витой, деревянной (в 50 тысяч рублей обошлась) лестнице на первый этаж. В самом конце спуска, торопясь, он проскочил мимо очередной ступеньки, потерял равновесие и всем своим солидным телом грохнулся на дере-

вянный, букового дерева, паркет (пол первого этажа обошелся тоже в очень кругленькую сумму, но чего не сделаешь ради престижа, комфорта и красоты?).

Пытаясь встать на ноги, вскрикнул Иван Дмитриевич от сильной боли в правой ступне – и раздался, загромыхал тогда его глас небесный, но очень нецензурный, отдаваясь во всех закоулках дома, по всей обители кармановской и даже за двери частично выходя, на уже полную солнечного света улицу.

Услышав раскаты, выскочил из спальни испуганный и всклокоченный сын.

«Пап, что с тобой? И почему ты не на работе? А сколько времени? Поесть что имеется?» – вопросы сыпались изо рта Александра, как монеты из отверстия «однорукого бандита» во время крупного выигрыша очередного счастливирика.

«Твою мать... Раз...й, лучше помоги отцу, чем языком без толку чесать», – взревел еще громче Карманов.

Никогда не слышавший и не видевший в подобном виде родного папашу, сын бросился сверху вниз по лестнице так стремительно, что едва не повторил имевшую такие печальные последствия ошибку отца, но успел в последний момент ухватиться за лестничные перила, которые не выдержали сильного рывка и с треском оторвались, упав на буковый пол. От этого удара из паркетного настила выскочили несколько плиток.

Увидев все это безобразие и, особенно, бледного, испуганного Александра, Иван Дмитриевич внезапно и сразу успокоился. В обычной жизни это был хладнокровный, расчетливый мужик, к которому, после десятиминутной растерянности, вернулось, наконец, обычное состояние.

– Саша, – кресло придвинь поближе, – тихо сказал Карманов. С трудом, морщась от боли, и при некоторой (очень незначительной) помощи сына генеральный директор сел в кожаное кресло, стоявшее до этого рядом с входной дверью, и облегченно вздохнул.

– Где твой «сотовый», Александр? В спальне? Тащи! – продолжил Карманов разговор с сыном. Тот, спеша, но уже

аккуратней, сбегал вверх по бесперильной лестнице и через 15 секунд вручил свою «Моторолу» отцу. Младший Карманов был настолько ошарашен всем происходящим, что даже не задал вопроса, а где же отцовский телефон (гендиректор забыл его на столе в конторе).

Карманов набрал известный ему номер.

– Илья Иванович, узнал? Кто у тебя сегодня в Броском дежурит? Петров? Нет, его мне не надо. Что случилось? Обокрали меня.

Услышав от начальника РОВД, что дежурная бригада из Бутровска подъедет через 30 минут, Карманов позвонил еще и в «Скорую». Та приехала быстрее, благо местная «больничка» изредка получила от Карманова небольшие финансовые подачки (в основном, на бензин для «больничного» транспорта).

– Ничего страшного, Иван Дмитриевич! – просто сильное растяжение связок, – сказал фельдшер «скорой» (сосед пострадавшего по улице), изучив ступню Карманова. – Повязку наложу, но ходить надо поменьше, – закончил он свои выводы.

– Ладно, езжай пока, Федор, – сказал Карманов, увидев в большом окне подъехавший задрипанный «Уазик». Фельдшер Карлов и лейтенант Шнурков, столкнувшись лицом к лицу на просторной веранде, почему-то никак не могли разойтись, пока следователь не догадался просто отодвинуть фельдшера в сторону.

Пока тянулась эта «волынка» у входных дверей, Карманов все для себя решил и, когда следователь Шнурков и эксперт Завертязев, поздоровавшись, вошли в дом, то гендиректор четко, последовательно, не упуская почти ни единой детали, пересказал ход событий.

Почти, но, не называя точную сумму, которую реально потерял. И еще об одном промолчал Иван Дмитриевич – о записке в сейфе. Ну, никак не мог гендиректор позволить, чтобы она фигурировала в деле в качестве вещественного доказательства.

– Что ж, Иван Дмитриевич, из всего того, что вы нам только что рассказали, можно сделать несколько важных вы-

водов, которые позволяют сузить количество версий, – задумчиво произнес Шнурков. – Первое: вору совершенно точно знали, куда идут, что и где надо брать; второе: они или сами хорошо изучили дом, или им подробно рассказали о нем; третье: вору (или их наводчики) неплохо знают Вас самого и Ваше материальное состояние. В любом случае, поиски необходимо начинать с Вашего окружения, – подвел итог своим размышлением следователь.

– Да? – удивился Карманов. – Неужели Вы думаете, что меня мои же друзья или сотрудники так наказали? Я-то, напротив, теперь почти наверняка уверен, что это дело рук цыган, которых я видел по дороге домой.

– Каких таких цыган? – заинтересовался Шнурков.

– Извини, лейтенант, забыл сразу о них рассказать, – ответил генеральный директор и так подробно, как мог, описал странную процессию, которую он видел при подъезде к дому.

– Очень любопытно, – протянул снова Шнурков. – Но это, впрочем, никак не снимает тех версий, о которых я уже сказал. Что ж, придется побегать и попотеть. И, прежде чем мы приступим к поиску, еще раз, Иван Дмитриевич, опишите все, что у вас украли, – попросил следователь.

О колье, золотых цепочках, браслете Карманов посчитал необходимым сказать все, поскольку их стоимость хоть примерно соответствовала его последним годовым доходам, да о них знали жена (ведь носила их), сын и знакомые.

А вот о долларах и евро... Как ни жаль было Карманову «теплых пачек», пришлось их общую сумму уменьшить в десять раз, да и то – с учетом каких-то выдумок о легальных доходах. Итого, общая сумма похищенного у генерального директора ОАО «Броское», зафиксированная в официальном заявлении в милицию, составила (в пересчете на рубли) чуть менее 900 тысяч.

Шнурков, увидев эту цифру, понял, что головная боль на ближайшие недели ему обеспечена.

Пока лейтенант беседовал с Кармановым, эксперт Завертяев (молодой, но с амбициями парень, очутившийся в

Бугровске волею случая и по просьбе отца, занимавшего должность в областной администрации) обследовал пластиковый коврик, замок на входной двери, ключ от него же, шкатулку в спальне и дверцу сейфа.

«Ну, что, Паша, можешь сказать?» – обратился к нему Шнурков, когда эксперт закончил уже и фотографирование всех вышеперечисленных объектов.

Эксперт помялся, сделав загадочную паузу, но потом, все же, соизволил вымолвить:

– Знаете, товарищ лейтенант, (вообще-то Завертяев попробовал в самом начале быть со Шнурковым на «ты», но лейтенант вежливо и твердо сразу пресек эту попытку) ясно пока одно: никаких взломов ни входной двери, ни дверей сейфа не было. Обе они открыты были ключами (отмычки я исключаю, потому что никаких подозрительных лишних царапин не нашел). Что касается шкатулки, то там крышку оторвали от замка, скорее всего, прочным ножом. Следов и пальчиков везде достаточно, но я не знаю, что на снимках получится.

Отправив эксперта в РОВД – для анализа полученных первичных материалов, Шнурков принялся за поиски возможных свидетелей и их опросы.

От сына Карманова, проспавшего все события, какой-либо полезной информации получить не удалось, и лейтенант решил обследовать улицу, на которой стоял дом гендиректора ОАО «Броское».

Находившаяся в самом начале села (по отношению к районному центру), одна из самых старых, улица Парковая была, тем не менее, очень небольшая – всего десяток домов, расположившихся по обе стороны узкой дороги, и лишь один особняк (понятно, чей) выделялся здесь заметными издалика архитектурными особенностями и излишествами. Улица шла перпендикулярно республиканской трассе, проходившей через село Броское, одним своим концом упираясь в это шоссе, а другим – спускаясь к большому старинному пруду.

Шнурков заглянул во все девять дворов, интересуясь у хозяев, не видели ли они в течение последних двух часов че-

го-либо необычного и подозрительного. Когда такой формулировки вопроса оказывалось недостаточно, лейтенант упоминал уже и цыган.

В пяти домах, как выяснилось, жили как раз работники агрофирмы «Броское», которые, по словам соседей, уже к половине восьмого утра покинули свои жилища и ушли на работу.

В четырех из этих пяти дворов имелись дети, но никого из них к половине девятого уже не было на месте, поскольку начались занятия в школе (кстати, средняя школа, частью своего двора, выходила тоже на улицу Парковую).

Полезными для следствия стали опросы только в двух домах, крайних с одной и с другой стороны улицы.

Пенсионерка Клавдия Васильевна Бадаева, чей дом стоял прямо на берегу пруда, показала, что примерно в половине восьмого утра, гоня свою корову в стадо и чуть опаздывая, она увидела, когда переходила с Зорькой через плотину, что навстречу ей движется повозка, запряженная двумя лошадьми.

Когда повозка (крытая темно-синим брезентом) проехала совсем рядом с ней, Клавдия Васильевна увидела, что управлял ею, сидя впереди на обычной толстой доске, черноволосый бородач («цыган или чеченец – не могу сказать точно, зрение у меня слабовато»). Одет он был в рубаху, чем-то подпоясанную. Сзади повозки шел еще один, такой же бородач и черноволосый, но одетый в куртку маскировочного цвета. В самой телеге тоже кто-то сидел, но один или двое, как одеты – пенсионерка не разобрала.

Повозка переехала через плотину и, не останавливаясь, средним шагом двинулась по направлению к республиканскому шоссе.

Когда Клавдия Васильевна, отогнав корову в стадо, которое уже паслось внизу, в долине ручья, за селом, вернулась к своему дому, то никаких повозок на улице Парковой она не увидела. По всей видимости, цыгане (или чеченцы) выехали на главную трассу.

Пенсионер Сергей Фролович Антипов (дом № 2 по Парковой) провожал внучку-студентку до автостанции и, воз-

вращаясь домой, заметил стоящую у Триумфальной арки большую крытую повозку, запряженную двумя лошадьми. Она стояла так, что полностью закрывала для обзора ворота кармановского дома.

Каких-либо людей Антипов не заметил, но уже через 10 минут, выходя на улицу, увидел хвост процессии, удалявшейся к центральному шоссе.

Шнурков собрался было покинуть такую мало информированную и нелюбознательную улицу Парковую, но в этот момент она вдруг ожила – крики, смех, беготню услышал и увидел следователь у Бросковской школы: ученики выбежали на очередную перемену, благо, солнечный день явно способствовал детским забавам.

В школе Шнуркову пришлось задержаться: учеников здесь оказалось больше 300 человек, и потребовалось много времени, чтобы переговорить со всеми, кто, отдыхая на природе, хоть что-то видел.

Но результаты были бы почти нулевыми (дети, бегая во дворе, играя в догонялки, «классики», даже в возрожденную чехарду, в прятки, никакого внимания не обращали на то, что происходило за школьным забором), если бы не разговор с Ромой Белинским. Этот семиклассник с фамилией известного русского литературного критика оказался заядлым «лошадником».

Роман жил не в Броском, а в соседней деревне – Ленино, в школу добирался, когда как – иногда пешком, иногда на попутном транспорте. Сегодня ему помог сосед, ехавший в областной центр, но до уроков, по этой же причине, осталось у семиклассника уйма времени.

Вот Рома и видел, как по улице Парковой, со стороны пруда, подъехала двуколка, как она остановилась у кармановских ворот, как с передка слез высокий бородатый цыган, привязал вожжи за ограду и скрылся где-то во дворе. На высокое крыльцо дома следом за ним поднялись еще двое мужчин (один в маскировочной куртке).

Как они вошли в дом, Белинский не заметил, потому что отвлек его одноклассник, подоспевший сзади и стукнувший по плечу – «Ром, привет, сыграем?» – и похвастался новеньким перочинным ножом. Как ни странно, игра в «ножички» стала очень популярной в Бросковской школе.

Когда Роман вчистую обыграл одноклассника (прошло минут 10-15) и ненароком снова повернулся в сторону кармановского дома, то увидел у повозки целую цыганскую бригаду – трое мужчин, оживленно размахивая руками и смеясь, что-то обсуждали.

Потом один из них отвязал вожжи от забора, кивнул женщинам (их тоже было трое – одетых в длинные цыганские разноцветные платья, цветные же платки и длиннющие мониста) и вся группа двинулась по направлению к шоссе. В повозку никто из них не сел, а через пять минут все цыгане скрылись за поворотом.

– Да, товарищ лейтенант, лошади мне очень знакомы, точно такие же в нашей деревне у одного фермера. Может, я и ошибаюсь, но очень похожи, – добавил в конце своего рассказа Белинский.

Выяснив фамилию фермера из Ленино, отправился Шнурков в центр Броского. Еще в течение трех часов он опрашивал жителей самой длинной (1,5 километра) улицы села, выясняя, видел ли кто цыган и куда они поехали.

На улице Советской цыганскую повозку встретили многие, но – все заметили только одного бородача, сидевшего с вожжами. Других цыган уже никто не видел.

На Долбнянском повороте двуколка повернула и спустя пять минут исчезла. Как Шнурков ни пытался понять, куда она дальше проследовала, ему это не удалось.

Вызвав тогда из Бугровска «Уазик», добрался Шнурков до деревни Ленино, нашел фермера Осипова, у которого видел Рома Белинский похожих лошадей, допросил его

Осипов очень удивился, но ничуть не заволновался, просто провел следователя в рощицу, где на вольном выпасе, стреноженные, паслись два его жеребца.

– Вот они, лейтенант, – показал он на рослых, крепких, гнедых коней.

Подошел Шнурков к одному из них, провел ладонью по бархатной спине красавца – ладонь стала влажной.

– Вы куда-то сегодня на них выезжали? – поинтересовался лейтенант у фермера.

– Да, пару рейсов за сеном сделал на своей двуколке, вон стожки, видите, – и Осипов показал на стоявшие у дома различные стога.

– Понятно! Ладно, Дмитрий Павлович, извините, показалось, значит, Роману, – со вздохом сказал Шнурков, который лишился последней надежды на быстрое расследование по «горячим следам».

– Поехали домой, сержант, – обратился он к водителю «УАЗика», и через 40 минут серый от деревенской пыли автомобиль затормозил у здания РОВД. Устал лейтенант, как гончий пес, пробегавший весь день, но так и не догнавший скрывшуюся в норе лису. Перед уходом заглянул все же к эксперту Завертяеву:

– Паша, порадуешь чем-нибудь?

– Из полутора десятков взятых в доме Карманова «пальчиков» – ни одних криминальных, замки, как я Вам уже сказал, были открыты рядовыми ключами, – все, товарищ лейтенант, – четко доложил эксперт.

– Н-да, что ж, пойду к начальству, – тяжело вздохнул второй раз за день, сказал скорее себе, чем Завертяеву, Шнурков и отправился заканчивать свой неудачно прожитый день.

На следующее утро, согласно утвержденному в предыдущий вечер начальником РОВД оперативно – розыскному плану, запросы о цыганах были отправлены в соседние районы, а Шнурков в 8.30 уже подъехал к конторе ОАО «Броское» в центре деревни Горячевка.

Целый день следователь потратил на опросы и беседы – вначале работников конторы, а потом и обычных тружеников агрофирмы, чтобы хоть за что-то зацепиться.

Очень надеялся лейтенант найти возможного сообщника воров здесь, в «родовом гнезде» Карманова, ведь если двери дома преступники открыли ключом из-под коврика, то сейф-то можно было открыть, только взяв ключ у самого гендиректора (или сделав, в крайнем случае, слепок с него). В число подозреваемых попали личный шофер, секретарша, главный бухгалтер, главные специалисты, т.е. все, кто, так или иначе, по долгу своей службы, постоянно общался с директором.

Однако, в конце концов, выяснилось: не только о ключе для сейфа, но и самом сейфе никто из них даже не подозревал.

После дополнительного разговора с Кармановым гендиректор пояснил, что ключей от сейфа всего два: один – спрятан в тайнике, второй – у него на поясе (вшит в специальный кожаный карман). Вообще-то, Ивану Дмитриевичу предлагали сейф с цифровым замком, но он отказался: ему доставляло удовольствие открывать и закрывать свое хранилище ценностей именно ключом.

У Карманова не было случаев, при которых ключ от сейфа так, или иначе, где-то бы проявился. О нем никто не знал.

Шнурков навел справки и о фирме – производителе (и установщике) сейфа. Ее репутация была безупречна, авторитет высок. Ни одного (до данного конкретного) случая ненадежности сейфов за пять предыдущих лет не было.

При разговоре следователя с простыми «работягами» фирмы, правда, он довольно быстро (хотя и с натугой) выяснил, что авторитет самого генерального у них за последний год упал. Зарплату, первое время регулярную и достаточно приличную, дояркам и, особенно, механизаторам, урезали, а последние полгода вообще не платили.

Ближайшее окружение Карманова и он сам зарплату (и немалую) получали ежемесячно, а вот им...

Так что, недовольных гендиректором было достаточно много, но это недовольство не простиралось дальше семейной кухни. Разговор же со Шнурковым позволил всем им еще раз сказать про это. Когда следователь поинтересовался у некото-

рых, почему они не отстаивают свои права, то выяснилось, что работники жаловались за последнее время трижды, но и глава райадминистрации, и сам губернатор считают Карманова безупречным хозяйственником и незаменимым руководителем.

Ивана Дмитриевича пощуняли, но жалобы спустили на тормозах, а зарплату работникам до сих пор за полгода так и не заплатили.

Однако записывать в число потенциальных подозреваемых 80 человек «работяг» агрофирмы «Броское» по причине невыплаты зарплаты – это было бы верхом легкомыслия и глупости. Правда, и ручаться за всех в такой ситуации оказалось трудновато.

Так ни с чем, голодный и злой, Шнурков вернулся к вечеру в райотдел. В дежурной части ему сообщили об отрицательных ответах по запросам о цыганах.

На третий день Шнурков собирался пошерстить бросковских соседей и знакомых Карманова.

Однако к 9.00 (до отъезда следователя в Броское) в дежурную часть именно из этого села поступил звонок от жителя улицы Советской, что 15 минут назад он видел такую же цыганскую повозку, что и два дня назад. Она катила по шоссе со стороны Бугровска в направлении на город Глинки.

Доложив начальнику РОВД и получив благословление, на своем «УАЗике» Шнурков помчался в Броское.

Шоссе после вчерашнего и ночного дождя было еще мокрое, и «лысая» резина «УАЗика» не позволяла развивать большую скорость, но, понукаемый следователем, сержант – водитель рискнул «поднажать» и едва за это не поплатился: на крутом повороте дороги, почти у Броского, машину занесло и выбросило на уже распаханное поле. Хорошо, что кювета здесь практически не было, но и так им повезло крупно: не перевернулись, а стали на четыре колеса, хотя и носом в другую сторону.

Когда шедший сзади «Камаз» – самосвал вытащил УАЗик на шоссе, у сержанта Лапина тряслись руки, и он с трудом смог успокоиться.

Найдя Филина (он звонил в РОВД), жившего как раз посередине улицы Советской, расспросив его, а потом и других жителей, Шнурков понял, что повозка действительно была та же, и на облучке сидел тот же цыган (один, других никто не видел).

Повозка снова повернула в сторону райцентра Долбное и – исчезла через несколько минут опять, как и в прошлый раз.

Шнурков – для подстраховки и самоуспокоения – заглянул по пути к тому же фермеру Осипову из деревни Ленино. Но и он, и его красавцы – кони были на месте, а на этот раз даже и не потные.

Взбешенный Шнурков возвращался в Броское, когда по рации его вызвал начальник РОВД Томин:

– Слушаю, товарищ подполковник!

– Ты где? У Броского? Езжай к дому Славского – у него кража. Подробности мне сообщи по телефону уже с места происшествия.

Сержант-водитель, услышав громкий, отчетливый трехэтажный мат Шнуркова, от удивления даже успокоился и поехал быстрее: в райотделе никто из милиционеров ни разу не слышал матерящегося лейтенанта (а вообще-то, все милиционеры здесь были «спецы» по этой части).

У дома Славского их встретил хозяин – упитанный господин лет 45, с красным, круглым и злым лицом, одетый по последней моде и надушенный не хуже бугровчанки-модницы.

– Здравствуйте, Федор Иванович! – стараясь сдерживаться, обратился Шнурков к Славскому. – Что случилось?

– Случилось, случилось! – раздраженно, громко ответил тот.

– На улице разговаривать не будем. Пройдем в дом, лейтенант, – продолжил Славский.

Дом генерального директора агрофирмы «Бугровская зарница – 2» ни в чем не уступал дому своего коллеги Карманова, а вот забор – забор на солнце блестел и переливался всеми цветами радуги.

– Что это с забором? – не выдержав, поинтересовался Шнурков.

– Покрытие специальное, стекло, лак, еще что-то, спецы из областного центра делали», – забывшись на секунду, самодовольно ответил Славский.

Предложив следователю присесть, гендиректор «Бугровской зарницы – 2» очень коротко, быстро передал суть своего звонка в РОВД.

Сам он сегодня, как обычно, в 7 утра уехал на работу в Бугровск, жена в 8.00 тоже ушла на службу (она была главбухом в местной сельской администрации), но через полчаса вернулась домой переодеться и взять побольше денег: глава администрации сказал, что им надо ехать в областной центр. Идя к дому, заметила Славская странную повозку, которой управлял бородастый цыган. Слышала Валентина Ивановна про кражу пару дней назад у Кармановых, но в подробности не вдавалась: на словах посочувствовала Кармановой, а внутри у нее все запыло – теперь мы – первые в Броском, мы, а не они!

Песни в душе у Славской отзвучали сразу, как только она вошла в дом. В отличие от Кармановых, сейфа у них не было, и деньги (большие деньги!) были для надежности запрятаны в пяти тайниках на первом и втором этажах.

Оба тайника на первом этаже – в стене камина и под полом (сразу у входной двери) были вскрыты, а их содержимое исчезло.

Из трех тайников на втором этаже уцелел один, из которого хозяйка брала обычно деньги на текущие расходы. Два других оказались тоже опустошенными. Славская позвонила мужу, и тот на своей «Ауди» примчался через 15 минут.

Когда Федор Иванович увидел, что исчезло, он вначале смертельно побледнел, затем начал «буреть», держась за сердце и открывая рот, как вытщенный из воды большемордый голавль. Славская побежала за коньяком. Медленно выпив полстакана, Славский, чуть успокоившись, сказал жене: «У нас украдено 800 тысяч – поняла? 800!»

«Ты что, Федя! Там же больше 3 миллионов было только в долларах и «евро» – возмутилась жена.

«Ты меня плохо поняла, Валентина?» – зло прервал ее Славский.

«Все-все, поняла», – зная бешеный нрав мужа, быстро среагировала супруга.

В разговоре со Шнурковым и в заявлении фигурировали именно эти 800 тысяч рублей.

После первых же расспросов жителей улицы Комсомольской, где стоял дом Славских, особенно соседей, стало ясно, что у них побывали те же загадочные цыгане, которые ограбили Кармановых.

Шнуркову к концу дня стало нехорошо: голова у него кружилась, руки дрожали, ноги отяжелели и плохо слушались – пришлось силой воли заставлять себя не поддаваться слабости.

На вечерней «планерке» он доложил, что ограбление Кармановых и Славских надо объединить в одно дело, поскольку, по всем признакам, действовала одна и та же преступная группа, по внешним признакам, цыганского происхождения, но, совершенно точно, имеющая наводчиков среди местных жителей.

В течение двух следующих дней Шнурков работал в селе Броское, опрашивая подряд всех жителей соседних улиц, чтобы выудить какую-либо, хотя бы небольшую, рыбку, плывущую в нужном направлении.

Одно он определил точно: и Кармановых, и Славских в селе не любили, считая их выскочками, сумевшими, при покровительстве начальства, хапнуть большой куш. По поводу краж выражали мнение, что Бог есть, он-то и наказал их за грехи.

Шнурков понял, что бросковчане ему не подмога, надо искать самому, куда же оба раза загадочно исчезали цыгане.

Взяв водителя УАЗика в качестве единственного помощника, следователь решил внимательнейшим образом исследовать шоссе Броское – Долбное.

Шнурков был уверен, что разгадка быстрого исчезновения цыганской повозки должна быть где-то рядом – ведь за 5-10 минут спрятаться вместе с лошадьми непросто. Значит, у этих цыган есть какой-то хитрый трюк, который и надо расшифровать.

Попросив сержанта – водителя двигаться медленно (Ланина, все еще переживавшего по поводу ДТП, это вполне устрои-

ло), Шнурков начал внимательнейшим образом изучать обочину и съезды с шоссе, начиная от Долбнянского поворота.

И через три километра он заметил любопытнейшую вещь. Здесь, справа, был съезд на проселочную дорогу, шедшую сразу к двум деревням – Ленино и Еленино. С шоссе на эту дорогу шли тяжелые следы, похоже, достаточно свежие. А метрах в ста впереди заметил Шнурков на обочине следы стоявшего здесь некоторое время легкового автомобиля.

У следователя появилась одна мысль, и он решил ее немедленно проверить. «УАЗик» двинулся вдоль тележного следа, и, несмотря на грязь, делал это уверенно, но, когда след круто стал спускаться в глубокий сырой овраг, Шнуркову пришлось из машины выйти.

После дождя в овраге было невероятно грязно, и следовательские туфли и брюки через пару минут были вымазаны до неприличного состояния.

С трудом, дважды упав и сильно промокнув, лейтенант пересек овраг, на другой стороне которого обнаружилась приличных размеров роща.

Не стараясь беречь форму (беречь, собственно, было уже нечего), Шнурков по сузившейся дорожке добрался до овальной полянки в центре рощи и ... увидел сразу же двух рослых гнедых коней – красавцев, стреноженных и, к тому же, привязанных с помощью длинных веревок за вбитые в центре поляны металлические колы.

Пройдя от поляны (она шла под уклон) на другую сторону рощи, Шнурков увидел и повозку, мирно стоявшую у небольшого пруда. Еще через полкилометра, там, где роща заканчивалась, вышел следователь к деревне, которую он узнал не сразу, но, все же, узнал: просто в первый раз, да и во второй он заезжал в нее сразу с шоссе – это была Ленино.

Найдя дом фермера Осипова, Шнурков решил его огорчить: «Дмитрий Павлович! Что ж Вы, обмануть меня решили? Лошадки-то у Вас еще, оказывается, есть?

«Какие такие лошадки, лейтенант?» – сделал удивленное лицо Осипов.

«А вот в той рожице. И повозка вторая там же» – показал Шнурков «Или это все не Ваше?»

«Конечно, нет. Не мое. Брата. Он живет в Броском, а я за его лошадьми присматриваю» – спокойно ответил Осипов.

«Как брата зовут? Василий Павлович? И кем он работает? Сторожем в конторе?» – выяснив это, следователь вынужден был заново проделать трехкилометровый путь через рожицу и овраг к ждавшему его «УАЗику».

Сержант Лапин, увидев вымазанного с ног до головы, но цветущего Шнуркова, спросил: «Нашли чего?»

«Нашел, Витя, нашел!» – радостно сказал следователь. В Бугровск они добрались уже к 8 вечера, но в таком виде Шнурков на доклад к Томину идти не решился, да и дежурный сообщил, что подполковник просил его завтра с утра зайти для доклада.

Потратив час на то, чтобы отмыть и отчистить туфли и форму, перекусив с аппетитом жареной картошкой и даже выпив 50 граммов, впервые за последние пять суток Шнурков заснул сном младенца и, если бы не будильник, проспал бы наверняка.

Начищенный, выглаженный, выбритый, наодеколоненный (это было для него очень необычно), в 8.15 входил он в здание РОВД и нос к носу столкнулся с Кармановым и Славским.

Это Шнуркова не очень удивило: видно, волнуются пострадавшие и просят ускорить поиски преступников.

Дежурный, капитан Солопов, увидев сияющего лейтенанта, сказал ему:

– Иди, тебя шеф приглашает.

Постучав в кабинет начальника РОВД и получив разрешение войти, Шнурков почти парадным шагом направился к Томину.

– Товарищ подполковник! Нашел!

– Что нашел? – как-то без интереса спросил Томин.

– Лошадей цыганских и повозку, – радостно ответил Шнурков.

– Поздравляю, нашел и нашел, – так же без энтузиазма продолжил подполковник. – Видел Карманова и Славского? Так вот, свои заявления о кражах они у нас забрали и просили не беспокоиться: у них ничего не пропало.

Если бы сейчас сверкнула в кабинете молния рядом со Шнурковым, это не произвело бы на него такого впечатления, как сказанные начальником РОВД слова.

Шнурков онемел, а когда, наконец, пришел в себя, то смог произнести только:

– Я же нашел, нашел.

– Забудь, лейтенант! Заявления нет – нет и дела. Займись другими заявлениями, у дежурного возьмешь данные. Все! – подвел итог беседе начальник РОВД.

Насколько глубокой была радость Шнуркова, настолько тяжелым стало его разочарование от такого неожиданного финала.

– Ну что, лейтенант, с освобождением тебя, – Солопов, уже знавший о том, что заявления о кражах Карманов и Славский забрали, но не знавший о вчерашнем успехе следователя, сказал это искренно и оторопел, услышав:

– А иди ты, капитан, знаешь куда?!

Через сутки по своим каналам Шнурков выяснил, что Карманову и Славскому кто-то очень авторитетный позвонил из областного центра и настоятельно просил забрать заявления. В РОВД звонивший также сообщил, что деньги, реквизированные у генеральных директоров ОАО, поступили на расчетные счета тех работников агрофирм, которые последние полгода не получали зарплату.

Еще через неделю в агрофирме «Крепкая», где тоже имелись долги по зарплате, рабочим вдруг выплатили все недоданное деньгами и сельхозпродуктами.

А через месяц во всех трех агрофирмах были избраны новые генеральные директора.

Лейтенант Шнурков к этому времени знал все, что произошло, – как в домах Карманова и Славского, так и после, но это навсегда осталось его частным расследованием – без всяких последствий для правонарушителей.

Рассказ третий. ЛЕШИЙ

Эта полу-мистическая история началась в лунную ночь, в пятницу, 13 июня 2003 года на известном всем жителям Бугровского района пруду с американским названием «Невада».

Почему пруд носил такое имя, никто из старожилов уже не помнил, но и впадавший в него ручей назывался так же.

В конце 40-ых годов XX века, в период сталинского преобразования природы, появился здесь, в живописном урочище, машинно-мелиоративный отряд в количестве двух бульдозеров и в течение месяца, усердно двигая землю на берегах ручья, построил грандиозную, по местным масштабам, плотину, которая заполнялась водой целых два года.

Старинный помещичий парк, когда-то бывший украшением окрестных мест, получив жемчужно-водное окаймление, как будто заново родился, и его красоту заметили жители соседней деревеньки и приезжие, зачистившие сюда вначале за грибами, а потом и на рыбалку.

К вечеру пятницы 13 июня на берегах пруда, как и обычно, под выходные, уже стояло с десятков разноцветных палаток и горело столько же небольших костров.

Рыбаки и просто отдыхающие всю наслаждались наступившей звездной ночью, тишиной, которая изредка прерывалась какими-то таинственными лесными звуками.

Группа рыбаков из Бугровска, расположившихся неподалеку от бывшего помещичьего колодца, готовилась к позднему ужину. Двое мужиков накрывали походный столик, двое направились за сухим хворостом, а пятый из компании пошел проверить удочки, расставленные внизу, справа и слева от их стоянки. Звали этого молодого парня, шофера районной администрации, Юра Берников и шел он с ведром – набрать заодно свежей, замечательно вкусной воды, из Невадского колодца.

Мельком взглянув на удочки (дорогие, с современной оснасткой, с новейшими катушками), зачерпнув воды, Юра вернулся к костру, поставил рядом с ним ведро и некоторое время наслаждался тем, как взлетают высоко вверх искры, а потом – тем, как вкусно напарники накрывают стол.

Но тут затрещала одна из катушек, и Юра бросился к пруду.

У самой воды ему показалось, что от колодца метнулась чья-то тень – бесшумная и зловещая. Но исчезла она очень быстро: так не мог двигаться даже бегущий человек. И Берников решил, что это – его собственное, в свете луны, отражение.

Юра подошел к трещавшей удочке и с удивлением обнаружил, что вместо дорогого иностранного складного пластикового удилица перед ним лежит на «рогульке», воткнутой в берег, обыкновенная, да к тому же кривая, орешина. Катушки на этом самодельном удилице не было совсем, хотя леска на нем имелась.

Взяв в руки удилице, Берников потянул леску к берегу. Она шла тяжело, словно там, в воде, на конце крючка, сопротивлялась крупная рыба. Но Юра рыбаком был опытным: аккуратно, без резких рывков, он, даже таким примитивным орудием ловли, подтянул вскоре тяжелый груз к берегу.

Правда, чутье подсказывало ему, что здесь что-то не то. Рыба была тяжелая, но какая-то вялая.

Положив удилице, Берников, руками перебирая леску, вытянул груз на берег и чуть не закричал от страха: это был его собственный, черный, мордатый, вечно злой, а сейчас молчаливый, мертвый кот по прозвищу «Ант». (Вообще-то его полное имя звучало как «Антихрист» – так прозвала еще котенка теща Юрия, когда увидела, как тот одного за другим придушил пятерых ее цыплят; потом были соседские цыплята и гусята, и Берникова убедительно просили кота умертвить, но он категорически отказывался, хотя и старался держать Анта взаперти. Не всегда это удавалось, и пара-тройка вылазок Антихриста заканчивались очередными птичьими жертвами. А вот мышей кот демонстративно не ловил).

Придя в себя и пересилив первый страх, Берников закричал:

– Эй, мужики, быстрее сюда!

Голос его сорвался и задрожал, так что Алексей Ванин и Сергей Одинок, уже заканчивавшие работу с накрытием стола, бросились к берегу сломя голову и чуть эти головы в самом деле не сломали, не заметив в темноте бревен, положенных у колодца; оба один за другим сорвались в глубоководную болотину, погрузившись в нее почти по пояс.

Перепуганных и перемазанных болотной грязью и тиной товарищей пришлось вытаскивать забывшему на несколько минут собственный страх Берникову.

Когда, ругаясь в полный голос и привлекая внимание рыбаков – соседей, все трое выползли на берег там, где лежал такой неожиданный улов, им снова стало не по себе.

– Юр, а это точно твой кот? – отводя глаза от мокрого взъерошенного страшилища, спросил Ванин.

– Второго такого не знаю, глянь на морду: у него на лбу пятно белое. Теща мне не раз говорила – «Бог шельму метит!», – нервно дрожа – и от холода, и от переживаний, ответил Берников.

– Да-а-а! – задумчиво протянул Одинок, – что делать-то будем, мужики?

Выведенные из себя неприятно-страшной находкой, они не обращали внимания сначала на то, что удилище было чужое, хотя и на их прикормленном месте.

– Надо штаны выжимать и сушиться, мужики, а то зубами уже стучу, – еще через пять минут вымолвил, наконец, Ванин.

Он встал, но, не желая идти в ту сторону, где по-прежнему лежал пойманный на удочку кот, двинулся вправо, и оттуда тут же раздался его удивленный голос:

– Б... буду, а снасти-то наши умыкнули!

Алексей и Юра бросились к нему. Каждый из их группы ставил по две удочки, с разрывом в 2,5-3 метра друг от друга.

Девять удилищ и продолжали стоять на прежних местах. Но что это были за орудия лова!

Трех-четырёх метровые, не ошкуренные, кривые, неопратно-грязные даже при лунном освещении – и без фосфоресцирующих поплавков, которыми так гордились все пятеро.

Ванин, забыв о недавнем происшествии и страхе, потянул одну из своих удочек. Леска и то, что было в глубине, легко вылетело на берег, заставив замереть трех друзей: что-то длинное ярко блеснуло в лунном свете. Ванин подтянул свой улов поближе, чтобы его рассмотреть, но уже через несколько секунд отбросил это, как гремучую змею, как можно дальше.

– Леш, что там? – почти в один голос вскричали Берников и Одинок.

– Ошейник моего Полкана, он у меня весь в металлических заклепках, специально, на заказ делал, чтоб такого ни у кого не было, – сдавленно ответил Ванин.

Не смотря уже на другие удочки, Алексей бросился наверх, к палатке, и через минуту звонил по «сотовому» домой, жене.

– Что? Нет дома? И ты не видела, как и когда он исчез? Да?

Все соседи Ванина знали, что его Полкан – это сторожевой пес, выдрессированный и верный хозяину до такой степени, что никто и никогда, кроме жены и сына, не рисковал даже приблизиться к нему. Алексей каждый день выводил его на прогулку – но обязательно в наморднике, согласно требованиям закона о содержании собак в городах.

Снять ошейник с Полкана не хозяин пса мог только в одном случае – если пса уже не было в живых.

Подошли к палатке следом Одинок с Берниковым. Стояли молча, не зная, что делать и как реагировать.

Через минуту, громко, с шутками, с большим бревном на плечах, с длинными сухими сосновыми «хвостами» к костру из лесу вышли те, кто уходил за дровами, – Виктор Лунин и Виктор Кунин («братья-близнецы» – такой кличкой их наградили друзья по рыбалке).

С таким же шумом бросив у костра свой груз, два Виктора только тогда заметили странное молчание у палатки.

– Что с Вами? – удивленно спросил Лунин.

– Да рассказывайте! – не выдержал Кунин, когда пауза с ответом затянулась.

Все случившееся медленно, заикаясь, пересказал не пострадавший Одинок.

– Мужики, вы, по-моему, успели хорошо «принять», пока мы за дровами ходили, – начал, было, Лукин, но, взглянув на нетронутое богатство накрытого к ужину стола, замолчал.

– Витя, пойдём-ка мы с тобой – наши удочки посмотрим, – обратился он спустя минуту к Кунину.

«Близнецы» очень осторожно спустились к берегу, освещая себе дорогу фонариком.

Как и рассказали их товарищи, вместо дорогих иностранных удилищ (но точно там же) увидели они на берегу кривые необделанные загогулины. Выдернули в ярости оба Виктора чужие орудия почти одновременно и сделали это так неудачно, что каждый вырванным из-под воды уловом угодил в лицо другому.

Нечто мокрое, длинное, лохматое мазнуло лоб и нос Виктора Лунина, а гораздо более тяжелое, хвостатое, блестяще-гладкое в свете луны, треснулось в подбородок и полуоткрытый рот Виктора Кунина.

Когда оба спустя десяток секунд опознали пойманные ими предметы, самодельные удилища были с ужасом отброшены в сторону, а Викторы быстрее чемпиона района в беге на 100 метров, их знакомого, Антона Лухвицкого, преодолев эти 100 метров до костра, оказались рядом со своими, уже ранее деморализованными друзьями.

Отдышавшись и все еще стуча зубами, первый Виктор поведал, что он вытащил из-под воды хвост своего красавца-петуха, лучшего певуна в Бугровске и окрестностях. Второй Виктор, заикаясь и всхлипывая, сказал, что его уловом оказа-

лась любимая морская свинка, пару лет назад привезенная им из коммерческой поездки в Москву.

Прошло не менее получаса, прежде чем, друзья-товарищи смогли принять какое-либо решение.

И решение это было простым: в течение следующего получаса они осушили под слабую закуску 4 бутылки водки, приготовленных для использования на двух приятных вечерах.

Водка долго не могла подействовать на кого-либо из пятерых. Разговаривать им совсем не хотелось, идти за кем-то и куда-то в темноту – тоже.

Распилив принесенное двумя Викторами толстое сухое сосновое бревно, расколов получившиеся чурбаны на солидные поленья, приятели свой небольшой вначале костерчик вскоре превратили в огнедышащий вулкан, от которого через два часа их, наконец, разморило. Договорившись о дежурстве (первым выпало нести службу, как раз, пионеру улова Юре Берникову), рыбаки забрались в палатку и накрылись солдатскими суконными одеялами.

Сон каждого был тревожен, чуток, цветаст.

Алексею Ванину снилось, что он сидит верхом на Полкане, как Иван-царевич на сером волке, а Полкан, оборачиваясь в быстром беге, лязгает зубами, пытаясь откусить хозяину нос.

Виктор Кунин во сне сидел за одним столом со своей морской свинкой, которая, быстро орудуя ножом и вилкой, жуя и чавкая, громко и гнусаво делала замечания кому-то из соседей: «Нож надо в правой руке держать, а вилочку – в левой. Понятно?».

Виктор Лунин проснулся от страха и сильной боли в затылке: красавец-петух во сне долбил его острым клювом. Пощупав дно палатки, Лунин обнаружил крепкий сосновый сучок, очевидно, залетевший сюда в процессе колки дров. На нем и лежала голова Виктора – долго лежала!

Проснувшийся Одинокоев, единственный, кто свой ночной кошмар не вспомнил, предложил звонить в милицию. И, хотя было только около четырех утра, все дружно согласилось.

Звонок в РОВД принял дежурный, майор Молотков, который, узнав, что украдены лишь удочки, хотел было бросить трубку, но разъярившийся его вялыми сонными ответами Берников (он возил главу администрации района) пообещал всему отделу милиции «райскую жизнь» так скоро, как только он вернется в Бугровск.

После этого Молотков полностью проснулся и пообещал прислать дежурную группу к 9.30.

– Не к 9.30, а к 6.30. понял, майор, если ты не очень то-ропишься на пенсию, – так же громко и зло закончил Берников и отключил мобильный телефон.

Когда старший лейтенант Шнурков в сопровождении лишь водителя Плахова на известном всем бугровчанам трапезном УАЗике добрался до пруда «Невада», он был зол так же, как и звонивший до этого в милицию шофер главы администрации.

Мало того, что следователя разбудили в половине пятого утра, тогда как его дежурство начиналось в 8.30; мало того, что он не смог побриться и выпить чашку кофе (местный водоканал устроил субботний подарок бугровчанам и отключил воду на весь день, забыв, конечно, предупредить кого бы то ни было); мало того, что ему не дали в помощь эксперта (никого больше Молотков найти не смог); мало того, что, в спешке одеваясь, Шнурков забыть надеть носки и это здорово портило (в добавление к небритости) его мироощущение, так, ко всему прочему, старший лейтенант умудрился в дороге сильно прикусить язык (тут «помог» водитель Плахов, очень неосторожно рванувший автомобиль через неглубокий, казалось, овраг, перед самым подъездом к «Неваде»).

Поэтому, когда Шнурков вышел из машины на поляне перед рыбацкими палатками, ему хотелось рвать и метать, и он успокоил себя с огромным трудом.

Впрочем, вид рыбаков – заявителей был так жалок, выглядели они так подавленно, что старший лейтенант привел себя полностью в официальное состояние.

– Что случилось, граждане? Только договоримся, давайте по одному, не спеша.

По одному рассказы у рыболовов не получались. Они, переживая ночные страхи еще раз, нервничали, перебивали друг друга и Шнуркова, пока тот, наконец, не уяснил суть произошедшего.

– Все, достаточно, – прервал, наконец, следователь словесный понос последнего рассказчика, Виктора Кунина.

– Это – ваше добро? – показал Шнурков на валявшиеся у костра водочные бутылки.

– Да, но не подумай, лейтенант, что у нас «белая горячка», пили-то мы уже потом, – горячо сказал Лунин.

– Ну-ну, хотелось бы верить, – недоверчиво произнес Шнурков и встал:

– Ведите к вашим находкам!

– А может быть, ты один, старлей? – с надеждой спросил Одиноков.

– Да вы что, мужики, совсем труса празднуете? День ведь сейчас, спрятался Ваш леший до темноты, в яму забил-ся, – с насмешкой сказал следователь. – Пошли, и смелее!

Первым опять оказался Берников, за ним двинулись «близнецы» и Шнурков. Последними, в 10 шагах, нерешительно, еле-еле перемещались Ванин и Одиноков.

– Твою мать, это как понимать? – громко, на весь лес, раздался вдруг голос шедшего впереди Юры-водителя.

Ванин и Одиноков совсем остановились, а Лунин, Кунин и Шнурков подошли к выражавшему так энергично свое чувство удивления Берникову. Он стоял у помещицкого колодца

и, вращая головой влево и вправо, продолжал материться еще громче и забористей: их иностранные дорогие удочки с новейшими катушками, пропавшие накануне вечером, как ни в чем ни бывало, лежали на прежних местах, на тех же рогульках, а на воде, в отблесках взошедшего уже высоко солнца, красовались разноцветные, яркие, большие поплавки.

Тех, самодельных, кривых, необработанных удилиц, что являлись им здесь прошедшей ночью, не было видно нигде.

Когда вновь возникшие неизвестно откуда удочки рыбки вытащили на берег, их ждал приятный сюрприз: три килограммовых карпа и пять карасей граммов по триста каждый.

Все пятеро, понукаемые Шнурковым, облазили берег в обе стороны на расстояние полукилометра, осмотрели верх пруда, заболоченные места – и не нашли ни kota, ни петушиного хвоста.

К Шнуркову, через час безрезультатных поисков начало было, возвращаться чувство, с которым он сюда приехал, но, посмотрев на еще более несчастные и ошарашенные лица друзей-рыболовов, он пощадил их нервы:

– Мужики, а еда-то у Вас осталась? Может, позавтракаем, а то я, по вашей милости, голодным сегодня остался.

Сели за стол, и лейтенант с увлечением принялся за почти нетронутые вечером обильные запасы. Сами рыбачки к еде не прикоснулись (так, посидели для компании).

– Что ж, будем считать, ошибочка вышла. Ложный вызов. Ну ладно, прощаю вас – хотя и не понимаю, чего это вы с вечера, кроме водки, набрались? Прямо коллективный психоз. Или накурились какой гадости? Точно нет? Ну да ладно. Спасибо за угощение, а заявление в РОВД заберите, – закончил беседу с рыбаками Шнурков, сел в свой УАЗик и укатил.

После его отъезда, несмотря на наличие собственных удочек, всем почему-то было не до рыбалки.

И, хотя впереди был еще почти целый субботний, солнечный и безветренный день, засобирались рыбаки домой: свернули лагерь, залили водой остатки костра, убрали мусор,

упаковали удилища и молча, не глядя друг на друга, сели в машины («близнецы» приезжали на «Ниве», а остальные трое – на Ванинской «шестерке») и уже через 20 минут въезжали в Бугровск.

Алексея Ванина у ворот его аккуратного, ярко-зеленого дома встретила почему-то испуганная жена:

– Леш, а Полкан-то нашелся!

– Да? – это была первая за последние часы приятная для него новость. – Тогда почему ты такая напуганная?

И Наталья Ванина рассказала, что весь прошлый вечер и полночи они с дочкой пытались отыскать пропавшего пса, дважды обошли ближайшие улицы, опросили соседей, но Полкан как сквозь землю провалился. Могучая цепь у конуры оставалась на месте – но сторожа, верного и чуткого, нигде не было: пропал вместе с дорогим ошейником.

А утром, расстроенная и плохо выпавшаяся Наталья пошла в подвал, за картошкой. Отомкнула замок, начала только открывать дверь, как, чуть не сбив ее с ног, выскочил из подземелья взъерошенный, не похожий на самого себя, Полкан. Добежав до конуры, пес забился туда и не вышел, даже когда ему принесли еду.

Алексей подошел к собачьей будке и позвал: «Полкан, Полкан!». Пес высунулся было одним носом, но тут же забился обратно в темноту.

Только через час ему удалось уговорить своего сторожа выбраться на белый свет – чтобы с жадностью вылакать воду из стоявшего рядом с собачьим жилищем корытца.

Ошейника на Полкане не было, и Ванина снова охватили нехорошие предчувствия, материализовавшиеся к вечеру. Когда Алексей загнал «Жигули» в гараж и начал вытаскивать из багажника рыболовное имущество, то, вынимая одеяло, он вздрогнул от неожиданности: кожаный, в блестящих заклепках, Полканов ошейник, нашелся именно здесь и сейчас...

Юре Берникову повезло гораздо меньше – кота Антихри-ста он не обнаружил ни в этот день, ни через неделю, ни че-рез месяц. Соседи с нескрываемой радостью каждый раз ин-тересовались у Берникова, когда к вечеру он возвращался домой с работы: «Ну что, не нашелся? Никаких следов? Со-чувствуем, дорогой Юрочка!».

Виктор Лунин, найдя своего Петю–певуна бесхвостым, позора не выдержал, и на следующее утро петух оказался в кастрюле с жирной, густой лапшой.

Меньше других переживал Виктор Кунин по поводу мор-ской свинки: после того, как он увидел ее во сне с собой за од-ним столом, жующую, чавкающую и разговаривающую, наяву эту бывшую любимицу Кунин видеть категорически не хотел.

Обращаться в милицию еще раз – уже по поводу пропажи кота и свинки рыбакомам – любителям как-то не захотелось.

Все пятеро попереживали-попереживали еще с месяц, а потом почти успокоились, хотя на рыбалку всю оставшуюся часть лета и осень так ни разу и не съездили.

О том, что произошло там, на пруду «Невада», ни один из них никому не рассказывал, а Шнурков оказался мужиком настоящим – надсмехаться над ними не стал («Что ж, быва-ет», – изрек старший лейтенант).

Может быть, эту рыбацкую историю никто бы никогда и не вспомнил, если бы те же лица, в том же составе, не собрались однажды после долгого перерыва на рыбалку уже зимнюю.

В этот день, 13 декабря, районное общество охотников и рыбаковок устраивало первенство на лучшего рыбака, и дру-зья решили тоже поучаствовать в нем.

Районный чемпионат всегда проводился на пруду «Нева-да», и это вначале вызвало у пятерых друзей нехорошие предчувствия. Но ловить рыбу, которой в водоеме хватало, предстояло днем, на виду друг у друга (расстояние между рыбаками, по условиям, составляло пять метров), и потому опасливые мысли из голов Берникова, Ванина, Одинокова,

Кунина и Лунина к 13 часам, когда соревнования уже близились к окончанию, совсем исчезли.

Всем пятерым в этот пасмурный, безветренный день везло как никогда: у лунок каждого лежало солидное количество окуньков и карасей. В азарте поклевки и вытаскиваний никто из них не вспомнил о событиях пятницы, 13 июня, на этом пруду. Они не успевали даже смотреть по сторонам – только в свою лунку, из которой ежеминутно выдергивали очередного трепыхавшегося обитателя водных глубин.

Прошел вдоль строя рыбаков судья, предупредивший, что до конца соревнований осталось полчаса.

Берников, Кунин и Лунина (у них с наловленной рыбой дела обстояли особенно хорошо) уже предвкушали награждение (приз обещали приличный – набор рыболовного снаряжения для подводной и обычной рыбалки). Из мегафона главного судьи раздалось: «Все, закончили!».

Стали Берников и «братья – близнецы» добычу в мешок собирать и с изумлением увидели, что большей ее части нет – самые крупные, красивые рыбины исчезли неизвестно куда.

Ошарашенный Берников, как Крамаров в фильме «Неуловимые мстители», осипшим голосом смог только прошептать: «Нечистая сила!».

Когда голос к нему вернулся, он уже громче повторил: «Нечистая сила!».

Кунин и Лунина про нечистую силу не вспоминали. Они в ярости побежали к соседям, решив, что завистливые конкуренты улов позаимствовали, хотя были абсолютно уверены – к их лункам никто не подходил во время соревнований ни разу.

Выяснилось, что у Ванина и Одинокова, которые в призеры не метили, тем не менее, исчезла тоже часть улова – около половины пойманных рыб.

Апелляция к соседям – рыболовам ничего не дала: они не могли подтвердить наличие или отсутствие большого числа

рыб, да и не были они заинтересованы в победе более удачливых соперников. Тогда Берников обратился к судье соревнований: «Николай Иванович! Вы же сами к нам подходили и видели, сколько у нас поймано!»

Работник газового треста, опытный рыбак со стажем, Мельников, к которому и подошел Юра с этим вопросом, с удивлением посмотрел на водителя главы администрации:

– Юра, ты что, никуда я не подходил.

– Как не подходил? – оторопел Берников, – Вы же сказали, что осталось полчаса до конца соревнований.

– Юра, время окончания все знали, сигнал по мегафону я вам дал – а ходить мне незачем было, – терпеливо разъяснил Мельников.

– А кто же это был? – взбесился Берников.

– Да никого и не было, – уверенно сказал судья.

Когда же Юра, вместе с Куниным и Луниным, опросил всех участников соревнований, выяснилось, что этого судью не видел никто – кроме пятерых друзей – Берникова, Кунина, Лунина, Ванина и Одинокова.

Впрочем, слово «видел» не совсем точно, поскольку все пятеро настолько были увлечены ловом, что взглянули на подходившего к их лункам человека мельком: он был в длинном (до пят) бушлате, с капюшоном на голове – как у главного судьи Мельникова, а сказал он всего одну фразу – голосом, охрипшим на морозе.

– Да, мужики, кто-то подшутил над вами, – сочувственно произнес представитель местного сельхозпредприятия Иван Семин.

Подведения итогов друзьям – пострадавшим ждать совсем уже не хотелось, и они, собрав снасти, двинулись наверх, где в полукилометре от пруда, неподалеку от единственного домика деревни, оставались автомобили рыбаков.

Расстроенные, продрогшие, забыв о еде и 100 граммах, приготовленных для возможного торжества, все пятеро почти

одновременно выбрались на очищенную от снега стоянку, подошли к своим машинам и...

«Сволочи, гады, козлы!», – это были самые мягкие и цензурные выражения, которые вырвались из охрипших глоток Ванина и «близнецов», когда они увидели разбитые вдреизг лобовые стекла «Нивы» и «Шестерки». Осколки стекол, как бриллианты, сверкали на передних сиденьях в лучах зимнего, опускавшегося на горизонте красноватого солнца. Когда же через минуту выяснилось, что на обоих автомобилях чем-то острым и тонким пробиты шины передних колес, все трое, исчерпав запас ругани и окончательно осипнув, могли лишь, как недавно пойманные ими окуньки, только беззвучно и яростно, вытаращив глаза, открывать и закрывать пересохшие рты.

Пока Ванин, Кунин и Лунин матерились, Одинокоев сбегал к дому деда Кима, жившего со своей старухой в небольшом доме, на самом краю Невадской рощи.

Ким Иванович, после некоторого замешательства, вызванного тем, что последнее время он стал хуже слышать, сказал: «Подходил к машинам мужик в балахоне, но недолго он около них стоял – двинулся в сторону Горячевки». «Да, охотник – мужик-то – на лыжах он и с ружьем на плече» – добавил ветеран.

Кунин и Лунин в горячке бросились по дороге вперед и метров через 100 увидели, как от нее отходит лыжный след. Лыжи, действительно, были охотничьи, широкие, и шел лыжник без палок. Бросились, было, преследователи по этой лыжне, но провалились тут же в снег почти по пояс.

Десяток шагов Кунин с Луниным все-таки сделали, но, быстро задохнувшись и с каждым разом проваливаясь все глубже (лыжня спускалась к Невадскому оврагу), вернулись обратно на прогрейдерированную дорогу.

На звонок Юрия Берникова в РОВД ответил дежурный капитан Солопов. Услышав начало сбивчивого рассказа о рыбалке, о пропавшей рыбе, о глубоком снеге, о нечистой

силе, капитан, не выдержав, прервал многословие звонившего вопросом:

– Что Вы хотите заявить?

– Как что? – не понял, почему его не поняли, Берников. – Во-первых, у нас украли рыбу, во-вторых, разбили стекла и прокололи колеса. Пришлите сюда опергруппу.

Описанные события выглядели мелким хулиганством, но, судя по рассказу, самого хулигана найти будет нелегко, и Солопову очень не хотелось регистрировать заявление, а тем более, посылать кого-то за 20 километров на Невадский пруд (начальник милиции всем и всюду жаловался на недостаток бензина).

Капитан попытался убедить Берникова, что ущерб небольшой, нарушителя они скоро и так вычислят, но Юрий на уговоры не поддался, а спорить дальше с водителем главы района дежурный не решился.

Пока пострадавшие ждали приезда опергруппы, они успели поменять (хотя и с большим трудом) продырявленные шины (использовали свои «запаски» и пришедших им на помощь соседей). С лобовыми стеклами проблема так быстро не решалась, и домой два десятка километров предстояло ехать в уже и так промерзших насквозь салонах.

Не хотелось друзьям снова выглядеть перед милиционерами «алкашами», но, продрогнув в ожидании почти час, две еще сохранившиеся бутылки «Столичной» пострадавшие использовали на прогрев внутренностей и конечностей.

Была уже половина четвертого, когда наконец-то подъехал следователь Шнурков с экспертом.

– Ну что, мужики, опять вас леший достал? – поздоровавшись, с легкой насмешкой спросил лейтенант.

К этому времени горячительное свою роль сыграло, и реакция мужиков была уже не такой острой.

– Ладно, следователь, хватит нас подначивать, помоги лучше найти этого лешего – следы у него обнаружились, –

Кунин и Лунин провели Шнуркова к лыжне, пересказав по пути весь ход предыдущих событий.

Изучив внимательно вместе с экспертом лыжный след там, где его не нарушили «братья-близнецы», пощупав даже снег, посмотрев в ту сторону, куда неизвестный охотник направлялся, (Шнурков использовал свой мощный цейссовский бинокль – подарок однокурсников на день рождения), старший лейтенант подвел первые итоги:

– Что ж, вывод пока один, стопроцентный – кому-то вы, все пятеро, крепко насолили, вот он, таким образом, вам мстит. Думайте, кто это может быть?

Второе: тот, кто здесь шел – хороший лыжник, движения ног согласованные, аккуратные. Вес, судя по всему, у него средний (почти не проваливался в этом снегу).

И третье, подался он сейчас на Жиговку. В деревне пять дворов, и после недавних снегопадов туда на машине не добраться. Да и темнота уже наступает. Завтра с утра попробуем грейдер найти и трассу до Жиговки прочистить. У вас там, кстати, нет друзей или просто знакомых?

Все пятеро отрицательно покачали головами.

– Ну что, мужики, поедem домой, темнеет быстро, да и метель опять начинается. Садитесь ко мне в УАЗик трое, а машины поведете сзади. Я, хоть немного, от встречного ветра вас прикрою.

Кунин и Ванин сели за рули «Нивы» и «Жигулей», Одинокоев, Берников и Лунин забрались к Шнуркову в милицкий автомобиль, и кортеж из одного здорового и двух инвалидов двинулся в 20-километровый путь. К концу его (хоть и обмотали свои лица Ванин и Кунин шарфами до самых глаз, а на руки перчатки удобные надели), поняли, наконец-то, оба значение старинного выражения – «промерзнуть до костей».

Хорошо, что Шнурков с дороги позвонил женам водителей, и те успели горячие ванны мужьям приготовить.

Наталье Ваниной пришлось руки мужа буквально отдирать от «баранки», а потом раздевать его самого, как малого ребенка.

Станным было то, что наутро ни Ванин, ни Кунин даже насморка не почувствовали.

В воскресенье, 14 декабря, как ни бился Шнурков, грейдера в агрофирме «Мирная» ему найти не удалось, и в Жиговку он попал только 15-ого к обеду, вместе с хлебовозкой, привозившей хлеб деревенским пенсионерам (это изобретение еще военных лет – гусеничный трактор с деревянными санями – по-прежнему безотказно действовало в отдельных деревнях Бугровского района в особо снежные зимы).

Шнуркову не пришлось ходить по домам. Сами пенсионерки (их оказалось шестеро) вышли на звук трактора к зданию бывшего магазина и оперативно раскупили все 20 привезенных продавщицей райпо буханок и десятков батонков.

– Бабулечки, а где же Ваши дедулечки? – решил пошутить Шнурков, чтобы завязать разговор.

– На кладбище наши дедулечки, а некоторые еще в войну без вести пропали, – печально-серьезно ответила одна из старушек, бравшая целых пять буханок. – Есть один дед на деревне, да и тот слепой и глухой – восемьдесят пять ему уже, – дополнила другая бабушка, помоложе и понаряднее одетая.

– А дети ваши где? – с сочувствием поинтересовался лейтенант.

– У-У, милай, кто ж в нашей глухомани жить останется? Поразъехались дети по разным городам. А чего ты нашими дедями интересуешься? Иль натворили где чего? – заволновалась третья, полная и с тяжелой суковатой палкой старушка лет 70.

– Да нет, это я просто, – смутился следователь. – Ищем мы охотника одного, пропал он недавно в этих местах. Вроде бы в Вашу деревню заходил позавчера. Не знаете про него ничего? Не видели? – с надеждой спросил Шнурков.

– Да что ты, милоч, у нас тут каждый человек наперечет, никого в субботу у нас не было. Родные из-за погоды ни к

кому не смогли добраться. Дорогу-то занесло совсем, да и до этих пор не прочистили, – уверенно сказала старушка с суковатой полкой.

– Точно-точно, сынок, ни одной живой души за последние дни не было, – подтвердила нарядная бабуля.

– А вообще-то, знаете, бабки, показалось мне, что в субботу после обеда кто-то за огородами нашими прошел – быстро так, шел, на лыжах. На охотника похож – в белом весь. А может, и померещилось мне – солнце в тот раз в глаза било, – заявила вдруг молчаливая до сих пор сухонькая невысокая старушка, приходящая за хлебом с плетеной старинной корзиной.

– Где Ваш дом, бабушка? – заинтересовался Шнурков. – Как Вас зовут? Мария Ивановна? Пройдемте к Вашему огороду, покажите, где Вы того охотника видели? – попросил следователь.

Дом Марии Ивановны Сухининой оказался крайним в Жиговке. Огород ее выходил к самому началу Невадского оврага. С трудом вытаскивая ноги из глубокого, но уже чуть затвердевшего снега, старший лейтенант минут пятнадцать пробирался к указанному старушкой месту.

Метрах в пяти, сразу за ракитовым плетнем, обнаружил он полусасыпанный, но все еще хорошо заметный след охотничьих лыж с очень широкими полозами. След выходил из неглубокого здесь оврага и терялся за следующей березовой посадкой.

– Мария Ивановна, а в какую деревню можно попасть, если так идти, как этот лыжник? – спросил Шнурков.

– Так там раньше старый тракт приходил – от Броского на Бугровск, через нашу Жиговку, потом еще Шаламовка, Никеевка, Дубовка – и до райцентра доберешься, – объяснила оказавшаяся очень словоохотливой Сухинина.

– Да? – удивился старший лейтенант.

– Да, – подтвердила старушка. Только им редко кто пользуется, зарос он сильно, наши, если пешком, в соседнюю деревню идут по нему, а вот на Бугровск никто никогда за последнее

время, а тем более зимой, не пытался даже пробовать добраться. Ведь и не видно его сейчас, снегу-то много нанесло».

Шнурков понял, что следы правонарушителя ведут все-таки в родной Бугровск, а раз так, то у него есть шансы.

Вызвав на следующее утро к себе в отдел председателя районного общества охотников и рыболовов (тот явился испуганный и взъерошенный – кое-какие грешки у Петра Кузьмича Трепанова имелись), следователь выяснил, что в райцентре проживают 85 официально зарегистрированных охотников.

Когда Петр Трепанов узнал причину вызова, то, обрадованный, решил максимально помочь Шнуркову в поисках неизвестного нарушителя. Он составил список охотников, у кого имелись широкополосные охотничьи лыжи и бушлаты с капюшонами в комплекте с белым маскировочным халатом.

Таких лиц оказалось 32 человека.

Но 10 из них были вместе с другими рыболовами 13 декабря на Невадском пруду и уезжали потом оттуда на своем транспорте. Еще у 15-и оказалось полное алиби – они или работали в этот день, или из дома никуда не отлучались.

Осталось Шнуркову проверить всего семерых – и он рассчитывал управиться с этим за 2-3 дня (так хотелось закончить подзатянувшееся «нечистое» дело).

Когда во вторник к концу дня, на очередной «планерке» начальник милиции спросил у следователя, как движется расследование, Шнурков уверенно заявил, что через два дня, максимум – три, виновный будет найден.

– Хорошо, старший лейтенант, что Вы так уверены, значит, на верном пути? – полуутвердительно – полувопросительно закончил разговор со следователем Томин.

Однако к концу названного Шнурковым третьего дня от предыдущей уверенности у него не осталось ни следа. Те семеро охотников, на одного из которых следователь так рассчитывал, не вызвали каких-либо сомнений в своей невинности. Каждый из них – от водителя райпо Лодыгина до кочегара школьной котельной Бахарева назвали старшему лей-

тенанту совершенно точное время и место их пребывания в субботу, 13 декабря, с 9.00 до 18.00.

– Приехали, старлей, – сказал себе Шнурков, завершив беседу с последним из подозреваемых, работником местной типографии Дудиным.

– Неужто с самого начала я в чем-то допустил промашку? – сокрушался следователь целый вечер третьего, последнего из намеченных для расследования, дня.

На следующее утро Шнурков вдоволь наслушался язвительных слов от начальника РОВД, который успел доложить (на основании слов Шнуркова) о раскрытии странного и таинственного дела.

– Если в течение двух дней правонарушитель найден не будет, то тебе, старший лейтенант, выговор обеспечен – не надо обещать раньше времени, понял? – зло сказал Томин.

Целый день Шнурков ходил мрачнее тучи, а к вечеру, придя домой и наспех поужинав пельменями, следователь пытался наметить план дальнейшего поиска неизвестного злоумышленника, которого он называл «Лешим».

До двух ночи продолжалась мыслительная деятельность старшего лейтенанта, но кроме одной здоровой и потому явно бесполезной при таком раскладе идеи – пройти по всем домам и квартирам в поисках лыж и балахона, в голову Шнуркову так ничего и не пришло.

Впрочем, перед самым засыпанием, его стала точить навязчивая мысль по поводу того, что он уже где-то раньше видел все эти вещи в таком сочетании: лыжи, балахон, белый халат, ружье. Причем, не у тех охотников, у которых только что побывал.

Вероятно, напряжение последних дней сказалось, и даже во сне старший лейтенант продолжил расследование, потому что сначала спал очень беспокойно. Часа в 4 утра он вдруг вскочил с постели, побежал к столу, нашел ручку и бумагу и лихорадочно записал два слова. Потом вздохнул облегченно, с закрытыми глазами дошел до кровати, рухнул как подкошенный и спал до половины восьмого, пока не зазвонил будильник.

До половины девятого Шнурков успел привести себя в порядок (умылся, побрился, погладил брюки и рубашку – а это он делал не каждый день) и по дороге на работу, схватив со стола листок с ночной записью, заглянул на соседнюю улицу Лесную.

– Варвара Степановна, Варвара Степановна! – он стучал в калитку дома № 4, помогая себе еще и голосом, – откройте.

Хозяйка дома, женщина лет 65, средней полноты, с очень красивым когда-то, но заметно увядшим лицом, которое сильно старили две глубокие морщины в уголках губ, Варвара Степановна Жулина, вышла из дома через пару минут.

– Что Вам, товарищ милиционер, нужно? – спокойно спросила она, открыв комнату.

– Степа Ваш дома? – спросил следователь.

– А где ж ему быть, конечно, дома. На рыбалку опять собирается, – ответила Жулина.

– Часто на рыбалку ходит Степа-то? – продолжил разговор Шнурков.

– Зимой – изредка, вот в прошлую субботу много наловил. Сказал, что на «Неваду» ходил.

– Пешком? – удивился старший лейтенант. – Зимой 20 километров пройти – это не шутка.

– Так он у меня бывший спортсмен – лыжник. Для него эти километры не проблема, – с гордостью за сына сказала Варвара Степановна.

– Да у нас и для снежной целины настоящие охотничьи лыжи есть – к мужу когда-то друг из Сибири приезжал – он и привез, – ответила Жулина и даже на еще не заданные Шнурковым вопросы».

– Поговорить мне со Степой нужно, – извинительно сказал следователь.

– Конечно, конечно, проходите в дом, – пригласила хозяйка, и через минуту оказался старший лейтенант на небольшой кухне деревянного старого дома, в которой Степан Жулин собирал снасть для зимней рыбалки.

– Здравствуй, Степан! – обратился лейтенант к нему.

– Здравствуй, капитан, – ответил Жулин.

– Повысил ты меня в звании, – старший лейтенант я, – возразил Шнурков.

– Дадут тебе скоро новое звание, капитан, может, даже за меня дадут, – спокойно продолжил Жулин.

– Так ты знаешь, зачем я пришел? – удивился следователь.

– Конечно, спрашивай – буду говорить, если это ко мне, – по-прежнему негромко и спокойно сказал Степан.

– Зачем ты рыбу украл у рыбаков, стекла лобовые разбил и шины у машин проколол? – задал первый вопрос по существу Шнурков.

– Обижали меня они – и Кунин, и Лунин, и остальные, особенно Берников, дразнились, что дурачок я поселковый. Не обращал я внимание сначала. А они все не успокаивались. Зло меня взяло, решил я им отомстить, чтоб страшно им стало, как мне, когда они впятером меня окружают и шпыняют: «Дурачок, а дурачок, а где твоя дурочка?»

Первый раз я летом их напугал. Узнал, что на рыбалку едут, в багажник к Ванину залез (он через два дома от меня живет), и с ним до «Невады» и добрался. Остальное Вы уже знаете. Заменить удочки, когда они так испугались, было не трудно, да и Полканов ошейник засунуть в багажник обратно тоже проблем не представляло.

Месяца два они меня не трогали, хотя конечно, не знали, что это я их там испугал. Но вот недели две назад опять дразнить стали – «Дурачок, а дурачок, где же твоя дурочка?» Тут я сильно разозлился, – Жулин замолчал на минутку, а потом спросил – Что, в тюрьму посадите?

Старший лейтенант Шнурков в первый раз за два года работы в РОВД не обрадовался завершению расследования своего очередного дела, а очень расстроился.

Поселкового дурачка Степана Жулина в Бугровске знала каждая собака. Причем, как в переносном, так и в прямом смысле.

Бугровчане знали, что их земляк, выпускник Бугровской средней школы, учился в Смоленске, в институте физкультуры, здорово бегал на лыжах, стал мастером спорта, вошел в сборную России, выиграл несколько престижных состязаний. На одном из первенств с ним произошел несчастный случай – упал на крутом спуске в обрыв. Ударившись головой о камень, получил сильнейшее сотрясение мозга, в результате чего стал тем самым Степой – дурачком.

Мать из больницы его забрала домой, благо, что, по словам врачей, помешательство его было тихое. Степа помогал матери по хозяйству, рыбачил и продолжал ходить на лыжах. Бугровчане относились к нему с сочувствием и не обижали – до вот этого случая.

Убивать обидчиков мысли у Степана не возникло, а вот наказать их за обиды он придумал как и выполнил это вполне здраво.

Перед уходом Шнурков долго беседовал с Варварой Степановной Жулиной, пытаясь успокоить ее и убеждая, что все будет нормально.

Докладывая наутро Томину о завершении расследования, старший лейтенант не выдержал и спросил:

– Товарищ подполковник, а этих пятерых уродов и наказать никак нельзя?

– Свидетели у тебя есть, что они издевались над Жулиным? Вот то-то и оно. Но рассказать в поселке об этом надо, – все же, решил Томин.

В середине следующего дня из областного центра приехала «скорая помощь» и увезла Степана Жулина в психиатрическую больницу. Мать уехала вместе с ним.

Шнурков, которого история мучила и не отпускала, рассказал о ней редактору районной газеты и вскоре в ней появился рассказ «Леший», в котором все герои были названы пофамильно.

Пятерка «дразнивших» хотела, было, подать на редактора в суд, но потом передумала – в поселке большинство жителей перестало с ними здороваться.

Дело дошло даже до увольнения с работы (глава администрации, как ни ценил Берникова, приказал ему написать заявление «по собственному желанию»).

P.S. В конце января 2004 года врачи и обитатели областной психиатрической больницы стали свидетелями удивительной сцены. Перед окнами трехэтажного здания выстроились пятеро здоровых мужиков и начали хором скандировать:

– Степа, Сте-па, Жу-лин, Сте-па!

Когда в зарешеченном окне показалась, наконец, голова того, кого они звали, весь квинтет бросился на колени и слаженно, трижды прокричал, даже почти пропел:

– Степа, прости нас, дураков!

Прошло еще пять месяцев. Степана Жулина врачи отпустили домой, потому что убедились – «в поведении больного не наблюдается никакой агрессии по отношению к окружающим».

В больницу за ним приехал Ванин с «братьями-близнецами».

А на очередной рыбалке в июле 2004 года на пруду «Невада» сидели у новейших удочек с наимоднейшими катушками и поплавками уже не пятеро, а шестеро рыбаков.

В том же месяце в Бугровский РОВД пришел приказ о присвоении очередного звания «капитан» следователю Шнуркову (досрочно, за успешное раскрытие ряда запутанных уголовных дел).

Шнурков и охотники
(повесть)

Что и говорить, не задалась охота в тот день у Петра Тучкова и Валерия Золотухина. Почти пять часов (с ранней зорьки) просидели они в камышах, надеясь хоть парой уток отметить начало охотничьего сезона, но надежды их развеялись, как дым после неудачных выстрелов.

Замерзли друзья-охотники порядочно, ведь хотя и поднялось уже солнце довольно высоко, но сидеть по пояс в воде в резиновых костюмах было очень не сладко. А что удача отвернулась от них совсем, стало ясно, когда, отчаявшись, они стали выбираться из болота, и у самого берега шесть жирных уток, с трудом набирая скорость, пронеслись прямо у них над головами – так, что завибрировали широкополые шляпы у обоих.

Петр и Валера от неожиданности и испуга даже присели, совершенно забыв о ружьях, лежавших на плече у каждого. Причем, Тучков приседал так неудачно, что потерял равновесие и начал валиться на спину. Если бы это было на суше, Петя, наверное, здорово бы ушибся, а тут, нелепо взмахнув обеими руками и выронив ружье, он упал совершенно безболезненно, хоть и поднял тучи брызг.

Глубина у берега оказалась небольшая, менее полуметра, и потому свое испытанное тульское ружье, встав на ноги, Тучков нащупал на дне сразу.

Хитрые утки тем временем уже опускались в густые заросли в дальнем, недоступном для людей, конце болота.

В ярости достав ружье и не соображая как следует, неудачливый охотник выстрелил по уткам сразу из обоих стволов. То, что произошло потом, не поддается никаким описаниям. Ружье вдруг расцвело адским пламенем, после угасания которого в руках у Тучкова оказалось уже не огнестрельное оружие, а деревянно-металлическая дубина с четырьмя роскошными рваными полосами на каждом стволе – и эти металлические полосы угрожающе торчали в разные стороны.

Как Петр удержал ружье в руках – осталось загадкой. Знающие охотники потом ему говорили, что когда падал он в воду, то наверняка залил в стволы ружья не только воду, но и большое количество тины и грязи – вот почему разнесло оружие так страшно.

Золотухин, наблюдавший за процессом, был напуган и ошарашен не меньше товарища и лишь спустя минуту смог, заикаясь, вымолвить: «Петь, а что произошло-то?»

Придя, наконец, в себя, бледный и молчаливый Тучков бросил искореженное ружье подальше в воду, и оба они выбрались на низкий, заросший густой приболотной травой, берег.

Их шалашик находился в 300 метрах повыше, и друзья, переводя дыхание, доползли до него минут через двадцать.

Дрожащими руками Тучков раскопал в углу прикрытый травой «сидорок», вытащил бутылку водки, судорожно скрутил пробку и, не пытаясь найти стакан, прямо из горлышка, большими глотками, не отрываясь, выпил больше половины. Затем, с трудом отдышавшись, протянул сосуд товарищу. Из чувства солидарности Золотухин допил водку так же – из горла.

Не разговаривая, оба пролежали в шалаше с полчаса и все никак не могли очухаться. Солнце жарило уже вовсю, а Тучкова, несмотря на выпитую водку, колотила крупная дрожь. Спиртное на него так и не подействовало, а вот Золотухина, хотя и выпил он много меньше, развезло: ноги с трудом удержали его массивное туловище, когда он попытался встать и сделать несколько шагов.

Пришлось отложить возвращение еще на пару часов. Этому способствовал и сильнейший проливной дождь, налетевший совершенно внезапно и так же неожиданно прекратившийся.

А потом снова выглянуло солнце, как бы подбадривая охотников: «Долго вы еще будете дрожать в своем шалаше?»

Первым аккуратно, на коленках, выполз Золотухин. По-трогал ноги и осторожно встал, с радостью убедившись, что хмель прошел.

Тучков же из шалаша вышел, почти не пригибаясь, резко и быстро, развалив головой крышу, которая рухнула, уничтожив все коричнево-зеленое сооружение.

Забросив за плечи «сидорки» (а Золотухин еще и ружье), друзья зашагали было по направлению к оставленной в паре километров от болота машине, но вскоре остановились. Короткий путь, которым они пришли сюда и направлялись уже обратно, превратился в липкую, блестящую на солнце, почти бобслейную, трассу. Она спускалась вниз так круто, что рисковать охотники не стали.

К месту стоянки вела еще одна тропинка, полузабытая и полузаросшая, зато более безопасная, хотя и длиннее первой в полтора раза.

Болотные костюмы помогали Тучкову и Золотухину без особых проблем продираться сквозь мокрые и густые заросли. В начале второго километра они стали подниматься на невысокий склон балки, где им быть еще не доводилось.

Тучков шагал широко, размашисто, глядя только под ноги, а Золотухин, торопясь за ним, все же успевал смотреть по сторонам. Его внимание вдруг привлекло какое-то движение впереди и сбоку по ходу движения.

– Петь, смотри! – окликнул он товарища. Тот остановился не сразу.

– Смотри, говорю, – Золотухин догнал Тучкова и схватил его за рукав.

Тот недовольно выдернул руку, но все-таки остановился и посмотрел вперед и налево.

Крупный зверек, похожий на сытого большого кота, работая передними лапами, быстро, судорожно копал нору. До него было никак не больше 100 метров.

– Валер, барсук, дай мне ружье! – в недавно еще сумрачном Тучкове мгновенно проснулся охотничий азарт.

– Ты что, Петька! – охота на них запрещена. Брехни потом не оберешься, – возразил Золотухин.

– Черт побери! Должны же мы хоть с какой-то добычей сегодня придти. Я отвечать буду. Дай ружье! – настойчивым, злым шепотом прошипел Тучков.

Золотухин нехотя протянул ему свою испытанную «Тулку». На всех охотничьих соревнованиях по стрельбе Тучков показывал приличные результаты, дважды становился чемпионом района, но, видно, все еще продолжавшийся мандраж помешал ему и на этот раз.

Оба охотника увидели, как заряд дроби кучно ударил в земляной холмик, накопанный зверьком, который после выстрела в течение секунды исчез в норе.

Чуть позже, правда, подбежав к ней, охотники поняли, что это был не барсук, а очень крупный сурок-байбак, поскольку никаких остатков животной пищи, обычной для барсучьих нор, здесь не оказалось.

– Что ж, не везет – так до конца, – подвел итог дня Тучков. А Золотухин так даже был рад, что товарищ промахнулся: неприятностей с соседом-охотоведом-инспектором ему очень не хотелось (эти сурки в районе тоже были под запретом).

Азарт, загоревшийся на время в Тучкове, снова угас, и он, зло поддав ногой насыпанный сурком земляной холмик, двинулся вперед, к машине (до нее оставалось еще метров 500).

Золотухин, с легким сердцем, посмотрев еще раз на байбачью нору, хотел было двинуться за товарищем, но взгляд его неожиданно задержался на чем-то блестящем, показавшемся в земляной насыпи после удара по ней ногой.

Валера наклонился и вытащил это блестящее на поверхность. Сердце у него неожиданно скакнуло, дыхание перехватило, руки задрожали, и он едва не выронил находку, оказавшуюся золотой, довольно крупной монетой – в очень хорошем состоянии. Наклонившись, Золотухин начал лихорадочно, как сурок, виденный им пять минут назад, разгребать землю и почти сразу нашел еще две таких же монеты.

– Петька, Петька, – громко, но сдавленно прокричал Золотухин. Тучков, уже ушедший метров на 100 вперед и все

еще не замечавший, что товарищ за ним не идет, наконец, остановился.

Золотухин начал махать руками, добавляя словесно: «Сюда, сюда, быстрее!»

Медленно, нехотя, неудачливый охотник подошел к Золотухину и сурочьей норе:

– Ну, чего ты?

Золотухин молча, на раскрытой ладони, показал ему три найденные монеты. Азарт в тучковских глазах загорелся еще быстрее, чем при охоте на байбака: нумизматом он был давним и заядлым.

Одного взгляда на монеты оказалось ему достаточно, чтобы понять: это золотые

10-рублевки с редко встречавшейся надписью «империа́л» – периода царствования Николая II, 1895 и 1896 года выпуска.

Уже вдвоем, рассыпав весь земляной холмик, Тучков и Золотухин нашли еще четыре таких же монеты, однако ограничиваться этим не захотели. Тучков сбегал к «Жигулям» и принес лопату, и они, меняясь через каждые пять минут, стали расширять байбачью нору.

Минут через двадцать вместе с землей на поверхности появились черепки разбитого горшка и – почти сразу же – снова монеты. Причем, наряду с николаевскими, оказалось здесь несколько штук времен царствования Елизаветы Петровны и Павла I.

Когда, углубившись уже больше, чем на метр, в жирный чернозем склона, друзья собирались прекращать свои раскопки, (последним орудовал лопатой мокрый от пота, с черными, грязными полосами на лбу – от вытирания рукой – Петр), им пришлось еще раз пережить несколько страшных секунд.

Вначале кто-то, очень сильный и невидимый, резко вырвал лопату из рук Тучкова, и почти сразу из темноты присыпанной норы вылетело существо – шипящее, с оскаленными зубами и взъерошенной шерстью (знакомые охотники, которым потом Петр и Валера описали его, никак не могли согласиться, что это был байбак).

Существо пронеслось между ног Тучкова с такой скоростью, что он, не успев среагировать, свалился на выкопанную ими землю, упав уже второй раз за день. Золотухин оказался расторопнее и потянулся за лежавшим неподалеку ружьем, но тут же схватился за лицо: летевшие из-под ног беглеца кусочки сырой земли попали ему в глаза, и о сурке он мгновенно забыл.

Вставшему, вымазавшемуся уже окончательно, но пришедшему в себя Тучкову, пришлось несколько минут успокаивать напуганного товарища и промывать ему глаза (для этого они спустились вниз, на дно оврага, по которому тек ручей, и где скрылся в кустах потрясший их зверь).

Впрочем, спустя полчаса, отмывшись, отчистившись и подсчитав найденные монеты, Петр и Валера решили, что байбак-то напугался еще сильнее их, а между тем он принес друзьям клад – прямо-таки «на блюдечке с голубой каемочкой». 33 золотых монеты, сверкая на солнце, радовали сердца Тучкова и Золотухина своим нежным блеском. Казалось, еще чуть-чуть, и от них пойдет малиновый звон: «Это – вам, это – вам, это – вам!»

– Да, брат, – подводя итоги раскопок, сказал Тучков – «это ж целое состояние. Без каталога говорю пока приблизительно, но некоторые из этих монет имеются у нас в России в единичных экземплярах. Что будем делать?»

– Не знаю, а ты как думаешь?

– Если официально сдавать государству, нам достанется четвертая часть. Это, конечно, приличные деньги, но их придется еще напополам делить. Может, рискнем? У меня знакомых коллекционеров много – через них попробуем нашу находку реализовать, а? – предложил Тучков.

Поколебавшись недолго, Золотухин согласился:

– Думаю, меня ты не обманешь?

– Валер, обижаешь! Не первый день дружим, – отреагировал Тучков сразу.

– Хорошо, только давай так. Монеты разделим поровну, и каждый будет у себя хранить свою часть клада, а когда ты

договоришься с кем-то, мы вместе к нему поедem, хорошо? – предложил Золотухин.

Тучкова это предложение покорило, но все-таки он согласился: ведь день, так паршиво начинавшийся, закончился на мажорных нотах. Петр даже о ружье своем забыл – пока об этом ему не напомнила жена.

– А, утопил в болоте! – легко он махнул рукой.

– Как в болоте? И не попытался достать? Тысяча долларов, экспортный вариант, в долги залезли тогда, забыл, – начала заводиться Зина, которую Тучков за эту особенность быстро выходить из себя (даже по пустякам) звал в шутку «Зина без бензина» («Твоему языку-мотору никакой бензин не нужен, вечный двигатель какой-то», – иногда упрекал он жену – но продолжал любить, поскольку хозяйкой и матерью она была замечательной).

Не хотел Тучков все говорить жене так сразу, но, чтобы ее успокоить, показал монеты. Глаза Зины, загорелись:

– Золотые? Да? И где ты их взял?

Тучков рассказал Зинаиде все события дня – вплоть до раскопок и предупредил, чтобы она держала язык за зубами.

– Петя, я что, дура? – обиделась жена.

– Нет, но трепушка, знаю я тебя, от радости все готова выложить кому угодно, – сказал Тучков, – так что не обижайся!

Золотухину же рассказывать было некому – с женой он развелся пару лет назад, и она с дочерью уехала к матери, в соседний райцентр Маевку. Дочь заканчивала 11 класс, собиралась поступать в институт, а тут такое везение.

Любил Валера своего единственного ребенка и помочь при поступлении теперь мог. Решил он после продажи монет дочери и бывшей жене подарок сделать.

А пока и он, и Тучков спрятали монеты в самые тайные уголки своих жилищ.

Через день, в ночь с пятницы на субботу, взяв для образца пять импералов из найденного клада и зашив их в пояс во избежание недоразумений, Тучков уехал в Москву, а Золотухин остался дома и ждал возвращения товарища и результатов.

В понедельник утром Петр вернулся – оживленный и радостный:

– Валер, мы богачи! Каждую из монеток хорошо оценили, и каждый из нас получит тысяч по пять в «зеленых». Покупатели приедут завтра утром.

Взбудораженные надвигающимся богатством, оба разошлись по домам. Тучков поделился новостями с женой, а Золотухин, переполненный счастьем и желанием побыстрее помочь дочери, зашел в магазин, купил бутылку московского коньяку, пару лимонов и, сев за свой любимый, удивительно чистый для одинокого мужчины, столик, начал отмечать праздник.

Проснулся он не сам – его разбудили ударом по щекам. Света в доме не было, горел чей-то фонарик с синим стеклом, но владельца фонаря видеть Золотухин не мог.

– Проснулся, охотник? Вот и хорошо, – бархатный, с хрипотцой голос был негромок и деликатен.

– Показывай, куда свою долю монет спрятал, только побыстрее, мы торопимся и потому церемониться не будем, – продолжил невидимый собеседник.

Валера хотел, было, дернуться и только сейчас понял, что руки и ноги у него крепко связаны. Сопrotивлялся Тучков недолго. Два крепких удара по челюсти (и выбитый в результате зуб), мощный удар по почкам убедили охотника, что его ночные гости не шутят.

Через пару минут золотухинскую долю клада – 17 золотых монет – один из грабителей достал из бачка унитаза (более укромного места Валера так и не придумал).

– Ну что ж, молодец, – удовлетворенно сказал обладатель бархатного голоса. – Жить будешь – хоть и без золота, – с издевкой закончил он.

Через пять минут грабители покинули дом Тучкова, привязав его к кровати и заклеив ему рот скотчем. Не отличавшийся в обычной жизни богатырской силой, охотник после ухода незваных гостей был так разозлен, что, напрягая руки и

ноги, сумел освободиться от веревок, хотя ушло на это около часа. Сдирая скотч с губ, с болью оторвал часть своих пижонских усов, и это Золотухина взбесило еще сильнее.

Схватив ружье, он бросился к дому Тучкова. Дверь была приоткрыта, и Золотухин, задержав дыхание, аккуратно, стараясь не скрипеть, вошел в дом.

Света в нем не было, и Валера в передней с грохотом налетел на что-то. Из дальней комнаты донесся невнятный стон. Уже не скрываясь, Золотухин бросился туда и, шаря по стене, нащупал выключатель.

Тучков и его жена, связанные спина к спине, сидели на полу. Лицо Петра украшали два огромных синяка, кровавая полоса пересекала и лицо Зинаиды. Рты обоих были заклеены скотчем.

Золотухин быстро, ножом, разрезал веревки на руках и ногах, а со скотчем позволил им разбираться самим. Заклеенный только что рот Зинаиды открылся, и она разразилась таким душераздирающим ревом, что Валере стало не по себе.

Пока жена рыдала, Тучков рассказал, что часа полтора назад яростно забрехал их пес Дружок. Лаял-лаял, а потом вдруг замолчал. Тучков вышел на улицу, прихватив на всякий случай свое старое ружье. Но едва он вступил на крыльцо, как тут же упал, потеряв сознание от удара по голове откуда-то сбоку.

Дальнейшее в его рассказе полностью повторяло случившееся с Золотухиным, исключая тот момент, что и Петя, и Зинаида пытались было оказать, сидя на полу, какое-то сопротивление и заработали украшения для лиц:

– Ну, Петька, много заработали по твоей милости? – зло сказал Золотухин. – И ты, дурак-охотник, даже не увидел слежку за собой. Что будем делать? Промолчим?

С трудом шевеля разбитыми губами, Тучков героически сказал:

– Ну уж нет! Пойдем в милицию!

Дежурный по РОВД, куда утром они пришли, никак не хотел регистрировать их заявление, когда они коротко пересказали суть случившегося.

– Идите-ка вы, ребятки, домой. Сами виноваты и не рыпайтесь, а то против вас уголовное дело возбудим, – попытался надавить на них капитан Солопов.

Тучков чуть было не поддался такому нажиму, но Золотухин оказался покрепче.

– Слушай, капитан, я сейчас с заявлением прямиком к начальнику УВД отправлюсь, хочешь этого, а? У меня там в кадрах как раз хороший знакомый сидит – подполковник Топоров, слышал?

– Ладно, ладно, уж и пошутить нельзя, – пошел на попятную дежурный. – Пишите заявление, только все подробно!

Этим же утром 28 августа на планерке капитан Шнурков узнал о новом для него деле.

Много их было за три года его работы в Бугровском РОВД, но краж исторических ценностей, да еще и, возможно, российского значения, не случалось, (это прямо подчеркнул Петр Тучков: «Все 33 монеты – из золота высшей пробы и очень редкие, 5 империялов вообще в России имеются в количестве 3-4 штук»)

После первых допросов потерпевших – Тучкова, его жены и Золотухина стало ясно, что раскрыть преступление будет очень нелегко, (если вообще возможно): все трое показали – «Никому и ничего о кладе не говорили». Если для мужчины это казалось нормальным, то для Зинаиды Тучковой промолчать о находке было сродни подвигу – но она его совершила: ни одной из подруг не обмолвилась о монетах ни словечка.

Значит, все упиралось в московского знакомого Тучкова – Алексея Грибова, известного столичного нумизмата, обладателя большой коллекции золотых и серебряных российских монет.

Допрошенный следователем одного из отделов милиции, Грибов показал, что, действительно, к нему два дня назад приходил его знакомый Тучков и попросил оценить 5 золо-

тых монет – очень редких. Стоимость каждой из них – от полутора до двух тысяч долларов, а об одном из империалов Грибов только читал, но никогда не видел. Так вот, его стоимость – никак не меньше 10 тысяч (в долларах, конечно). Петр спрашивал Алексея о возможной продаже этих и других монет, не называя, правда, сколько их у него.

Грибов сказал, что он готов был купить эти пять монет, но с рассрочкой во времени, а для остальных обещал подыскать Тучкову покупателя.

Тот, довольный оценкой монет, уехал, пообещав позвонить через пару дней (именно к этому сроку Грибов и сам должен был найти нужные деньги и с другими покупателями договориться).

И это все! Никаких слежек, а уж тем более криминальных действий столичный нумизмат, дороживший своей репутацией (по его словам) не совершал и не собирался.

Деньги он собрал для приобретения тех пяти монет и покупателей нашел – может назвать фамилии, если это нужно следствию.

Информация о допросе Грибова пришла в Бугровский РОВД на следующий день.

А перед утренней планеркой подполковнику Томину позвонили из областного УВД, и звонок этот привел начальника милиции в сильное волнение, которое он никак не мог скрыть.

На самой планерке все офицеры, привыкшие за последние полгода видеть подполковника абсолютно спокойным, даже равнодушным, что бы ни случилось в районе (из этого состояния не вывели его даже два убийства на бытовой почве в одном из многоэтажных домов райцентра), с изумлением заметили пунцовые пятна на щеках начальника. А когда услышали его голос, с возмущением прокомментировавший сводку происшествий за неделю, чуть не уползли под стулья, чтобы не видеть его гневных глаз.

После такой «накачки» лейтенанты, капитаны и майоры стремглав разбежались по местам происшествий, чего не

случалось уже давненько (обычно офицеры разбивались на группки и подолгу чесали языками, как базарные тетки, обсуждая последние поселковые сплетни).

И только Шнурков, спустя 10 минут после окончания этой планерки, узнал причину произошедшей с Томиным метаморфозы.

Когда все, быстренько, чтобы не попасться под горячую руку начальника, стали из зала совещаний уходить, подполковник жестом остановил следователя.

– Слушаю, товарищ подполковник, – сказал Шнурков.

– Садись, старший лейтенант, ох, извини, капитан ты уже, забываю. Садись, садись, разговор есть. С информацией из Москвы по допросу Грибова ознакомился? – обратился к Шнуркову Томин.

– Товарищ подполковник, конечно, ведь я докладывал на планерке, – с недоумением ответил капитан.

– Ну да, да, конечно. И что теперь думаешь делать? План-то поиска наметил? Ускорить нужно процесс, понимаешь? – с волнением в голосе и с сильно запунцовевшими щеками сказал начальник РОВД.

Шнурков с еще большим удивлением посмотрел на Томина. Когда начальник два дня назад познакомился с заявлением Тучкова и Золотухина, тогда он отреагировал так:

– Поживиться им захотелось за счет государства, а другие жулики их обжулили – так им и надо. Это дело – «на тормозах».

Все начальника тогда поняли хорошо – поиск вести формально, чтоб только отписаться. А тут вдруг подполковник требует настоящего расследования.

– Извините, товарищ подполковник. Еще одних кладоискателей ограбили? Или даже убили? – заинтересовался Шнурков.

– Типун тебе на язык, Шнурков, – с недовольством в голосе произнес Томин. – Дело-то, вот, какое... – последовала почти минутная пауза (было видно, что начальник РОВД усиленно думает – стоит или нет выдавать подчиненному важную ин-

формацию). – Позвонил сегодня Сам (так, очень уважительно, почти любовно называл Томин полковника Папашина, возглавлявшего областное УВД) и сообщил, что если наш райотдел отыщет в течение недели даже не преступников, а пропавшие монеты, со мной заключат контракт еще на один год.

Тут-то Шнурков понял причины необычного поведения своего начальника. До этого тот просто, не напрягаясь на работе, ждал даты увольнения по причине достижения пенсионного возраста. Срок наступал через месяц, и шансов продлить контракт не было никаких (областное начальство, следуя указке из Москвы, взяло курс на омоложение кадров районных начальников милиции). А тут, вдруг, неожиданное известие.

– Понимаешь, капитан, это единственный мой шанс, да и ты в обиде не останешься. Найдешь монеты? – с надеждой спросил Томин.

– Товарищ подполковник, я, конечно, буду стараться, но дело-то больно безнадежное, сами ведь знаете, – не захотел успокаивать начальника следователь. – Может, кому еще поручите? – попытался спихнуть с себя «тухлятину» Шнурков.

– Ты что, капитан. Все знают (да и я убедился), что ты у нас «везунчик», да еще и экстрасенс. – Томин сказал это очень серьезно. – Так что иди, рой землю, но найди монеты. Докладывай каждый день, к 17.00. Ясно? – уже с металлом в голосе закончил Томин.

– Так точно! – постарался так же твердо ответить следователь, но «металл» получился жидковатым.

После разговора зашел Шнурков в кабинетик, который они занимали вдвоем со следователем Ливневым (закончившим недавно юридический институт и еще не имевшим настоящих дел).

Ливнев уже убежал на поиски кур, пропавших у хозяйки дома № 14 по улице Лесной («Петух и три несушки», – со слезами писала заявление Галина Петровна Некрасова, бывшая медсестра, а ныне пенсионерка).

Так что у Шнуркова была возможность посидеть, подумав, набросать план, тем более что никто ему в этом процессе не мешал.

А процесс был долгим – целых полчаса, в результате чего на одной из страниц затрепанной записной книжки следователя появилась короткая запись из сокращенных слов: «Быв. Дом. Туч. Золот. говор. Еще», что означало: «Побывать дома у Тучкова и Золотухина и поговорить с ними еще раз».

Вздыхнув с облегчением: «Есть с чего начать», Шнурков убрал со стола бумаги в сейф, закрыл за собой такую же потрепанную, как и записная книжка, дверь и вышел в солнечное августовское утро.

Следователь шел быстро и не замечал того, как оно, утро, бодрит и освежает. Шнурков обычно такие ощущения получал в конце удачно расследованных своих дел, а в этом, «моментном», не виделся даже далекий свет в конце тоннеля. Впрочем, не было видно и самого тоннеля.

Тучковы и Золотухин жили на одной улице Бугровска, но в разных ее концах. Улица была одной из самых старых в поселке, не асфальтированной, с одноэтажными домами, с клумбами перед ними и огородами сзади.

Дом Валерия Золотухина уютно расположился в самом начале Колхозной. Украшенный резьбой забор и такие же резные наличники и фронтоны, говорили о том, что хозяин – деревянных дел мастер.

Впрочем, когда Шнурков зашел внутрь дома, он понял, что Золотухин – Мастер с большой буквы не только по дереву. На столе, подоконниках стояли в самых разных позах фигурки солдат – как российской, так и других армий.

– Это все Ваше? – с восхищением спросил Шнурков Золотухина.

– Да, балуюсь вот, лью из олова, а потом расписываю, – смущенно сказал хозяин.

– И сколько же времени уходит на одну фигурку? – спросил с интересом следователь.

– Да по-разному, когда недели хватает, а иногда и месяца недостаточно, ведь я все это в свободное время делаю, а у меня его не так уж и много, – ответил Валерий.

– Но вы, капитан, пришли ко мне не для того, чтобы фигурами солдат любоваться, – поменял Золотухин тему разговора.

– Ну да, – с неохотой перешел Шнурков к тому, ради чего и явился он к хозяину дома.

Долго, подробно, расспрашивал следователь Золотухина о событиях как того дня, когда они нашли клад, так и о последующих днях. Но зацепиться капитану ни за один из ответов так и не удалось. Валерий ничего не скрывал от Шнуркова (это было видно), но получалось, что лично он ни одному постороннему ни слова не сказал о находке. Близких друзей, кроме Тучкова, у него не было, а с женой, разведясь два года назад, он не общался, хотя иногда навещал ее и дочь (они жили в соседнем райцентре). Но за эти дни с бывшей женой и дочерью Золотухин не виделся и не звонил им (впрочем, Шнуркову это и так было известно).

Когда расстроенный и уставший следователь собрался уходить, Золотухин предложил ему пообедать с ним, но капитан героически отказался.

Впрочем, уже пять минут спустя Шнурков пожалел об этом: домашние пельмени Золотухина, со сметаной, обсыпанные зеленью, стояли перед глазами, как живые, вызывая обильное слюноотделение.

В районную пельменную с тех пор, как промучился неделю желудком после одного лишь ее посещения, следователь не заходил принципиально. Но кушать хотелось очень, поэтому Шнурков решил на этот раз принципами поступиться.

Взял двойные пельмени и чай. Однако, как ни голоден был капитан, ему хватило одного пельмешка, едва им откусанного.

«Из чего вы их делаете?» – возмущенно спросил Шнурков, возвращая обратно на раздачу тарелку с тем продуктом, который он обычно очень любил. А когда услышал от заведующей, что мясо «свежайшее», а милиция привередничает,

разозлившись, пообещал сегодня же поговорить с капитаном Булгаковым из ОБЭПа – «пусть проверит и Ваше мясо, и все остальное».

– Товарищ капитан, да что Вы так горячитесь, подождите пять минут, будут Вам сейчас пельмешки с пылу – с жару, только что из кастрюли. Зина, Зина, – крикнула заведующая.

– Да, Мария Алексеевна, – выскочила откуда-то из недр верткая, глазастая официантка.

– Пельмени там готовы?

– Да, Мария Алексеевна.

– Неси быстро товарищу капитану, а то, видишь, как он расстроен.

– Так эти пельмени для ..., – начала, было, Зина.

– Ты что, не поняла? Неси. – Уже резко, зло прервала ее заведующая.

Когда Шнурков доел «чужие» пельмени и запил их горячим крепким чаем, то злиться на жуликоватую Марию Алексеевну он уже не мог. Даже поблагодарил за вкусное блюдо: «Можете же, когда захотите!»

– Товарищ капитан, мы всегда так готовим, – уже нахально ответила заведующая. – Заходите завтра – убедитесь.

Сил поставить на место Марию Алексеевну у сытого Шнуркова не было. Он решил продолжить свое путешествие по Колхозной улице и посетить семью Тучковых, дом которых находился в самом конце улицы. Здесь начинался спуск к оврагу, на склонах его всегда паслась поселковая живность.

Петр и Зинаида встретили Шнуркова без всякого страха, гостеприимно. На все вопросы отвечали не задумываясь. Главный из них – «Рассказывали они о монетах кому-либо, даже нечаянно, может, проговорились?» следователь задал в самом конце беседы, очень надеясь на положительный ответ. Однако надежды капитана снова не оправдались.

«Что мы, враги сами себе?» – с обидой отвечала Зинаида. «Муж мне объяснил, что молчать надо, иначе все может случиться – вот я и молчала» – объяснила Тучкова свою позицию.

Сам же хозяин сказал:

– Капитан, я же нумизмат с большим стажем, лишнего никогда не скажу. У меня и сейчас монеты есть, лежат в сейфе. Но, по сравнению с украденными, они – сущая ерунда. Да и воры о них не вспомнили, хотя могли бы.

Если этих грабителей не присылал Грибов (ему я верю), то вообще ничего не понимаю, нечистая сила какая-то. Все, что знаю – Вам рассказал. Жена знает еще меньше, но и она все сказала.

Когда разговор с Тучковым закончился, шел уже шестой час. На вечернюю «планерку» Шнурков так и так опоздал, поэтому решил пройтись по улице. Появилась у него бредовая мысль – что следил кто-то за охотниками, когда они монеты делили, а может быть, когда прятали. Других правдоподобных версий за целый день, в ходе бесед с Золотухиным и Тучковыми, так и не появилось.

Впрочем, проверить возникшую идею (даже теоретически) Шнурков не мог.

Вернувшись в райотдел, плюхнулся, уставший морально и физически, следователь на свой испытанный стул, открыл сейф и достал тощую папку с надписью «Дело № 35». Кроме протоколов допросов потерпевших да фотографий с места находки их клада, ничего в папке пока не было.

Лениво перебирая фотографии, Шнурков начал размышлять о завтрашнем дне – с чего начинать-то, ведь и опрашивать больше некого, и изучать больше нечего?

Забурлила вода в стеклянной банке, в которой капитан изредка кипятил себе воду на чай, но следователь не обратил на это внимания. Его мысль в это время бродила по сделанным экспертом Завертяевым, очень четким фотографиям: овраг, склон, нора с холмиком земли, осколки разбитого горшка, довольно четкие следы резиновой обуви на успевшей подсохнуть земле.

Что-то ускользало от него на этих фото – и Шнурков никак не мог понять – что именно.

На следующее утро, сообщив начальнику об отсутствии результатов, следователь сказал, что он снова собирается побывать на месте, где были найдены золотые монеты.

Томин только спросил:

– Это необходимо?

Шнурков твердо ответил:

– Да, и мне будет нужен там эксперт.

– Хорошо, езжайте, но вечером доложите обязательно – и не как вчера, – дал согласие подполковник.

Следователь позвонил Золотухину и попросил его быть дома. В 9.30 еще более задрипанный, чем год назад, УАЗик отъехал от здания РОВД. В нем, кроме сержанта-водителя, сидели сам Шнурков и эксперт Завертяев.

Заехали на Колхозную за Валерием Золотухиным и через пять минут уже были на шоссе Бугровск-Низовское. Пятнадцать километров до Низовских болот ползли почти полчаса, хотя дорога оказалась очень приличной.

– Валерий, – обратился Шнурков к Золотухину, когда они подъезжали к конечному пункту, – Вы должны провести нас от болот тем же путем, каким вы шли тогда с Тучковым. Не спешите, мы с экспертом идти будем следом. Остановитесь там, где вы увидели в тот день байбака. Все понятно?

– Конечно, – без особых эмоций ответил Золотухин.

– Твоя задача, лейтенант, – перевел следователь взгляд на эксперта-криминалиста, – обратить внимание на все следы, которые мы увидим, особенно там, где остановимся. Вопросы есть?

– Нет, товарищ капитан, – быстро протараторил Завертяев, для которого этот выезд на место происшествия был если не первым, то одним из самых интересных, и он очень хотел показать свои знания «отличника» учебы.

Остатки шалаша, разваленного Тучковым, находились на том же самом месте (очередные выходные еще не наступили, и охотников на болоте не было).

Золотухин показал Шнуркову и Завертяеву, откуда и в каком направлении они в день охоты шли – и направился по

этой тропинке еще раз. За несколько дней, что он здесь отсутствовал, следы дождя и на почве, и на траве бесследно исчезли. Идти было даже приятно, и Валерий пожалел, что надел для визита свои болотные сапоги: уже через пятнадцать минут ему стало жарко, тем более, что солнце, всходя все выше и выше, пекло по норме совсем не для конца лета.

Когда Золотухин и следовавшие за ним в десяти шагах милиционеры прошли примерно половину пути (тропинка стала спускаться вниз), и Валера собрался уже сказать – «Вот место, где мы заметили сурка», откуда-то слева из болотных зарослей с сильным шумом вылетели утки. Вылетели так неожиданно и близко, что испуганные Шнурков и Завертяев прикрыли головы руками от внезапной опасности, пронесшейся в полуметре над ними. Золотухин же, у которого утки оказались позади, успел оглянуться и подсчитать (ружья-то у него не было), что этих любителей попутать охотников оказалось опять-таки шесть, и они были очень крупные.

– Вставайте, капитан, враги улетели, – насмешливо сказал Валерий, когда увидел присевших в траву следователя и эксперта.

– Вот, гады, теперь я вас понимаю, – беззлобно, даже с улыбкой произнес Шнурков, отряхивая приставшие к ладоням травинки (приседая, он коснулся руками земли).

– Пришли, капитан, – вот отсюда я заметил сурка, – сказал Золотухин.

Место, на которое указал охотник, представляло собой небольшую, неправильной формы, проплешину среди кустарника, который начинался неподалеку и тянулся до самого верха склона.

Шнурков посмотрел в указанном Золотухиным направлении и почти сразу заметил тот самый земляной бугорок.

– Валер, да около норы кто-то шевелится», – сказал он Золотухину.

– Черт побери, да это ж, кажется, тот самый сурок! Вот, паскудник, остался, никуда не сбежал, – с восхищением произнес охотник.

– Ну что, идем к нему? – обратился он к следователю и, не дожидаясь ответа, двинулся было вперед.

– Стой, – металлом в голосе остановил его Шнурков. – Теперь моя очередь, а ты, Валера, иди к машине и жди нас там. Ясно?

Услышав от Золотухина, что ему все понятно, следователь спросил о размере обуви самого Золотухина и его напарника.

Когда охотник удалился от них уже так, что его не было видно в начинавшейся рядом низине, Шнурков начал внимательнейшим образом изучать то самое место, рядом с которым они стояли.

Завертяев, которому капитан ничего не объяснял, с удивлением наблюдал за тем, как следователь ходил вокруг проплешины, то высоко задирая голову, то опускаясь на корточки, а пару раз становясь на колени (рискуя измазать свои хотя и не новые, но аккуратно выглаженные брюки).

Наконец Шнурков удовлетворенно крикнул, когда уже на третьем, большом кругу, вдруг обнаружил окурок сигареты.

– Лейтенант, идите сюда, – позвал капитан эксперта. Сигарета аккуратно, пинцетом, была опущена в пластиковый пакет, после чего Шнурков попросил Завертяева сделать несколько снимков.

Эту же процедуру капитан и лейтенант проделали и спустя полчаса – у сурочьей ямы, где следователь указал эксперту на несколько четких отпечатков.

Еще снимая их, Завертяев понял сразу, что следы принадлежат, по крайней мере, трем персонажам, но никак не двум.

– Да, Сергей, вот что не давало мне покоя на тех, прежних фото. Но там ясности не было, а теперь стопроцентная уверенность: у ямы находилось не двое мужчин, а имелся и кто-то третий.

Если это так, и Золотухин с Тучковым нашли клад вдвоем, то этот третий видел их, но никак себя не обнаружил. А

потом – случилось то, что мы уже знаем, – эту тираду Шнурков выпалил возбужденно, почти без пауз.

– Окурок там, в кустах, – его. Там он стоял и наблюдал, наверное, в бинокль. Когда кладоискатели ушли – к этой норе вышел и он, неизвестный. А вот и еще окурок-тоже «Кент». Видно, любит хорошие и дорогие сигареты, – этими словами следователь закончил подведение итогов на месте происшествия.

К 17.00 Шнурков и Завертяев возвратились в райотдел, и на вечерней планерке следователь доложил начальнику о первых проблесках в темном все еще тоннеле.

«Завтра доложу чуть подробнее, товарищ подполковник», – закончил рассказ Шнурков.

Томин оставил его после планерки и так, как никогда еще не говорил, наклонившись к самому лицу следователя, сказал: «Постарайся, миленький, не подведи, Шнурков! Сам лично подам рапорт о внеочередном твоём повышении».

И пока следователь не пообещал сделать все от него зависящее, начальник милиции никак не отпускал его, крутя пуговицу на кителе Шнуркова. Только когда эта пуговица оказалась, будучи оторванной, уже в руке Томина, тот, смутившись и вручив сюрприз капитану, отпустил его восвояси.

– Да! Вот тебе, Шнурков, и первая награда, – ядовито сказал следователь самому себе, покидая зал совещаний.

У его кабинета, дожидаясь капитана, стоял, переминаясь с ноги на ногу, эксперт Завертяев (уходя на планерку, Шнурков отправил лейтенанта делать фотографии).

Не говоря ни слова, капитан только вопросительно вздернул голову, на что эксперт радостно откликнулся: «Есть, товарищ капитан! Замечательные фотки!»

Шнурков нетерпеливо выхватил снимки из рук лейтенанта, начал их быстро перебирать:

– Вот он, родимый, четкий отпечаток (даже два) – резиновой обуви (сапоги или болотный костюм) сорок четвертого размера, между тем как у Тучкова и Золотухина эта обувь была на два размера меньше! А что скажете о сигаретах? – не отрываясь от фотографий, спросил эксперта следователь.

– Ну что – «Кент» как «Кент», чтобы установить место производства, надо запрос в область делать. Но слюну я попробую покумекать; да прикус у него интересный, два зуба с правой стороны не сходятся полностью, а на одном из них – шербинка в нижней части, – сказано это было Завертяевым солидно, с сознанием важности порученного ему дела.

– Молодец, Сергей! Молодец! Вы сделали все, что можно, дополнительную информацию, если она появится после экспертизы слюны, сообщите обязательно, – теперь дело за мной. А пока надо для завтрашнего дня отоспаться – и Вам советую. До завтра! – и Шнурков отправился на квартиру – для того, чтобы дать отдых своей материальной оболочке.

В пятитысячном Бугровске имелось 12 магазинов, где продавали сигареты. Дорогой «Кент» имелся в половине из них. За восемь часов хождения от магазина к магазину, опрашивая продавцов двух смен (если таковые имелись), Шнурков записал фамилии двадцати пяти человек – постоянных покупателей сигарет «Кент».

Членами охотобщества оказались пятнадцать из них – это удалось выяснить к концу первого дня шнурковских поисков. Конец их закончился несчастьем для Шнуркова, когда он, усталый, голодный, злой и невнимательный от усталости, переходил улицу у райотдела – не совсем по правилам, вернее, совсем не по правилам.

Пронзительный визг шин заставил его вздрогнуть и привел в чувство. Черный «Ауди» остановился в полуметре от ноги следователя.

Затонированное стекло со стороны кабины водителя поползло вниз и оттуда высунулось толстомясое лицо:

– Тебе что, раз... (нецензурное окончание определяло сущность Шнуркова), жить надоело? – Голос матершинника был густ и зычен – на него обернулись многие, проходившие по Автовокзальной площади.

– Жаль, спешу, а то поговорил бы я с тобой, козел! – уже поднимая стекло, закончил владелец «Ауди» свою тираду и дал по газам.

Времени, чтобы как-то отреагировать на эту речь, у Шнуркова не было – сказались его усталость и растерянность.

Но машину (марку, цвет, номерные знаки) и обличье водителя Шнурков запомнил, благо сам внешний вид возмущавшегося способствовал этому: модная стрижка, короткая пижонская бородка, темные очки, стильный пиджак и золотая печатка на безымянном пальце левой руки.

Впрочем, запоминание было автоматическим, ибо никаких действий для поиска матерщинника Шнурков предпринимать не собирался – ведь сам был виноват и едва не погиб по собственному разгильдяйству.

Разозленный на себя, следователь долго еще сидел в кабинете, изучая снимки следов и размышляя над фамилиями охотников-любителей «Кента».

На следующий день список из 15 фамилий уменьшился сразу до трех: именно столько оказалось обладателей обуви 44 размера. Однако одну из трех фамилий пришлось отбросить сразу же – любил сигареты «Кент» и утиную охоту глава администрации района, а его (как тут еще можно поступить?) не запишешь в подозреваемые.

Итак, к концу второго дня у Шнуркова оставалось только двое возможных преступников: товаровед местного райпо Иван Грязнов и главный инженер агрофирмы «Бед-холдинг-инвест» Сергей Поцелуев.

Поцелуева после запроса в его фирму следователь вынужден был отбросить: с женой и ребенком он уже 10 дней отдыхал на юге. Осталась у Шнуркова единственная спасительная ниточка – Грязнов, товаровед торгово-закупочного объединения, неженатый донжуан местного разлива, который частенько сорил деньгами в единственном поселковом ресторане.

Как следователь выяснил, товаровед регулярно кутил в ресторане, тратя за раз по 1-2 тысячи рублей.

Однако и с ним разговор у Шнуркова закончился, едва начавшись: выяснилось, что Грязнов только сегодня вернулся из длительной командировки на Дальний Восток (председатель райпо отправлял его туда для налаживания контактов по прямым поставкам икры в Бугровский район).

Сильно выпивший, в трико, с голым торсом, Грязнов и какая-то накрашенная девица сидели за круглым столом, на котором имелись: две бутылки коньяка (пустая и полупустая), большая открытая банка черной икры и черный же хлеб. Только что намазав два больших куса хлеба толстым слоем икры и отдав один из них напарнице, другой бутерброд Грязнов держал в левой руке и уже поднимал правую, готовясь выпить то, что было налито в большую рюмку.

Резкий, скрипучий звонок, прозвучавший в процессе принятия очередной дозы алкоголя, был так неожидан, что товаровед расплескал свою рюмку и выругался.

Открывая дверь, Грязнов уже не совсем твердо держался на ногах, но Шнуркова узнал.

– А, милиция! Что надо ей от бедного товароведа? Скрывать ничего не буду! Проходи, капитан! Нелька, – крикнул он, обращаясь к девушке, – у нас – гости, наливай!

– Садись, следователь, выпей, заешь икорочкой – свежайшая, только что привез с Камчатки – мы там договорились о прямых поставках, вот я и выпиваю, обмываем нашу удачу, – язык у Грязнова заплетался, хотя он старался четко выговаривать слова.

Шнурков уже понял, что и последняя его ниточка с треском оборвалась, развернулся и хотел уйти, но Грязнов настойчиво удержал его.

– Капитан, если уж пить не хочешь – на службе, так икорки-то съешь, когда свежайшей доведется попробовать. Вот ложка – чистая, не сомневайся, хлеб, вот он, попробуй. У меня гость был, только что уехал, я ему пару банок привез – так уехал, довольный до невозможности, а ты гребуешь.

Поняв, что просто так уйти, не вызвав пьяной обиды у Грязнова, не удастся (да и после голодного дня икра с хлебом выглядели настоящей царской едой), Шнурков присел за стол и с большим аппетитом скушал пять больших ложек действительно замечательной икры (каждая раскусываемая икринка разлеталась во рту следователя сладко-солеными брызгами, вызывая неопишемое наслаждение).

Пока следователь ел, Грязнов, не обращая внимания на девицу, говорил не переставая – говорил для Шнуркова. Капитан узнал о нехороших соседях Ивана, о самолете Москва – Петропавловск-Камчатский, о погоде на Дальнем Востоке, о кете и горбуше, о способах засолки икры черной и красной и методах обмана покупателей.

К концу монолога речь Грязнова стала совсем невнятной, утишилась и, сказав напоследок:

– Сволочь, все-таки, Борька, – товаровед, уронив голову на свой так и не съеденный бутерброд, тихо и сладко заснул.

– Нелли, а кто этот Борька? – спросил из вежливости Шнурков, обращаясь к почти трезвой девице.

– Да козел один, из областного центра. Притворяется другом Ивана, а сам норовит хапнуть – и в сторону, такой вот друг, – сказала Нелли... – Не люблю я его – и он мне так же отвечает. Вот и сегодня прикатил, загреб две килограммовые банки – за так – и уехал, ничего не дав и не пообещав. Тоже мне друг – хапуга.

Шнурков покинул квартиру Грязнова с двумя смешанными чувствами: теплоты в желудке и холодка в голове от ощущения, что снова оказался у разбитого корыта.

В этот вечер, вернувшись домой, умывшись, почистив зубы и почитав испытанную для сна книгу – «Войну и мир» графа Толстого, Шнурков, тем не менее, долго не мог заснуть. А когда сон, наконец, пришел к следователю, он оказался странным и жутким до чрезвычайности:

Толстомордый пижон из недавно виденного черного «Ауди» выходил из машины, шел по направлению к Шнур-

кову и, широко улыбаясь ослепительно белыми зубами, громко кричал: «Капитан, ты хотел мою голову – вот она». Произнося эти слова, он поднимал руки к ушам и, крепко обхватив голову с двух сторон, резко скручивал ее слева направо. Голова отделялась от шеи, причем, крови не было видно совсем. После этого туловище толстомясого подходило к Шнуркову и пыталось всучить ему свою голову.

Капитан, спрятав руки за спину и пятясь назад, падал в какую-то глубокую пропасть, падал долго, крича от ужаса. Когда вот-вот следователь должен был уже разбиться, еще во сне он начинал понимать, что это сон – и просыпался в холодном поту, с прилипшей к телу простыней.

Когда, окончательно придя в себя, Шнурков посмотрел на часы, то увидел, что идет только пятый час утра.

Заснуть он больше не пытался, поставил чайник и, бредясь, начал думать, к чему этот его сон. Когда-то был у следователя случай, также связанный со сном. Он сумел тогда найти украденный автомобиль. Но, при чем сейчас этот жирный «новый русский», так напугавший Шнуркова во сне?

Капитан подбирался к нему и с одной, и с другой стороны, пока, наконец, что-то вновь не шелкнуло в его подушавшем за последние дни мозгу. Это, конечно, последствия любимого произведения – «Мастера и Маргариты» – но ведь не только.

Номерные знаки – он их хорошо запомнил! В 8.30 ушел запрос в область, а в 9 утра Шнурков получил факс с информацией о толстомясом, менеджере крупной продовольственной фирмы из областного центра Борисе Немерзляеве. У капитана полдня ушло на то, чтобы понять – этот торговец частенько бывает по делам в Бугровске, поддерживает приятельские отношения с товароведом Иваном Грязновым, он, действительно, пижон, очень высокого мнения о себе – но это и все! Ни с какой стороны к криминалу его привязать не удалось. (К тому же, оказалось, Немерзляев никогда не занимался охотой).

Когда во второй половине дня Шнурков докладывал об очередной неудаче подполковнику Томину и уже завершал

свое невеселое выступление, он вдруг замолчал и остановился на полуслове:

– Иван Гря... Товарищ подполковник, товарищ подполковник! – почти прокричал он. – Я понял, где и кого искать! Как же с самого начала я так промахнулся?

Осунувшийся за эти дни, невеселый начальник милиции слегка оживился:

– Ну, говори, капитан, говори!

– Наши Низовские болота – любимое место охоты не только бугровских охотников, но и многих любителей из области. А их-то мы совсем упустили из виду, – радостно, задорно сказал следователь.

– Разрешите продолжить расследование? – уже с энтузиазмом спросил Шнурков.

– Давай, капитан, жми, дорогой – и побыстрее. Всех, кто тебе нужен, подключу к делу!

Запрос в областной центр, в общество охотников и рыболовов, дал следующий результат: в 200-тысячном Воробьиногорске оказалось почти полторы тысячи официально зарегистрированных охотников. Узнать о каждом из них – значило бы потерять массу времени, поэтому Шнурков отправился к председателю Бугровского общества охотников и рыболовов:

– Петр Кузьмич! Выручайте!

– Капитан, да с удовольствием, если смогу – помогу. Что от меня требуется? – откликнулся пожилой, но крепкий еще мужичок лет под 60, с юности заядлый охотник, Петр Кузьмич Трепанов.

– Мне нужен список тех охотников из области, кто регулярно приезжает на Низовские болота, а еще лучше – тех, кто охотился там в прошлый четверг. Сможете сделать? – с надеждой спросил следователь.

– Когда этот список нужен? – уточнил Трепанов.

– Два часа Вам хватит?

– Попробую. Зря-то Вы не стали бы меня беспокоить – так что все, что от меня зависит, сделаю, – просто сказал главный бугровский охотник.

Через два часа список уже был у Шнуркова, и значилось в нем опять-таки 15 фамилий – магическое для этой истории число.

Часа через полтора фамилии эти уже крепко сидели в мозгу Шнуркова и он, почти как розыскник Таманцев из «Августа сорок четвертого», «прокачивал» их сквозь свои напрягшиеся извилины.

Обувь сорок четвертого размера носили четверо из пятнадцати охотников, а «Кентом» по-настоящему увлекались двое их четырех – Михаил Саврасов, модный городской дизайнер, и Эдуард Головлев, главный инженер фирмы «Кока-Кола». Как ни странно, но обнаружилось, что они давно и крепко дружили.

Шнурков, выяснив адреса обоих, вместе с группой из областного УВД поехал вначале к одному, а потом к другому охотнику. Когда, уже в дороге, к следователю по рации поступила дополнительная информация, капитан на 90% был уверен, что это они – искомые грабители, ведь Саврасов давно был увлечен нумизматикой. А тут такие монеты – как не соблазниться, да еще почти на «халяву»!

Правда, когда Шнурков заходил в квартиру к художнику-дизайнеру, он едва не выругался от изумления: перед ним, открывая дверь, оказался тот самый толстомордый пижон из черного «Ауди».

– Вы художник Саврасов? – обратился к нему следователь.

– Да, а в чем дело, капитан? – с апломбом спросил тот.

– «Ауди» с номером 456 – тот, что у подъезда, Ваш?

– Нет, просто я езжу на нем по доверенности, вот уже год, – уже спокойнее отвечал художник.

– А в Бугровск часто приезжаете? – продолжая наметившуюся беседу, расспрашивал Шнурков.

– Да в чем дело, капитан? Ко мне есть какие-то претензии? – опять начал заводиться Саврасов.

– Вы извините нас, Михаил Николаевич, – хотел продолжить расспросы следователь, но его грубо и бесцеремонно прервали:

– Не Михаил Николаевич, а Михаил Сергеевич, удосужились бы узнать мои имя и отчество, раз ко мне ехали, – сарказма в голосе художника было столько, что Шнуркова это задело, хотя обычно он спокойно относился к эмоциям подозреваемых и задержанных.

– Еще раз извините, Михаил Сергеевич, конечно, мы расследуем дело о пропаже монет из коллекции одного нумизмата. Не могли бы Вы показать нам свою коллекцию? Мы знаем, что коллекционеры народ скрытный и не любят делиться своими находками, но будьте любезны... – витиеватая речь капитана Шнуркова была снова прервана.

– А с какой стати я буду любезен? Без звонка врываетесь в мою квартиру и требуете, чтобы я показал Вам свою коллекцию, а я, думаете, пойду Вам навстречу? – раздраженно, зло, повышенным тоном сказал Саврасов. – Или Вы предъявляете ордер на обыск – или немедленно покидаете мою квартиру, – категорично закончил свою речь художник.

Городской прокурор ордер на обыск квартиры Саврасова не подписал («Капитан, чтобы проводить подобные действия в отношении граждан, нужны более веские основания, нежели размер их обуви», – холодно прокомментировал свой отказ Шнуркову старый прокурорский «волк» Андрианов. – «Вам понятно?»)

Впрочем, уже к вечеру следователь даже в некоторой степени был рад такому решению прокурора, поскольку, поговорив с охотниками, товарищами Саврасова, капитан выяснил, что на охоту в Низовские болота в последние две недели художник не ездил, предпочитая пруды в окрестностях райцентра Маевки – и к городу поближе, и уток здесь в последнее время стало больше.

Алиби Саврасова и его друга-инженера Головлева подтвердили пятеро их знакомых и соседей.

Так Шнурков снова оказался в тупике. Однако, как ни странно, отчаяния у него в этот раз не было. Наоборот, появилась злость, которая его завела и накрутила, словно тугую стальную пружину.

Полдороги от Воробьиногорска до Бугровска капитан просидел молча, изредка отвлекаясь на очередное попадание и так забрызганного грязью УАЗа в очередную выбоину на отвратительнейшей дороге. Шнурков все пытался найти звено очередной логической цепочки, которая, как он был уверен, находилась где-то совсем рядом, но он ее почему-то не замечал.

До родного райцентра оставалось еще километров двадцать, когда вдруг затеял разговор сержант-водитель:

– Товарищ капитан, завтра воскресенье!

– Ну и что? Не понял я твоего намека, Лапин. Какое к черту воскресенье, если дело «висит»? – разразился тронной речью Шнурков.

– И я к тому же, – спокойно продолжил водитель. – Чтобы свежие идеи появились, нужна свежая голова, а для этого ей нужно отдохнуть. Лучший отдых – только на природе. Вот я, например, предпочитаю рыбалку. Закинешь удочку на любимом месте и ждешь поклевки, а уж если начинает клевать – о любой работе на время забудешь. Так ведь, товарищ капитан? – обратился он к следователю.

Шнурков собрался было остановить своего шофера-философа, но передумал. Вместо этого спросил (хотелось отвлечься от назойливых мыслей):

– И где ж ты предпочитаешь рыбачить?

– Ну, любимых мест у меня много, – уже весело, радуясь, что отвлек следователя от не удающейся работы, сказал Лапин. – Обычно езжу на пруды – там природа, родники. Красотища! Самые мои любимые – те, откуда без рыбы не возвращаюсь – Чертова дача, Зюкари, Дукаровский пруд, Низовской...

– Какой-какой? – прервал лапинскую тираду Шнурков.

– Да Низовской же. Очень любопытный пруд. Там берет самый крупный зеркальный карп у нас в районе, – охотно объяснил сержант.

– И где же этот пруд находится? – уже с интересом спросил Шнурков.

– О, это самое любопытное. О Низовском пруде знают не все. Конечно, в селе Низовском народ знает, а вот райцентровские не успели расчухать. Его один фермер запрудил на своей земле и ловить разрешает только знакомым. Да и подъезда к нему нет – неудобьями километра два топать надо. Но красота! А карпы! – Лапин долго еще мог бы восторгаться, но Шнурков его оборвал:

– А от Низовских болот дорога к нему есть?

– Конечно. Причем, только там, в самом верховье овражка и пройти к нему можно, – продолжил разъяснения сержант.

– Интересно-интересно, – протянул Шнурков. – А сколько у нас в баке бензина? – вдруг резко спросил он Лапина.

– Не волнуйтесь, товарищ капитан, все рассчитано, до дому хватит, – а вот уже и Бугровск показался.

– В Бугровск мы не едем, – отрезал Шнурков. – Давай на заправку – и прямым ходом в Низовское.

– Да вы что, товарищ капитан, – взмолился Лапин, – уже пятый час, пока доедем до села, еще час пройдет, темнота скоро!

– А ты побыстрее – и без разговоров, – жестко сказал Шнурков.

Раздраженный, злой на капитана-начальника, а еще больше – на себя, что затеял разговор о рыбалке, Лапин, тем не менее, заправился быстро, а по трассе прямо-таки летел.

К Низовским болотам они подъехали в 16.45.

– Ну, показывай, где к твоему знаменитому пруду идти, – приказал Шнурков водителю.

Через 20 минут следователь и его провожатый подошли к тому самому месту, где уже дважды побывал Шнурков в ходе расследования монетной истории, месту, откуда неизвестный злоумышленник наблюдал за Золотухиным и Тучковым.

Но, поскольку Лапин об этом ничего не знал, здесь он не остановился, а, свернув вправо, на почти невидимую в еще густой, хотя уже сильно пожелтевшей, траве, тропинку, спустился к ручью, перешел через него и стал подниматься на

противоположный склон, не заметив, что Шнурков давно за ним не идет.

– Сержант, сержант, назад, – крикнул ему следователь. – Все, возвращаемся, а то в темноте дорогу не найдем.

– Спасибо тебе, Лапин, за разговор, за свежую идею, очень надеюсь, из нее будет толк, – сдержанно радуясь, сказал следователь водителю, когда уже с зажженными фарами их УАЗик выбрался на шоссе Низовское – Бугровск.

– Слушай, сержант. Очень важный вопрос задаю тебе. Сейчас, в это время года, вообще рыбу-то ловят? Ходит кто на рыбалку? – вопросы были заданы, когда подобревший от благодарности Лапин вовсю гнал машину, обрызгивая грязью обочины, гнал, уже снова готовый на разговоры.

– Редко, – только настоящие любители этого дела, а уж на Низовский пруд из местных почти никто и не заглядывает – Серега Головин, фермер, не разрешает – ведь деньги-то на зеркального карпа убухал и надеется от продажи рыбы оправдать свои расходы. Мне-то он позволяет пару-другую карпов поймать, помог я ему однажды, да и к тому же дальний родственник мне – по жене.

Этот ответ одновременно и расстроил, и обнадежил Шнуркова. Расстроил тем, что едва появившаяся надежда найти злоумышленника снова стала угасать. Обнадежил же тем, что возникла фигура возможного свидетеля – хозяина пруда.

На утренней планерке в РОВД (хотя было воскресенье, начальника милиции это не остановило) следователь доложил Томину обо всем, о своих предположениях и плане действий на ближайшее время.

– Ну что ж, последняя серия, – почти обреченно сказал начальник РОВД, – попробуй и этот шанс, – но внешний вид Томина говорил, что он уже не верит в удачный исход дела.

В 10 утра капитан Шнурков – с тем же водителем (Лапин упросил напарника поменяться с ним сменами, очень хотелось сержанту лично участвовать в деле, которое, благодаря ему, получило дальнейшее развитие) были на Низовском пруду. Фер-

мер Сергей Головин готовился к очень важной процедуре – частичному спуску своего пруда с зеркальными карпами – и потому визит милиционеров его не очень обрадовал:

– Завтра покупатели за рыбой ко мне приедут, а вы мне вопросы задавать приехали. Ну ладно, что нужно-то?

Когда же Шнурков попросил его вспомнить, ловил ли кто рыбу на его пруду за последнее время, Головин с небольшой заминкой сказал:

– Никому за последние две недели ловить свою рыбу я не разрешал.

– Сергей Алексеевич, ай-я-яй, а Вы знаете, что бывает за дачу ложных показаний? – укоризненно сказал Шнурков.

Головин – здоровый, сильный мужик, с красными от холодной воды руками, смутился:

– Да был у меня, наш, деревенский, только он давно в Москве живет, а летом иногда мать навещает. Сосед он мой по Низовскому – Рябов Владимир. С неделю назад, когда узнал он, что в моем пруду зеркальные карпы, упросил меня, и я ему разрешил, сколько сможет, на удочку поймать – все забрать с собой в Москву. Пришел раз – двух карпов килограммовых выловил, собирался и на следующий день прийти. Но я его ждал, ждал, да так и не дождался. А вечером от матери его узнал, что он срочно собрался и уехал в Москву. Мать сказала – позвонили ему по телефону, по мобильному – он и уехал.

Адрес сына Нина Петровна Рябова дала охотно, долго рассказывала, какой он у нее замечательный и любящий мальчик (мальчику, правда, уже за сорок – но это ничего). На вопрос, чем занимается в Москве Владимир Рябов, сказала, что работает машинистом в метро.

Когда взбудораженные первой радостной за последнее время вестью Шнурков и Лапин возвращались к УАЗику, им пришлось снова спускаться к ручью «Гремячий колодезь» (так называли его местные). Шнурков первым перешел через него по узким бревнышкам, а когда на эти бревнышки вступил сержант, откуда-то снизу, со стороны болотных зарослей,

с шумом вылетели шесть жирных уток, вылетели так низко и так близко, что отреагировавший на их появление Лапин потерял равновесие на шатком мостике и свалился вниз. Падение с метровой высоты вышло мягким и сочным, а грязные брызги, вылетев из-под массивного тела сержанта, очень компактно разместились на брюках и куртке Шнуркова.

Все произошло так быстро, что никто из двоих и «охнуть не успел», а проклятые утки прямо-таки растворились на горизонте.

Воды в ручье было немного, а вот ила (болото – ведь рядом)... В общем, когда капитан помог сержанту выбраться наверх, на Лапина было страшно смотреть: отдельные сухие пятна на милицейской форме превратили ее в маскировочную. Садиться в автомобиль в таком виде водитель не стал, и потому ему пришлось раздеваться и полоскать одежду в роднике (а температура в нем была никак не выше четырех градусов по Цельсию).

Оставшемуся в трусах и майке Лапину Шнурков отдал свою куртку, и тот, стуча зубами, забрался на заднее сиденье. Сам капитан сел за руль и вместо Бугровска заехал вначале в Низовское, постучав в двери первого дома на окраине.

Бабулька, открывшая ему дверь сразу же, не спрашивая, испугалась так, что беспрепятственно пропустила Шнуркова вовнутрь. Капитан понял, что попал куда надо. Специфический запах свекольной браги и крепкого самогона всю гулял по небольшой кухне.

– Мамаша, – обратился Шнурков к бледной и потерявшей дар речи женщине, – налей нам литровку своего средства и найди какое-нибудь одеяло.

Просьба была выполнена с космической скоростью. С пластиковой бутылкой в одной руке и одеялом в другой следователь вышел из дома бабули, которая так и не сумела за это время ничего сказать.

Пол-литра самогона Шнурков потратил на оттирание посиневшего Лапина (в избу тот так и не захотел идти), а половину

оставшейся части капитан почти силой заставил сержанта проглотить. Водитель среди младшего милицейского персонала славился тем, что не пил вообще, а тут пришлось глотать столько отвратительного пойла. Однако одновременное наружное и внутреннее воздействие сказались очень быстро, и уже через 10 минут, завернутый в большое лоскутное одеяло, Лапин уснул, растянувшись на заднем сиденье УАЗика.

Когда к 8 часам вечера Шнурков подъехал к дому Лапных, его встречало на улице все многочисленное семейство сержанта: жена, теща и трое детей. Чтобы их не напугать до выгрузки тела, следовательно пришлось прочитать целую лекцию о том, на каком важном задании находился старший сержант, и как он блестяще с ним справился.

Вернувшись в свою квартиру, Шнурков для начала постирал свои брюки и куртку. Повесил их для сушки на кухне.

Спал он плохо, бегал на кухню, проверял одежду, но, несмотря на все усилия, досушить выстиранное утюгом следовательно не удалось: ни брюки, ни куртка так и не просохли.

Пришлось Шнуркову идти на планерку в парадном мундире, и когда его увидел дежурный, капитан Солопов, то оторопел:

– Шнурков, у нас что, День Милиции или тебе за ордемом ехать?

Однако следователь гордо прошагал мимо и зашел для доклада к Томину:

– Иван Ильич, у нас есть след и шансы.

И далее Шнурков подробнейшим образом рассказал все начальнику, не забыв упомянуть, какой молодец сержант Лапин.

Районный прокурор дал ордер на обыск дома Рябова в Низовском, что привело Нину Петровну Рябову в состояние, близкое к обмороку. Никаких монет в доме найдено не было, а вот болотные сапоги того самого размера обнаружили. Экспертиза показала: «Они, они, родненькие!»

Рапорт Томина ушел в УВД, а оттуда полковник Папашин обратился уже к столичным коллегам.

Их визит к Владимиру Рябову оказался как нельзя более своевременным: при обыске у него были найдены 10 золотых монет, из числа похищенных у Золотухина и Тучкова.

В течение недели Рябов никаких показаний не давал, а потом «поплыл», назвал своих сообщников, напарников по «разводке лохов» (эта компания работала на вокзалах, занимаясь мошенничеством, а тут вдруг «госпожа удача» им улыбнулась, вот и рискнули ребята).

Эти двое – Иван Серов и Алексей Глазов – оказались пошустрее и успели сбыть часть украденного и истратить полученные деньги. Но в результате оперативных мероприятий удалось в течение месяца отыскать 25 монет, хотя 8 штук исчезли бесследно.

(Правда, Шнуркову чуть позже конфиденциально сообщили, что монеты эти, якобы не найденные, видели в частной коллекции одного генерала из МВД).

Р. С. В конце октября подполковнику Томину позвонил начальник УВД Папашин и сообщил ему: результаты Бугровского РОВД позволяют продлить контракт с начальником милиции, по крайней мере, еще на год.

Капитан Шнурков за начальника немного порадовался, а свою премию в размере 1000 рублей потратил на коньяк (себе) и торты (жене и детям Лапина).

Что касается Золотухина и Тучкова, то они – после длинных хлопот – сумели-таки получить приличную сумму за найденный ими и как будто бы отданный государству клад.

Тучков купил себе новое «навороченное ружье», а Золотухин, как и планировал, почти все деньги отдал дочери – на ее будущую учебу.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо вступления.....	5
Первая тройка. Пропавшие	7
Рассказ первый. Пропавший Веников	9
Рассказ второй. Пропавший сейф	21
Рассказ третий. Пропавший батюшка.....	33
Вторая тройка. Шнурков и Ко	51
Рассказ первый. Шнурков и костяная нога.....	53
Рассказ второй. Шнурков и ГАЗ-53.....	71
Рассказ третий. Шнурков и Венера	88
Третья тройка. Шнурков и мошенники	105
Рассказ первый. Артист.....	107
Рассказ второй. Цыганское счастье	126
Рассказ третий. Леший	147
Шнурков и охотники (повесть)	171

В серии «Орловщина литературная – Современники» вышли:

Василий Катанов Сабуровская крепость

Василий Катанов
К 29 Сабуровская крепость / Исторический роман / —
Орёл: Издательство «Каргуш», 2017 — 484 с.

ISBN 978-5-9708-0616-6

Книга-победитель на фестивале национальной книги «Читающий мир»
в номинации «Лучшая книга для молодежи» (Рязань, 2017)

«Сабуровская крепость» — исторический роман о выдающемся русском полковнике Николае Михайловиче Каменском (1776 — 1811), которого А.В. Суворов после перехода через Альпы назвал «старым генералом». Много страниц посвящено отцу героя, генерал-фельдмаршалу Михаилу Федотовичу Каменскому (1738 — 1809), старшему брату, генералу от инфантерии, основателю Орловского театра Сергею Михайловичу Каменскому (1771 — 1835).

Алексей Шиликов Сказки из прошлого в будущее

Алексей Шиликов
Ш 55 Сказки из прошлого в будущее / Для взрослых и детей /
Орёл: Издательство «Каргуш», 2018 — 380 с.

ISBN 978-5-9708-0651-7

При написании сказок автор исходил из того общепринятого понимания, что они несут в себе мудрость предшествующих поколений. Постичь эту мудрость, проникнуть в ее глубины — вот побудительный мотив, которым руководствовался.

Поскольку помещенные в книгу сказки в равной степени адресованы детям и взрослым, автор пытался побудить читателя к размышлению о том, что рядом с добром шагает зло, с любовью — ненависть, зависть, с дружкой — предательство, с правдой — ложь, клевета и т.п. пороки.

Алексей Шиликов пытается донести до сердца, души читателя истину о том, что высшим проявлением любви является любовь к своим родителям, родному очагу, своему Отечеству, что уважение можно заслужить лишь через добросовестный труд, благородство, бескорыстные добродетель и т.п.

И еще одно обстоятельство: правда — всегда голая, острая, колючая, а ложь — многолика, многоцветна, красноречива; правда быт не в бровь, а в глаз, и оттого она воспринимается, как боль, а ложь — ласкает, шепчет на ухо ласковые, приятные слова, убаюкивает и тем самым губит того, кто ей поверит.

Вот все это автор и пытается донести до читателя. Насколько это ему удалось, судить Вам, читателям, а он с благодарностью воспримет и приятные слова, и добрую критику.

В серии «Орловщина литературная – Современники» вышли:

Сборник произведений писателей Ливенского края

Литературный клуб «Геликон»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ «ГЕЛИКОН»

В 31 Сборник произведений писателей Ливенского края
– Орёл: Издательство «Картуш», 2018. – 224 стр. (Серия
«Орловщина литературная – Современники»)

ISBN 978-5-9708-0712-5

В книгу вошли произведения более тридцати авторов, как известных, так и только начинающих пробовать себя в литературе. Многих из них уже нет с нами, но творчество этих замечательных писателей навсегда останется в нашей памяти. «Литературный клуб» пригласил на свои страницы талантливых уроженцев Ливенской земли, по разным причинам покинувших родной край, но не забывших свою малую родину.

Сборник произведений членов клуба «Мастера»

Как здорово, что все мы здесь...

КАК ЗДОРОВО, ЧТО ВСЕ МЫ ЗДЕСЬ...

К 16 Сборник произведений членов Покровского
районного клуба творческих личностей «Мастера».
Орёл: Издательство «Картуш», 2019. – 428 стр.

ISBN 978-5-9708-0714-9

Перед тобой, уважаемый читатель, сборник, составленный из произведений членов Покровского районного клуба творческих личностей «Мастера», написанных за 10 лет существования этого уникального на Орловщине творческого объединения. Здесь представлены стихи, рассказы, сказки и другие, самые разнообразные по форме и содержанию, вещи. Читатель, наверняка, выберет то, что ему лично по душе (по крайней мере, авторы на это надеются) и в полной мере насладится тем или иным произведением.

Серия
«Орловщина литературная – Современники»

16+

Александр Михайлович Полынкин

О СЛЕДОВАТЕЛЕ ШНУРКОВЕ
Детективные истории

Главный редактор: С.А. Ветчинников
Технический редактор: А.В. Трудников
Дизайн обложки и шмуцтитолов: А.В. Трудников
Художник: Юрий Новиков

Подписано в печать 02.07.2019 г. Формат 60×84 1/16
Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Объем 13,25 усл. печ. л. Тираж 100 экз. Заказ № 10

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета в авторской редакции
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862) 44-51-46.
E-mail: kartush@orel.ru www.kartush-orel.ru

350-00

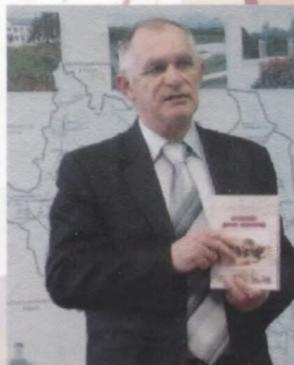
Александр Михайлович Полынкин

Родился 5 февраля 1956 года в деревне Бунино Урицкого района Орловской области.

В 1978 году закончил историко-английский факультет Орловского Государственного педагогического института. Более четверти века проработал в системе образования Покровского района (учителем, заместителем директора, директором Покровской средней школы и директором Станции детского и юношеского туризма и экскурсий). В 2006-2011 годах – председатель постоянной комиссии по социальной политике Покровского районного Совета народных депутатов.

Основал два музея, участвовал в создании нескольких документальных фильмов по истории Покровского края. Автор книг – «История Покровского края с древнейших времён» (в двух частях), «Покровский край» (в соавторстве с В.М. Катановым), «Отец» майора Прони́на» (два издания), «Легенды и были земли Покровской», «Грустен и весел вхожу...», трёхтомника «Орловщины родные очертанья» и ещё трёх десятков книг и более 500 статей по краеведческой тематике в районных и областных периодических изданиях.

Член Союза военных литераторов.

ISBN 978-5-9708-0726-2

9 785970 807262